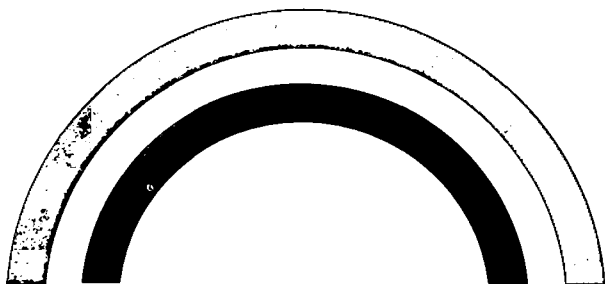

KI 1440221

Тамара Спивак

Радуга Любви

ББК 84 (2 РОС-РУС) 6

РС

072

Спивак Т. О. Радуга любви. - 288 стр.

Корректор М. Ф. Иволгина

ISBN 5-87913-018-5

Издательство «Грифон», 1998.

© Спивак Т. О.

Да, это роман о любви. Чистой, воз-
вышенной, вассальной любви мушкетеров
и тещиных. Роман со всеми присущи-
ми такой теме атрибутами: зло-
стасийским треугольником, в кото-
ром один из героев - обязательно
милый, с сомнениями и страда-
ниями, с трусостью и коварством, с
непреходящей памятью о прошлом.

Но не только об этом. Это ещё рас-
сказ о любви родительской и дет-
ской. Это, наконец, повествова-
ние о любви в самом широком
ее понимании: к людям вообще,
к добру, об утрате и несении это
добро вокруг собою незамыс-
ленно, бескорыстно, не требуя вза-
мен ничего.

К. Павлов

Честное слово, это стоит прочесть...

Искренне признаюсь, что прочел «Радугу любви» залпом. Не скрою также, что испытал при этом неослабевающий интерес. На фоне пестрой литературы ужасов и абсурдов, которые выдаются ныне за бестселлеры, роман Тамары Спивак выглядит как солнце, выглянувшее из-за туч в пасмурный день. Главное его достоинство - воспитание чувств, которому, по моему глубокому убеждению, и должна служить истинная литература. Должен добавить, что книге хватает и занимательности. Сюжет жизненно правдив и потому захватывает неожиданными поворотами. Автор права, когда утверждает, что действительность иногда преподносит нам такое, что ни один писатель не выдумает.

Замечательно, что образ Поли являет для читателя пример того, как дети наши могут становиться и умными, и добрыми в противовес глупости и злу, которые готовы сегодня заполнить юные души. В этом светлячке, быть может, есть проявление некоторой романтичности. Так и прекрасно! И слава Богу!

Юрий Леднев,
член Союза писателей России.

Глава первая

Июль, 1986. Киев

У гостиницы "Украина" туристический автобус, лихо скрежетнув тормозами, притерся к самому тротуару. И тотчас хрипловатый голос экскурсовода, усиленный микрофоном, оповестил:

- На сегодня программа исчерпана. Не забудьте: завтра последний день и сбор не в десять, а в девять. Прошу не опаздывать.

- Не опоздаем, - отозвалась самая юная в группе, тринадцатилетняя Полинька Румянцева и озорно подмигнула отцу, - не опоздаем, правда?

Они терпеливо пропустили к выходу всех торопящихся. Оказалось, только им спешить и некуда. Особой любви к магазинам ни у Алексея Николаевича, ни у Поли не было. Еще дома договорились, что немногие запланированные покупки они сделают на обратном пути в Москве, - между поездами там у них будет достаточно вре-

мени. Оставалось решить сейчас, как провести последний в Киеве вечер. Завтра в это время они будут уже на вокзале.

Румянцев посмотрел на дочь. Как всегда после долгой езды в автобусе, она бледна. Странно все-таки обходится с людьми природа. Поля - вся в него. И обличьем, и характером. А морская болезнь - от матери. Длительные поездки в машине с самого детства вызывали у нее головокружение и тошноту. И сейчас, по всему видно, чувствует себя неважно, хоть и старается это скрыть. Бабушкино воспитание. От той до самой смерти никто так и не услышал жалобы на боль или недомогание. Но Алексей-то знал, как жестоко терзал ее суставы ревматизм. Ночью, бывало, заворочается, зоухает в своем уголке, а спроси - не надо ли чего, разволнуется, как же - разбудила, нет от нее никому покоя. И ну уверять, что все это сон виноват, дескать, приснился недобрый сон, вот и застонала. Она и правнучку приучила не жаловаться попусту: легче от этого все равно не станет, а другим - хлопотно.

При воспоминании о бабе Поле Алексея Николаевича всегда охватывает щемящая грусть. Скоро пять лет уже, как нет в живых старушки, а он все не может привыкнуть к утрате. Хорошо, хоть дочка с ним, а то при его неудавшейся семейной жизни совсем неведомо было бы.

- Что делаем дальше? - под напускной беспечностью скрывая свою тревогу, спросил Румянцев. - Пойдем в гостиницу?

- Ну уж, нет, - вскинула голову Поля, отбрасывая назад свои длинные волосы. - Такую рань забираться в душный номер - преступление. И стоило тащиться сюда за тысячу верст, чтобы отсиживаться в гостинице! Давай лучше погуляем по городу. Мы его и не видели по-настоящему. Разве из окна автобуса что-нибудь разглядишь. Мельтешит все, как в калейдоскопе.

- А как голова?

- Голова потом отдохнет.

Она взяла его под руку, и они направились к Крещатику.

Все большие города на свете одинаковы. Их центральные улицы похожи на шумный, стремительный поток. Люди спешат, толкаются, обгоняя друг друга. А параллельно тротуарам - еще более мощный поток машин. Любые голоса тонут в шуршании колес и реве моторов. Воздух пересыщен пылью, парами выхлопных газов, испарениями человеческих тел.

Едва Румянцевы вступили на главную киевскую улицу, как поток этот подхватил их и понес с галопирующей скоростью. Где уж там полюбоваться архитектурными красотами. Чуть замедлил шаг, кто-то уже толкает плечом или задевает сумкой. В спешке кто ж будет церемониться с зеваками.

- Не нравится мне такая прогулка, - хмуро произнес Алексей Николаевич. - Скачки какие-то, да еще с препятствиями.

- Мне тоже не нравится, - устало отозвалась Поля. - От мельтешения лиц еще хуже, чем в автобусе. Надо поскорее выбраться с Крещатики.

Лавируя между спешащими киевлянами, они выскользнули на обочину и свернули в тихую узкую улочку. Здесь можно было остановиться и отдышаться. Впереди просматривался еще один проспект, правда, не столь многолюдный и шумный. Но они пересекли его и продолжали брести по этой пустынной улочке. Редкие прохожие с любопытством разглядывали их.

В другое время Поля обязательно зафиксировала бы это в своей памяти. Она знала, что хороша собой, и с некоторых пор старательно подчеркивала свою привлекательность. Длинные светлые волосы - зависть всех школьных подружек - мягкими завитками обрамляли лицо. В каникулы можно было не заплетать косу. Она распускала их, слева закалывая высоко за ухом. Такая прическа делала ее чуть старше, что и требовалось ей. Джинсы на ней обычные, ширпотребовские, приобретенные в магазине "Спорттовары", а кофточка она шила и вязала себе сама, подбирая цвета тканей и ниток так, чтобы они оттеняли ее большие серые глаза. Ей нравилось ходить с отцом под руку. Всем своим видом она как бы говорила окружающим: "Посмотрите, какие мы красивые... Мы так похожи, что нас можно было бы принять за близнецов, вот только разница в возрасте выдает истину..." Искрен-

нее, доброе восхищение сопровождало их всюду, где бы они ни появлялись.

Сейчас Поля была слишком занята изучением незнакомого города, поэтому никаких взглядов и улыбок не замечала. Она даже не сразу сообразила, что они остановились. Внимание Алексея Николаевича привлекла яркая афиша, приглашающая посетить выставку произведений киевских художников. Адреса никакого, стало быть, выставка тут и находится, в этом двухэтажном особнячке, что отгородился от улицы уютным зеленым двориком.

- Зайдем? - спросил Румянцев.

В голосе отца - неуверенность и просьба. Поля на мгновение замялась. Если бы он просто сказал: "Пошли, " - она бы ответила отказом. Но он просил. Обижать его ей не хотелось. И она первая молча вошла во дворик. "Везет же ему, - с досадой думала девочка. - За неделю в Киеве ни одного концерта. А на выставку опять набрали..."

В противоположность отцу, выставки и галереи не были ее пристрастием. Как ни старались отец с бабушкой вызвать у нее интерес к краскам и карандашам, ничего не получилось. К живописи у нее полное равнодушие. Куда охотнее она занимается музыкой. Даже скучные, проклинаемые всеми школярами гаммы она проигрывает терпеливо и старательно. В музыкальной школе ее похваляют не меньше, чем в обычной. Однако самым любимым ее занятием явля-

ется рукоделие. Конструировать какой-нибудь замысловатый фасон платья или блузки, подбирать рисунок для очередного джемпера она может часами. Вот бы на такой выставке побывать. Но таких она пока нигде не встречала. И с концертами ей не везет. В туристические поездки они отправляются обычно летом, а лето, как известно, - время не концертное. У музыкантов тоже каникулы. Только в Ленинграде в прошлом году им удалось попасть на выступление какого-то заезжего гастролера. Концерт не вызвал у нее восторга; но это было все-таки лучше, чем часами бродить по галерейным залам. Отправляясь в нынешнюю поездку, втайне надеялась, что в Киеве обойдется без выставок. Не обошлось. Такая уж, видно, она невезучая. Но ничего, дома она возьмет реванш: придется папочке сопровождать ее на все концерты, которые будут в их филармонии.

В выставочном зале было прохладно и сумрачно. Видимо, служители решили, что для нескольких посетителей, случайно забредших сюда, совсем не обязательно включать полное освещение.

Алексей Николаевич рассматривал каждую картину подолгу и вдумчиво. А Поля довольно быстро прошла вдоль всей экспозиции и уже намеревалась направиться к выходу, чтобы подождать отца на скамейке во дворике. Зачем тратить время, если решительно ничего интересного здесь нет. И тут ее взгляд скользнул по

какому-то портрету. Что-то очень знакомое было в лице мужчины, глядевшего на нее с листа. Она подошла поближе и чуть не вскрикнула от удивления. Это был портрет ее отца, точно такой же, какой хранился у нее дома, только более яркий, контрастный. Тот, домашний, когда-то сильно пострадал от рук ее матери, но бабушка аккуратно подклеила, разгладила лист и сохранила его, а незадолго до смерти отдала правнучке. Рисунок Поле понравился, она спрятала его в ящик своего письменного стола, на самое дно, под тетради и книги. Могла ли она тогда подумать, что через несколько лет, вдали от дома встретится с таким же портретом на выставке...

Поля оглянулась, ища глазами отца. Тот все еще не дошел до середины экспозиции. "Так, пожалуй, он и не увидит себя, - подумала девочка. - Выставку закроют раньше, чем он дойдет сюда." Она подошла к нему и шепнула заговорщицки: "Пойдем, покажу что-то..."

- Ну кто ж так смотрит картины? - мягко попенял ей Алексей Николаевич, но она уже силой тащила его за рукав. "Пойдем, пойдем..." В глазах ее резвились хитрющие бесенята.

- Вот, смотри...

Несколько минут Румянцев молча вглядывался в портрет. Он даже зажмурился, проверяя, не галлюцинирует ли. Но перед ним был реальный лист под стеклом в простенькой рамочке. С листа ему улыбался его двойник. Румянцев посмотрел на Полю, снова на портрет и, наконец,

на подпись: "Мария Гойда. Киев. Портрет молодого рабочего. Мелорельеф. 1984."

Только теперь он все понял. Ему стало душно. Машинально расстегнул ворот рубахи. Пальцы его дрожали. На лбу выступили бисеринки пота. Рука потянулась в карман за носовым платком. Таким Поля видела отца впервые и не на шутку встревожилась.

- Пап, ты что?..

- Уйдем отсюда, здесь так душно.

Вышли во дворик, она усадила его на скамейку. Росло ее беспокойство, а тут еще и раскаяние начало примешиваться. Зачем, зачем она подвела его к этому листу? Зачем вообще согласилась пойти на эту выставку? Сослалась бы на головную боль, на усталость, и не было бы никаких портретов, никаких потрясений. Сидит он сейчас такой жалкий, лицо сразу осунулось, как после тяжелой болезни, плечи опущены, словно на спину ему взвалили мешок с песком. Устался куда-то неподвижным взглядом и молчит. А во всем виновата она, Поля, со своей беспечностью, со своим легкомыслием. Нет, чтобы сначала обдумать хорошенько свои поступки, подготовить его. Ведь она же все знает. Права была баба Поля, нет для него женщины дороже, чем эта художница. Одно только имя ее как на него подействовало...

Мария Гойда, портрет, рассказ бабушки, - все смешалось в голове Поли. И неотвязный вопрос: что делать, как помочь ему, ее самому дорогому

на свете человеку, которому она по своей неосмотрительности причинила такие душевные страдания? Что делать? Нет, так ничего не придумать. Надо сосредоточиться, как на уроках математики. Мысль сразу заработает четче, целенаправленнее. Ну, конечно, для начала надо узнать адрес или хотя бы телефон этой женщины. И узнать немедленно, пока еще не закрылась выставка.

Поля осторожно встает и идет к дому. Перед входом оглядывается. Он сидит все в той же позе.

- Что тебе, девочка? - спрашивает в дверях пожилая служительница. - Выставка уже закрывается.

- Тут в экспозиции есть портрет моего папы...

- И ты хочешь еще раз на него посмотреть?

- Нет, нет. Я хочу попросить у вас адрес художницы.

- Неужели папа не знает адрес того, кто его рисовал?

Поля чувствует, как ее охватывает раздражение. Одна рука в кармане брюк, значит, можно незаметно ущипнуть себя за бедро. Это всегда помогает ей сдерживаться. Стараясь вложить в свой голос всю вежливость, какая только в ней есть, она объясняет:

- Рисовали папу много лет назад и не в Киеве, а далеко на Севере. Меня тогда еще и на свете не было.

Лицо женщины добреет. Она идет к столику и куда-то звонит. Трубка, видимо, молчит. Еще

раз набирает номер. Результат тот же. Положив трубку, она отрывает клочок от лежащей на столе газеты, быстро записывает несколько цифр и протягивает Поле.

- Это номер телефона союза художников. Сейчас там никого уже нет. Завтра позвонишь, и тебе скажут адрес.

Поля засовывает бумажку в карман брюк, наскоро благодарит женщину и бежит к отцу. Похоже, ее отсутствия он не заметил. Как вывести его из этого оцепенения?...

И она решается... Садится рядом, прижимается головой к его плечу и нарочито громко спрашивает:

- Пап, ты все еще любишь эту женщину?

Он вздрагивает, точно от удара. Слова Поли острыми иглами впиваются в его сознание. Как же он так расквасился, что забыл о дочери. А она все время рядом и ждет ответа. Как рассказать ей обо всем, что он когда-то пережил? О тех немногих днях счастья взаимной любви, о страданиях после, о жестокости ее матери, разбившей жизнь всем троим. Рассказать так, чтобы поняла, не осудила, не отвернулась.

- Понимаешь, доченька, - говорит он, обнимая ее худенькие плечики, - это очень длинная и грустная история...

Поля слышит, как учащенно бьется его сердце. Ее охватывает страх, вдруг это сердце не выдержит такого ритма и остановится. Она уже знает, что инфаркты бывают именно от таких

стрессов. Нет, нет, на сегодня хватит. Готовая расплакаться от жалости к отцу, к себе, к незнакомой художнице, которую она завтра постарается, чего бы это ей ни стоило, найти, она ласково просит:

- Не надо, пап. Не бери душу. Я все знаю...

- Откуда? Догадалась?..

- Сейчас могла бы и догадаться. Но я давно все знаю. Баба Поля рассказала. Она считала, что я должна все знать о нашей семье, и перед смертью рассказала. У меня и портрет твой хранится, кото... - Поля запнулась, будто наскочила на невидимое препятствие, и торопливо закончила фразу, - который был тебе подарен на двадцатипятилетие.

- И ты все эти годы молчала? - Он смотрит на Полю так, словно увидел впервые. - Ни разу ни о чем не спросила...

- А зачем? И сейчас спросила только потому, что не знала, как иначе вывести тебя из нервного шока. Испугалась за тебя очень. Ответа и не ждала. И так все понятно. Если б не любил Марию Федоровну, давно бы уже на ком-нибудь женился. Ты ведь красивый, на тебя женщины вон как заглядываются. Только ты как загипнотизированный, ничего вокруг не видишь.

- И впрямь загипнотизированный, - слабая улыбка коснулась краешек его губ. - Не заметил, как выросла собственная дочка. Все думал: моя Поля - девочка-несмышлениш... А ты уже совсем взрослая.

- У меня такое ощущение, что я родилась взрослой. Наверно, только когда вы с бабушкой пеленали меня, вы разговаривали со мной, как с маленькой. А в последние годы ты вообще забыл о моем возрасте. Я у тебя и хозяйка, и сестра, и подруга, которой ты выкладываешь все свои заботы и неприятности. Я по именам и фамилиям знаю всех твоих шоферов и слесарей, хотя никогда их в глаза не видела. Знаю, кто дисциплинированный, добросовестный, а кто - разгильдяй и лодырь. Ты же приходишь домой и первым делом сообщаем, что Ленка Золотов опять загудел, пришлось вызывать сменщика, а у диспетчера Цветовой опять ребенок заболел, что Ярославль никак не отгружает отреставрированные шины. Хорошо бы в городе иметь свою вулканизацию, сколько бы денег сэкономилось. В другой раз тебя бесит, что где-то застрял вагон с карданными валами, что опять ваша колонна не получит ни одной новой машины, а тебе надоело латать эти гробы, которым давно уже на свалку пора. Да было бы чем латать, а то запчастей нет. Как заправский парень, я разбираюсь уже во всяких ваших шоферских премудростях. Мальчишки удивляются, как это я безошибочно определяю все марки машин. Только ты ничего не замечаешь...

- Так почему же ты ни разу не сказала, что тебе так трудно со мной?

- Глупенький ты мой, папочка, - Поля еще теснее прижалась к нему. - Мне с тобой совсем

не трудно. Пожалуй, куда труднее со сверстниками. Я даже не представляю, что в семье может быть иначе. Была бы у нас мама, ты бы все рассказывал ей. Тебе же после работы надо с кем-то поделиться, душу отвести. Вот ты и делишься со мной. Я очень рада, что ты доверяешь мне, как взрослой. А самое трудное, знаешь, что было? - Он повернулся к ней, и она заглянула ему в глаза. - Трудно было хранить тайну, делать вид, что ничего не знаю. Сейчас - как камень с души.

Нежная благодарность к дочери заполнила душу Румянцева. Он сжал ее лицо в своих ладонях и поцеловал в глаза.

- Пойдем в гостиницу. - Она поднялась и потянула его за руку. - Здесь быстро темнеет, еще заблудимся.

Возвращались тем же путем. Людей и машин на Крещатике поубавилось, час пик миновал. На Киев опускалась плотная чернильная синь.

Поплескавшись в ванне, Поля приготовила бутерброды, достала из холодильника вчерашнее молоко, разлила в стаканы. Быстро перекусив, она забралась в постель. Посвящать отца в свои завтрашние планы ей не хотелось. Пожелав ему спокойной ночи, отвернулась к стене и притворилась спящей.

"Может ли сегодня быть спокойная ночь", - усмехнулся он в темноту. Распахнул окно, сел на подоконник. Так когда-то любила по вечерам сидеть Мария. Помнит ли она его? И он еще сомневается... Портрет-то рисовала всего два года

назад. Были ли у нее наброски, или по памяти сделала? Да не все ли равно, как... Главное - помнит... И он тоже помнит... Все-все...

Глава вторая

Май, 1971. Шелтовск

Пришедшего с работы Алексея баба Поля встретила сообщением: "А у нас новая жилищка!" В голосе старушки он уловил нотки радости. Это удивило его больше, чем сама информация.

- Жиличка? - переспросил он, проверяя, не ослышался ли.

- Ну да, новая квартирантка. Девушка добрая, тихая.

- А ты что, характеристику ее читала, или она сама тебе об этом сказала?

Бабка бросила на внука осуждающий взгляд. При этом (в который уже раз!) с тревогой подумала: "И это - от Люськи. Какой же он податливый. Добро бы на хорошее".

Отвечать на вопрос она не сочла нужным. Чего связываться с пересмешником. Сам увидит. Подала ему чистое полотенце и вышла в сени.

"Что это с бабкой стряслось? - недоумевал Алексей, с силой нажимая на сосок умывальника. - Никогда женщин на квартиру не пускала".

Действительно, раньше квартировали у них только мужчины. Объясняла это баба Поля ук-

лончиво: с мужчинами, конечно, хлопот больше, они и грязи натааскают целый воз, и в словах неразборчивы, зато, в случае чего, их и выгнать легче. И выгоняла, потому как пьяниц и сквернословов на дух не переносила. А кто ж при знакомстве скажет: "Я, бабушка, к водочке равнодушен и без матерного словечка не могу..." Случалось даже - в накладе оставалась: выгоняла постояльца прежде, чем он получал первую зарплату...

Как ни скрывала бабка истинную причину такого предпочтения, Алексей давно уже сообразил, что причина в нем, в боязни за него. Неровен час, какая-нибудь краля положит на него глаз и втянет в распутство.

Рассуждать о нескромности и бесстыдстве современных девок бабка могла часами. Алексей с улыбкой слушал ее ворчание. Иногда из озорства подпускал язвительную шпильку. Она бывала тем маслом, которое льют в огонь. Но этот огонь он вызывал на себя. Старушка с новой силой принималась за свои обличения, теперь уже его самого. В такие минуты выяснялось, что он - охламон непутевый, лодырь, каких свет не видывал, к тому же еще балаболка пустая и язва желудочная.

На подобные слова Алексей не обижался. Он знал, что произносятся они без злобы, из единственного желания не спускать внуку его озорства. А так бабка в нем души не чает и скорее умрет, чем позволит кому-нибудь его обидеть.

Он платил ей такой же искренней привязанностью и в дела ее не вмешивался. Потому и удивился, услышав - "жиличка". Чем же околдовала его бабулю эта тихоня?

Вернувшись на кухню, баба Поля чуть не выронила кринку с молоком.

- Батюшки родимые, да что же ты целое море наплескал? Ай, тазика мало?

- Мало, баба, мало, - отшутился внук. - Я вон какой большой, в тазик не умещаюсь.

"Растяпа, - мысленно выругал он себя и, схватив тряпку, поспешно затер пол. - На улице тепло, надо найти старый умывальник и повесить во дворе. Там не надо будет остерегаться."

Для высокого, широкоплечего Алексея их маленький домик давно тесен. Но когда он года три назад заговорил о том, что не худо бы их развалюху сдать в горкомхоз, а взамен получить квартиру, баба Поля расплакалась.

- Хочешь уйти от меня, - глотая слезы, проговорила она, - уходи. Работничек ты вроде ничего, квартиру тебе дадут.

Он пытался соблазнить ее водопроводом и паровым отоплением, ведь ей уже скоро семьдесят, тяжело возиться с дровами, с печкой. Она слушала, не перебивая, а когда он умолк, краешком передника вытерла слезы и, скрестив на груди свои морщинистые, скрюченные ревматизмом руки, сказала жестко:

- Ты можешь поступать, как знаешь. Самостоятельный уже. А я в этом доме родилась, в

нем и умру. Отсюда никуда не пойду. Не зови и не уговаривай.

Больше он к этому разговору не возвращался.

Год назад, в день своего семидесятилетия баба Поля, проводив гостей, сама заговорила:

- Мне уже недолго осталось на этом свете маяться, так ты, Лешик, записался бы в очередь на квартиру. Не вековать же тебе в этой хибаре.

Он улыбнулся: "Поживем еще здесь, бабуля. Еще правнуков понянчишь".

Баба Поля с сомнением покачала головой.

- От тебя уж дождешься...

Откуда было знать старушке, что жить ей еще десяток лет и что ради маленькой правнучки она сама предложит покинуть родительские стены.

О женитьбе она напоминала ему все чаще, но он только отмахивался:

- Успею. Неужели тебе так плохо со мной?

- На правнука бы взглянуть...

Алексей и сам не раз задумывался над своим будущим.

Работой он доволен. Права шофера первого класса открыли ему дорогу в таксопарк. Заработок приличный. Теперь можно бы и поучиться. Заочно, конечно. Ехать никуда не нужно. Свой политех в городе открыли. То-то баба Поля обрадовалась бы. И до сих пор страдает, что он десятилеткой ограничился. Но, видно, она права - лодырь он первостатейный, не то что за учебники взяться, просто мозгами пошевелить лень.

Детективчиками перебивается, над ними думать не надо.

С женитьбой тоже, наверно, пора решать. Как-никак, двадцать пять скоро. И Людмила не раз намекала, что ей надоело в невестах ходить. Правда, сам он еще ни разу не назвал ее своей невестой. Соседки на улице судачат: жених и невеста. Так на чужой роток не накинешь платок. Свою семейную жизнь с Людмилой он представить не может. Наверно, потому, что вырос без отца и матери. Не было перед глазами примера. Но посмотрелся уже на других, наслушался приятельских рассказов. У кого - счастье, у кого - слезы. И в книгах вон какие страсти описывают: от любовной тоски герои умереть готовы. А у него в душе - тишь. Спроси его, любит ли он Людмилу, растеряется, не зная, что ответить. Привык? Да. С ней ему легко, не скучно. Но и только. Забежит она - хорошо, куда-нибудь пойдут, посидят, поболтают. Не забежит вечер-другой, ему не взгрустнется. Бабке по хозяйству поможет, а то и на диване с книжкой проваляется. Разве ж это любовь?..

Этим сакраментальным вопросом заканчивались обычно его размышления. Никаких выводов. Никаких решений. Что он ждет от судьбы, и сам не знает...

Он давно уже умылся, убрал за собой. Нашел в кладовке старый умывальник, вынес во двор, повесил. Успел переодеться. А баба Поля все на кухне возилась. В доме запахло жареной кар-

тошкой. Обычно вдвоем они ели на кухне, и он ждал, когда же она позовет его к ужину. Но она сама пришла в комнату, поверх скатерти покрыла стол прозрачной клеенкой, принесла сковородку, молоко, хлеб, достала из буфета тарелки.

“Что-то с моей бабулей сегодня неладно, - снова подумал Алексей, глядя на ее приготовления. - Стол собирает, как в праздник”.

- Лешик, принеси с кухни самовар, - попросила старушка, а сама вышла в сени, постучала в боковушку:

- Маша, Машенька, иди, внученька, чайку попьем...

- Добрый вечер, - раздался за спиной Алексея негромкий, но сочный грудной голос.

Он поспешно опустил на стол самовар и обернулся. Перед ним стояла высокая стройная брюнетка в красной водолазке и в синих спортивных брюках. В смуглом лице ее было что-то цыганское. Она протянула ему руку, представилась: “Мария”.

Он назвал свое имя, осторожно, как ему казалось, сжал ее тонкую кисть. По лицу ее скользнула тень скрываемой боли.

- Ну и сила, - улыбнулась девушка, расправляя побелевшие пальцы.

- Простите, - смутился Алексей. - Никак не могу рассчитать свое пожатие. Как медведь.

Он еще раз взглянул на нее и почувствовал, как нечто незнакомое доселе, но приятное и вол-

нующее надвигается на него, заполняет его душу. Наградила же природа человека такими глазами: огромные, черные, без видимых зрачков, опущенные длинными ресницами. Про такие, наверно, и песня, - подумал он и мысленно пропел: "Очи черные, очи жгучие..." Нет, эти не сжигают. Они смотрят на собеседника спокойно-ласково. Из глубины их струится мягкий теплый свет. Но глубина-то - бездонная. Заглянувший в нее утонет, как в омуте. Прямо колдовское что-то...

Он, наверно, еще долго размышлял бы о притягательной силе Марииных глаз, если б не Люська. Она вошла, и комната сразу наполнилась острым терпким запахом духов "Пиковая дама" и шумной болтовней.

Баба Поля представила гостью Марию, пригласила к чаю.

Людмила взглянула на квартирантку быстрым, откровенно оценивающим взглядом, а от чая отказалась.

- Спасибо, бабуленька, не хочу. Мы с Алешей договаривались в кино пойти. Как, Лешик, махнем? Кинуха, говорят, первый сорт, про любовь.

Впервые за все годы их дружбы развязность Людмилы, которой она сейчас явно бравировала, неприятно кольнула Алексея. Ему стало неловко, краска залила лицо. "Этого еще не доставало, - рассердился он, теперь уже на себя за

невесть откуда вынырнувшую застенчивость. -
Такого за мной вроде не водилось."

Мария, молча наблюдавшая за поведением Людмилы, за смутившимся Алексеем, поспешила разрядить обстановку. Поблагодарив хозяйку за чай, она встала из-за стола.

- Где это вы, баба Поля, откопали такую принцессу на горошине? - затараторила Людмила, как только за Марией закрылась дверь.

- Ты бы, девонька, придержала свой язык, - попыталась приструнить гостью старушка. - Не приведи бог, услышит. Что подумает о тебе, о нас с Алешей?

- А пусть слышит, мне все равно, - в том же тоне продолжала Людмила. - Не люблю таких тихоньких да прилизанных. С виду - сплошная интеллигентность, а копнешь внутри - ничего особенного, такие же, как все. Напускают на себя туману, только мозги людям пудрят, будто они такие необыкновенные. Вот и ваша принцесса сидит, молчит, только глазищами стреляет. Вы хоть спросили, где эта глазастая работает? Уж не артистка ли часом? Такие обязательно в артистки подаются...

- Откуда в тебе вдруг столько злости? - изумилась баба Поля. - Чем она тебе не потрафила? Молчит? Так ты ж расщебеталась, никому и слова не вставить. Красивая тихая девушка. Работает в газете. Вот только должность я запомнила. Фотографии подрисовывает, чтобы лучше печатавались.

- Профессия эта называется художник-ретушер, - пояснил Алексей.

- А ты откуда знаешь? - хмыкнула Людмила. - Уже успел выпытать?

"Какой бес в нее вселился?" - в сердцах подумал Алексей, а вслух буркнул:

- Знаю. Вез однажды такого домой. - Он посмотрел на часы. - Ну, пошли, а то и опоздать можем. Если автобуса долго не будет, точно опоздаем.

Он поцеловал бабу Полю и вышел вслед за Людмилой.

"Ох-хо-хо, горе ты мое, горюшко, - запричитала старушка, убирая со стола. - И когда только девка за ум возьмется? Пора бы, чай, третий десяток уже идет. А ей бы только пересмешиничать. А злости-то, злости сколько... Может, поженятся, так образумится..."

Для бабы Поли, как и для всех соседей, свадьба Алексея и Людмилы была уже делом решенным. Вопрос только во времени.

Такое семейное будущее любимого внука мало устраивало старушку. Не о такой невестке мечтала. Но об этом она себе думать не позволяла. Что поделаешь, видно, судьба. Он же, охламон непутевый, ни на кого, кроме Люськи, и не взглянул ни разу. Все с ней да с ней. Точно, кроме нее, и девок на свете больше нет. И чем она его приворожила?

"О, господи милостивый, - зашептала опять баба Поля, - прости ты мне грешной мысли мои

подлые... Все в твоей воле... - Она трижды быстро перекрестилась. - Может, и образумится, когда дети пойдут. Некогда будет языком-то чесать."

Но как ни гнала баба Поля от себя горькие раздумья, мысль-змея, жалившая своим ядом-раскаянием, вползала все чаще: могло быть все по-другому, если бы...

***

Людмилу, или Люську, как с легкой руки ее собственной матери, зовет девушку вся улица, баба Поля знает с самого рождения. Мать ее - соседка из двухэтажного дома напротив - Фрося Зайкова, еще до войны оставшаяся без родителей, в сорок втором ушла на фронт. На передовую ее не взяли, а служила она в банно-прачечном взводе, который всегда находился где-то в тыловом обозе наступающих частей. Домой Ефросинья вернулась глубокой осенью сорок пятого. В гимнастерке, но без погон и наград. До нового года погуляла, отдохнула, объясняя соседкам, что на фронте наработалась на много лет вперед. Ее не осуждали, хоть и сыпала она им соль на душевные раны: разве они в тылу меньше работали? Десять-двенадцать часов на производстве, дома ребятишки, кой-какое хозяйство, а по выходным еще и воскресники всякие. Как только успевали управляться со всем?.. Но управлялись. "Ломили так, что рога - в землю", - скажет иногда Апполинария Лахтина, самая

первая на их улице получившая с фронта похоронку. А между тем, на отдых у них не то что месяца, дня единого не было.

Отдых Зайковой тоже не мог длиться бесконечно. Кончились деньги. Нужно было устраиваться на какую-нибудь работу. Мысль о заводе или фабрике Фрося отмела сразу. Сидеть или стоять у станка целую смену - это не по ее характеру. Устроилась подсобницей в строительную бригаду. Показалось тяжело, ушла. За пару месяцев сменила еще несколько мест. Все - не по нраву. Успокоилась только тогда, когда оказалась подсобницей в вокзальном буфете.

Вскоре в доме да и соседки из ближних домов стали замечать, что возвращается Ефросинья с работы под хмельком, а то и совсем пьяная. Пытались посовестить. Не помогло. По выходным собирались у нее компании, засиживались до полуночи, будоража всю округу пьяными песнями. Так продолжалось года полтора. Однажды после очередного дикого разгула потерявшие всякое терпение женщины пригрозили Зайковой, что пожалуются в милицию и потребуют ее выселения. То ли угроза подействовала, то ли просто одумалась, но поутихла. Оклеила комнату, навела в ней порядок, с работы возвращалась вовремя и трезвая и только жаловалась всем на недомогание. Не то что водки, хлеба проглотить не может: сразу рвота. И те же соседки, которые месяц назад грозили ей всеми земными и небесными карами, теперь отпаивали ее клюквенным

морсом, настоями трав, укладывали в постель. Первая истинную причину Фроськиного недомогания определила Лахтина. Она и посоветовала сходить в поликлинику и провериться насчет беременности. Из поликлиники Ефросинья вернулась вся в слезах: беременность уже, как минимум, не четвертом месяце, ни о каком аборте не может быть и речи. Даже ни одна бабка не возьмется устроить ей выкидыш. Поздно. Женщины успокаивали: подумай, беда, вырастит она ребенка. Они вон с целыми выводками остались без мужиков и ничего - выдюжили. Жизнь интереснее будет, дите скрасит одиночество: заботиться о ком-то нужно. И к старости хорошо - живая душа рядом. А материально? Подаст на алименты - полегче будет...

Ефросинья слушала их с горькой усмешкой: на кого подавать-то? Разве ж она знает, кто отец ребенка. Да и не нужен он ей, этот ребенок. По рукам и ногам свяжет. А ей еще погулять хочется, молодая же...

Ранней весной сорок восьмого принесла она из роддома небольшой сверток, в котором лежало розовое горластое существо по имени Люська. Если бы в своем десятидневном возрасте это существо было способно что-то осмыслить, то оно сразу поняло бы, что явилось на этот свет вопреки желанию родительницы, что смотрит она на него ненавидящими глазами и шипит: "Ори, ори, может, сдохнешь быстрее..."

И умереть бы Люське непременно, если б не Лахтина.

Это потом ее вслед за внуком все будут называть бабой Полей. А в те первые послевоенные годы была она для всех еще просто Власьевна. Горя эта маленькая женщинахватила через все мыслимые края. Не вернулся с фронта муж, в январе сорок седьмого погиб в воркутинской шахте зять, дочка пережила своего Николушку всего на несколько месяцев, оставив матери годовалого Лешика. От жизненных невзгод и слез усохла Власьевна, состарилась раньше времени, но не зачерствела душой. Потребуется соседкам какая-либо помощь, бегут к Лахтиной: "Власьевна, выручай, милая",

В один из апрельских дней зашла к ней и Ефросинья. Спросила заискивающе:

- Апполинария Власьевна, не присмотрите за Люськой часика два? Мне на работу надо сходить, деньги за декретный получить.

Надо, так надо. "Оставляй, - говорит хозяйка. - Присмотрю".

Ушла Ефросинья, на крыльях улетела. А Власьевна подошла к лавке, на которой лежала Люська, и задохнулась от возмущения, а пуще - от смрада, исходившего от одеяльца и пеленок. Развернула ребенка и глазам не поверила: не младенец, а сморчок какой-то. Уж не мертвец ли? Потрогала: тельце теплое. Отошла, соображая, что делать. Для начала - вымыть, выбросить это вонючее тряпье. Затопила плиту, поставила

кастрюлю с водой. Нашла в комодке старые, оставшиеся от Лешика пеленки, его лоскутное одеяло. Вернулась к девочке. Та лежала неподвижно, и непонятно было, спит или тихо умирает. "В больницу, в больницу скорее..."

Власьевна торопила себя, торопила греющуюся воду, уговаривала дите потерпеть еще чуть-чуть. Искупать девочку не рискнула. Только обтерла слегка мокрой пеленкой. Руки пеленали, а мысленно уже мчалась по городу. Детская больница - в самом центре, на бывшей Галкинской. Как она теперь-то называется? Вот память... Ну да бог с ним, с названием. От дома до больницы - верст пять, не меньше. Это час ходу. Успеет потом и Лешика из ясель забрать, и на работу собраться.

Прижав к груди Люську, Власьевна торопливо шагала по улице и думала о себе.хлопот у нее и своих выше головы, а она взваливает на себя еще и чужие. А может, по-другому и нельзя?..

Когда умерла дочь, Лахтина ушла с железной дороги, где без малого тридцать лет отработала стрелочницей, и устроилась уборщицей в ближайшем почтовом отделении. От дома недалеко, удобно. Рабочий день ее тут начинался в шесть вечера. А продолжался в зависимости от ее сноровки, усердия и от поведения внука. Часам к девяти - к половине десятого она успевала все вымыть. Часто возвращалась домой со спящим ребенком на руках. Днем он был в яслях, а вече-

ром она забирала его с собой на работу. Чтобы не мешал ей, усаживала на расстеленный домотканый коврик, давала игрушки. Но недолго продолжалось его сидение в углу. Он поднимался, топал вокруг столов и стульев, падал, набивал себе синяки и шишки. Бабка то уговаривала, то наказывала малыша, рыдала вместе с ним, но работу не бросала. Пенсии, которую она получала на внука за его погибшего отца, и ее зарплаты хватало только на то, чтобы кое-как свести концы с концами. Старела изба, с каждым годом требовалось все больше дров, а они, по закону подлости, с каждым годом все дорожали. На дрова приходилось копить весь год. А ей так хотелось, чтобы у Лешика и игрушки были, и одежонка не хуже, чем у других детей. Поэтому днем она еще подрабатывала шитьем. Кому платице детское или рубашонку, кому из двух довоенных вещей одну смастерит. Весь приработок на внука тратила. О себе не беспокоилась: не в лохмотьях - и ладно. Лишь бы малыш не чувствовал себя обделенным...

Из раздумий ее вывела Люська, шевельнувшаяся у нее на руках. И сразу мысль перекинулась на соседку: "А Фроська-то, Фроська какова!.. Довести дите до полного истощения..."

От волнения и быстрой ходьбы Власьева пришла в больницу взмокшая. Несколько минут вспоминала имя докторши, к которой приходила с Лешиком, но так и не вспомнив, подождала, пока освободится кабинет, вошла, торопливо

положила Люську на кушетку и умоляюще посмотрела на врача:

- Пожалуйста, помогите. Если еще можно помочь.

- А что у вас?

Власьевна постаралась как можно короче рассказать историю Люськи...

Девочку оставили в больнице.

Ефросинья пришла поздно вечером. Лахтина, уже успевшая вернуться с работы, укладывала спать внука. Взглянув на Зайкову, сразу определила: навеселе. Перехватив суровый, осуждающий взгляд, Зайкова начала оправдываться:

- Я, Апполинария Власьевна, выпила немного. За Тюськино здоровье выпила.

Не вспомни Ефросинья про Люськино здоровье, может быть, и сдержалась бы Власьевна. Но эти слова переполнили чашу ее терпения. Она вскипела, закричала:

- Замолчи, шлюха. Убить тебя мало за Люську. До чего ребенка довела...

- А тебе-то что? - переходя на ты, замямила Ефросинья. Такой ярости она не ожидала от всегда спокойной и выдержанной Лахтиной, потому предусмотрительно отступила к порогу. - Мое дите, что хочу, то и делаю с ним.

- Ну, нет, - сдерживая клокочущий гнев, сказала Власьевна. - Больше ты не будешь измываться над ребенком. В больнице твоя Люська. Может быть, еще выходят ее там.

- Уж не ты ли ее туда отнесла? - захорохорилась, оправляясь от испуга, Ефросинья.

- Я. И тебя туда отведу, чтобы люди в глаза твои бесстыжие поглядели и спросили, как это ты сумела ребенка так уморить.

- Никуда я не пойду, - огрызнулась Ефросинья. - Ты отнесла, ты и ходи.

- Пойдешь. Добром не захочешь, на веревке поволоку да еще приговаривать стану: "Смотрите, смотрите на детоубийцу".

- Не убивала я ее, - истерически завопила Ефросинья. - Не убивала... Виновата ли я, что она родилась дохлая?.. А у меня в грудях молока совсем нету...

- Уйди с глаз моих, - посоветовала Власьева. - Не вводи в грех, уйди. А завтра чтоб в больнице побывала. Не сходишь, точно тебе говорю, на веревке отведу.

Зайкова сочла за благо поскорее ретироваться. В больницу она сходила, правда, не на следующий день, а через неделю. Что ей там сказали, осталось для соседок тайной, но им она сообщила, что Люська поправляется.

Окончательно девочка выздоровела только через полгода. Власьева опять проявила характер: заставила Ефросинью устроить девочку в ясли. Тем самым добавила хлопот себе. Теперь ей частенько приходилось не только вечером забирать, но и по утрам отправлять в ясли сразу двоих, потому что Ефросинья не всегда удосу-

живалась зайти к Лахтиной, и девочка оставалась у нее на ночь.

Прошло еще полгода. Лешика перевели в садик. Теперь Власьевне уже несподручно было заходить за Люськой. Ефросинья то сама забирала дочку, то просила кого-нибудь из соседок, а случалось, не дождавшись загулявшей матери, девочку уносил с собой кто-нибудь из нянечек.

В садик Люську мать не устроила. "Некогда мне с ней по садикам таскаться, - заявила она соседкам. - Перебьется и без садика".

"Перебиваться" девочке приходилось на улице. Целыми днями слонялась она от дома к дому, ища, с кем бы поиграть. Летом еще куда ни шло, а зимой видеть голодную и оборванную Люську было нестерпимо. Соседки, чем могли, подкармливали ее. Чаще всего это были вареные картофелины, которые девочка съедала, даже не очистив от кожуры.

В редкие дни, когда на Ефросинью снисходила доброта, она приносила дочке кулечек леденцов или пряников, девочка хвасталась сладостями, но ни с кем не делилась. За такие "вольности" она была однажды жестоко избита: "У матери не хватает денег, чтобы насытить ее утробу, а эта мерзавка еще и раздает гостинцы." Урок этот Люська усвоила на всю жизнь: что попадает в ее руки, это только ее... Но "сладкий" день проходил, содержимое пакетика кончалось, и она опять слонялась по дворам в ожидании картофелины или корочки хлеба.

Одевали ее тоже соседки. Одевали в обноски, остававшиеся от собственных детей.

В те годы еще не принято было лишать женщин материнских прав и при живых родителях помещать детей в детские дома. Потому и росла Люська, как придорожная травинка, одинокая и никому не нужная, без домашнего уюта и материнского тепла.

Когда пошла в первый класс, жизнь ее на какое-то время стала совсем несносной. Мальчишки дразнили ее “побирушкой”, “безотцовщиной” и словечками похлеще, а самые озорные норовили то за волосы дернуть, то ножку подставить. В общем, обижали девчущку, кто как мог. Власьевна, наблюдавшая такие сцены, попросила внука-третьеклассника присмотреть за девочкой, не давать ее в обиду. Связываться с сильным, не по годам развитым и ловким Алешей Румянцевым желающих было мало, поэтому Люська становилась все смелее, и тем, кто все-таки отваживался задеть ее, она кричала: “Погоди, скажу Лешику, он тебе задаст...” Действовало безотказно.

Училась Люська с двойки на тройку, но на второй год не оставалась. Мать совсем перестала интересоваться ею, а в дни запоев, которые повторялись все чаще, выгоняла из дому. В такие дни девочка ночевала у кого-нибудь из соседей, преимущественно у бабы Поли. Дирекция школы каждый год выделяла для младшей Зайковой деньги на одежду и обувь, но матери

эти деньги не выдавали. В магазин с девочкой шел кто-нибудь из членов родительского комитета. Может быть, Ефросинья пропила бы и Люськину форму, ведь в доме уже ничего из вещей не осталось, но тут сама Люська вставала на защиту своей одежды.

К пятому классу баба Поля перешла Люське оставшееся от ее дочери пальто. Сшила "на вырост", так что хватило его до окончания школы.

Из всех соседок девочка выделяла больше Лахтину и со всеми своими школьными и домашними бедами бежала всегда к ней. Получив свидетельство об окончании семилетки, она тоже поспешила в этот дом.

- Пойду я, баба Поля, работать. Выучусь на продавца, хоть оденусь и обуюсь. А то и на улицу выйти стыдно.

Старушка попыталась было отговорить ее от этого выбора. В городе столько училищ и техникумов. Можно и портнихой стать, и ткачихой, а если получше постараться, то учительницей или медсестрой. Люська отмахнулась: где уж ей с тройками - в медсестры. Да и учиться надо три-четыре года, а заработки потом шишковые. На продавщицу она выучится за полгода. Все, кто в магазинах работает, и одеты красиво, и сыты. Нет, нет, только в продавцы.

Она, действительно, вскоре устроилась в магазин ученицей.

“Сюрприз” преподнес бабушке и Алексей Закончив десятый класс, поступил на курсы шоферов. Он тоже хотел как можно быстрее зарабатывать деньги. От такой новости старушка - в слезы. Она-то мечтала увидеть внука инженером. А он - в шоферы. Дружки появятся, к водке потянут.

Алексей настоял на своем: “Хватит мне, бабуля, на твоей шее сидеть”.

Однако зарабатывать ему пришлось недолго. Взяли в армию. Могли, конечно, и освободить от службы: бабка старая, а он - ее единственный кормилец. Но тут воспротивилась сама бабка. “Пусть послужит, коль положено. Армия худому не научит. Дисциплина опять же”.

“Пусть, пусть послужит, - думала старушка. - За два года много воды утечет. Поумнеет малость. Характером потверже станет”.

И уехал ее Лешик на далекую Псковщину в десантную часть.

Трудно пришлось бабе Поле эти два года. И снег почистить, воды и дров принести, печь истопить - все самой. Но никому не жаловалась. В теплое время - все больше в огороде, а морозы наступают - сидит бабка дома, слушает радио да рукодельничает. То кружево плетет, то мастерит какой-нибудь коврик. Зайдет кто из соседок, чайком побалуются, расскажет Власьевна про письма Лешика, не без гордости покажет благодарности, присланные ей из части за воспитание внука. Так и коротала дни.

Часто забегала Люська. Спрашивала, как там Лешик, не надо ли чего привезти из города. Рассказывала о работе, о городских новостях. Внимательно присматривалась к ней старушка. И с тревогой отмечала растущую в девушке жестокость. Без малейшего колебания отправила она свою мать в колонию для алкоголиков. А когда оттуда пришло сообщение, что Ефросинья Зайкова умерла, Люська только рукой махнула: "Не жалко". То, что к матери у девушки не лежало сердце, было понятно: что посеешь, то и пожнешь. Но она была жестока ко всем. С легкостью осмеивала и унижала всякого, кто попадал в поле ее внимания. Не жалела ни больного, ни убогого. Она словно мстила людям за все те унижения, которые пережила сама. И никакие доводы Власьевны о том, что люди вокруг не такие уж плохие, что к человеческим слабостям надо быть терпимее, воздействия не имели.

Тревожила бабу Полю и растущая страсть Люськи к нарядам. "Это ж какие деньги нужно иметь, чтобы так одеваться, - думала старушка, разглядывая очередную обновку девушки. - Только бы не сбилась девка с пути..."

Вернувшегося из армии Алексея Люська встретила с добрым участием, ласково, без насмешек. А он отметил про себя, как она возмужала и похорошела за эти годы. Инициативу в их отношениях она взяла в свои руки, и с этого времени их всюду видели вместе.

Баба Поля наблюдала за ними и с горечью думала: "Сама, сама виновата..."

Нет, мыслью о смерти Люськи она не грешила. И в том, что когда-то отнесла ее, полуживую, в больницу, никогда не раскаивалась. Но потом, когда дети подрастали, могла задуматься. Отдалить Алексея от этой девчонки было в ее силах. А она делала все наоборот. Будто специально подталкивала внука в ее будущие объятия. Прошляпила, старая, свое единственное ненаглядное дите. И теперь ничего не осталось ей, как клясть себя за это да просить бога, чтобы образумил девушку, послал ей просветление, поселил в душе ее добро и жалость к людям.

С такой молитвой легла баба Поля и в этот вечер.

***

На протяжении всего сеанса Алексея не покидало смутное чувство не то раздражения, не то беспокойства. Фильм ему не нравился. И чем дальше, тем больше. Страсти, которые терзали экранных героев, казались ему мелкими и пошлыми. Соперничество нескольких молодых людей за обладание довольно легкомысленной особой походило скорее на азартную игру, гнусную и противоестественную.

Он мысленно отчитывал себя за то, что поддался на агитацию Людмилы и пошел в кино. Уж лучше было посидеть в парке, послушать музыку, посмотреть на танцующую молодежь. Сами они на танцплощадку уже не заходили: в

кругу шестнадцати-восемнадцатилетних им было неловко, будто не в свои сани сели. Зато катание на гигантском чертовом колесе всегда доставляло им удовольствие. Он любил этот щекочущий нервы круговорот, отдаленно напоминавший ему парение под куполом парашюта. Людмила визжала от страха, хваталась за поручни, за страховочный ремень, за его руки, прижималась к нему и закрывала глаза, сжималась в комок, словно ожидала удара, но всякий раз охотно садилась в кресло.

В этом хаосе мыслей вдруг пронзительно четко высветилась одна и вошла в сознание вопросом: "А что сейчас делает Мария?" От этой неожиданности кровь прилила к голове, затопила лицо. Как застигнутый врасплох проказник, он растерялся и смущенно огляделся по сторонам. В зале - темно и тихо. Сидящим рядом - не до него. Людмила тоже целиком поглощена экраном. Одному ему здесь неинтересно. Ему хочется видеть Марию, ее глаза, окунуться в их омут, а вынырнув из него, ощутить на себе их теплый ласковый свет.

Он еле дождался конца фильма.

- Тебе кино не понравилось? - спросила Людмила, когда они вышли на улицу. И, не ожидая ответа, продолжала с блаженной восторженностью. - А мне очень понравилось. Умеют же люди так любить... Почему только в кино все так красиво бывает? В настоящей жизни даже похожего ничего не встретишь...

Он не отвечал.

- Погуляем? - Она легонько потянула его в сторону парка.

- Не хочется. Поедем лучше домой.

- Мне завтра рано вставать, - добавил он, чтобы как-то смягчить свой отказ. - Напарник попросил сменить его пораньше.

Алексей не лгал. Его действительно попросили выйти на два часа раньше. Такое уже бывало. В бригаде он - самый молодой, к тому же холост и безотказен. Этим часто пользуются те, кто не любит "дежурств с дремой". Предутренние часы отдавать не жалко. Они "мертвые". Пассажиров нет. Город только просыпается, а первый поезд прибывает после шести. Но если выпало тебе дежурство, сиди. Диспетчер не отпустит: вдруг экстренный вызов.

Еще вчера, случись такое, Алексей и не подумал бы отказываться от прогулки. Сейчас он уцепился за этот предлог, как за спасительную соломинку, потому что ни гулять, ни слушать музыку, ни даже разговаривать ему не хотелось.

Домой они ехали молча, внутренне недовольные друг другом.

- Ну ты и торопишься сегодня, - недобро сверкнув глазами, сказала Людмила, когда они остановились у ее дома. И уже с явным вызовом добавила:

- На свидание, небось, спешишь. То-то она сидит в окне, дожидается.

Открытое в их доме окно он тоже заметил. Мария сидела на подоконнике и читала. Теперь уже ничто не могло удержать его у этой калитки. Скорее туда, пока она не легла спать. Чтобы не затягивать неловкость и не объясняться, он поцеловал Людмилу в щеку и, бросив: "Ну, будь...", - направился к своему дому.

Поднявшись на крыльцо, оглянулся. Людмилы у калитки уже не было. Заходить в дом не стал. Он хочет видеть Марию, а стучать к ней в такой час просто неприлично.

Он обогнул дом, зашел в огород. Остановился у любимой своей ровесницы-березы, посаженной родителями перед отъездом в Воркуту, погладил ее бархатистую кожицу и, наконец, прислонился к стволу. Мария сидела к нему спиной, поэтому можно было постоять незамеченным, подумать. Как и в зале кинотеатра, хаотические его мысли постепенно выстраивались в логическую цепь. А думал он о том, что вот появился в их кругу новый человек, и сразу нарушился привычный мир существования. До этого дня все казалось устоявшимся, незыблемым и спокойным. Мария ворвалась в их мир, как вихрь, все стронулось с места, закружилось, вызывая сумятицу мыслей и чувств. Он не может еще представить дальнейший ход событий, но в том, что всех троих с появлением Марии ждет что-то новое, необычное, что оно перевернет всю их жизнь, - был уверен.

А она сидит себе на подоконнике, заполнив собою весь небольшой проем окна, и спокойно-шешенько читает книгу. И дела ей нет никакого ни до него, Алексея, стоящего здесь за ее спиной и жаждущего взглянуть в ее глаза, ни до Людмилы, уже почуявшей в ней неминуемую опасность для себя, ни до бабы Поли, ради нее изменившей своим правилам. Сидит себе и читает. Другая побоялась бы, все же впервые в чужом городе, на самой его окраине, мало ли что. В доме, кроме нее и семидесятилетней старухи, - никого. А эта уткнулась в книгу и ничего вокруг не видит и не слышит...

Он понимал, что бесконечно стоять вот так, сверля ее спину своим умоляющим взглядом, нельзя. Ненароком обернется, еще подумает, что за ней следят.

Прошел между рядками поближе к окну. Спросил негромко:

- Не боитесь упасть?

Она, слегка вздрогнув, оторвалась от книги.

- Могла бы упасть. От неожиданности. Но тут невысоко, не страшно. - Улыбнулась светло, открыто. - Как фильм?

- Одна пошлость. - Меняя тему, спросил с интересом: - Что вы читаете?

- Учебник, - вздохнула Мария. - Сессия скоро.

- Вы учитесь?

- Вас это удивляет?

- Нет, завидую. Я тоже каждый год собираюсь поступить в политехнический, только лень раньше меня родилась. Никак не соберусь. А вы где учитесь?

- В Академии художеств, в Ленинграде. Заочно. Вот и приходится каждую свободную минуту хвататься за учебники. Даже обидно, такой вечер, а тут сиди и зубри историю живописи итальянского Возрождения.

- А я, признаться, подумал, что вы так увлечены книгой, что ничего вокруг и не замечаете.

- Ну что вы, Алеша, разве можно такой вечер не заметить... В Ленинграде тоже белые ночи, но у вас они другие. Ярче, что ли, сочнее. Кисть бы в руки да за мольберт. Какие краски на небе!

- Вечера у нас, действительно, в эту пору чудные, - заражаясь ее восторженностью, согласился Алексей. - Но самое лучшее время - в июне. Говорят, июньскими ночами заря с зарей целуется...

- А у нас на Украине рано темнеет. В такое время уже в двух шагах ничего не видно.

- Вы с Украины? А я подумал, было, что из Молдавии.

- И не ошиблись. Отец у меня был молдаванин. Но родилась я и выросла в Киеве.

- И каким же это ветром занесло вас к нам на Север?

- Так уж сложилось, - уклончиво ответила Мария. При этом в глазах ее, обращенных к Алексею, погас огонек. Словно где-то внутри

щелкнул выключатель. Он понял, что притро-
нулся к чему-то запретному. Чтобы как-то сгла-
дить свою бестактность, спросил:

- Хотите на нашу реку взглянуть?

- А я ее уже видела. Даже на Соборной гор-
ке побывала.

- Так то ж в центре. У нас - красивее. Мень-
ше следов человеческих рук. Кстати, можно ис-
купаться. Вода уже теплая.

- А это далеко?

- Рядом. Только под гору спуститься. Вся
наша улица вдоль берега тянется. Только здесь,
в излучине, он еще выше и круче, чем в центре.

- Купаться сегодня не буду, а на реку взгля-
ну с удовольствием.

- Тогда прыгайте, - он протянул ей руки.

- Прямо в огород? - изумилась Мария. - А
что баба Поля скажет?

- Мы осторожно. Грядки не потопчем.

Мария приподнялась, он подхватил ее и снял
с окна. На какое-то мгновение задержал на весу,
их взоры встретились. И снова его поразила без-
донность ее глаз.

“Из этого омута не вынырнуть”, - подумал
он, ставя ее рядом. Заговорщицки приложил
палец к губам и повернулся к реке.

- Я сейчас, - приглушая голос, сказала Ма-
рия. - Только окно затворю.

Тихо, как нашкодившие дети, прошмыгнули
они в калитку. Алексея вдруг охватила беспри-
чинная веселость. Захотелось подурачиться. Он

начал быстро спускаться по крутой тропе. Где-то на середине резко остановился. Спешившая за ним Мария не удержалась и уткнулась ему в спину. Хотела было рассердиться на него за эту вольность, но передумала. Ей передалось его озорное настроение. Погрозив ему пальцем, обошла его и побежала вниз. Он догнал ее уже у самой кромки воды. Девушка опустила в траву, погладила ее гривку.

- Вы серьезно отказываетесь купаться? - спросил Алексей, пробуя рукой воду.

- Совершенно серьезно, - в тон ему ответила Мария.

- В таком случае - вам десять минут на прогулку по берегу. Полюбуйтесь вон теми куполами. Они тоже купаются, только в лучах заходящего солнца. А я с вашего разрешения нырну разок-другой.

С этими словами он отошел шагов десять и укрылся в кустах. Через несколько минут Мария услышала за спиной глухой всплеск и следом его голос:

- Завидуйте, вода отличная...

Она не отозвалась. Ее захватила открывшаяся справа картина. Белые монастырские стены, а над ними - купола большого собора. Крупнейший в городе Софийский собор, что в центре у кремля, она уже видела. Там зодчий думал о простоте и мощи. Здесь - больше о красоте, об изяществе. Там - купола-луковки на коротких шеях. Тут высокие барабаны и купола, нахлобу-

ченные на них, точно древние ратные шлемы. И все это было сейчас окрашено в нежный розово-оранжевый цвет. Что-то куинджевское было в этих розовых бликах на белом камне. "Какие мгновения для художника!" - подумала Мария и с сожалением посмотрела на свои пустые руки. - Будет ли еще такой вечер?.. Будет, конечно. Но краски уже будут другие..."

Она перевела взгляд с монастыря на реку. Противоположный берег - пологий, почти ровень с водой. Мысленно перенеслась туда и постаралась представить, как выглядит оттуда и этот крутой, почти отвесный берег, поросший диким кустарником, и длинный ряд домов наверху, и белый монастырь... Отличные получились бы этюды... Но как перебраться на ту сторону?.. Надо спросить у Алексея... Однако, где же он? Она искала глазами на воде, на берегу. Его нигде не было.

- Алеша, - не очень громко, но с явным беспокойством позвала Мария.

Кругом - ни звука.

- Алеша, - уже настойчивее позвала она.

Рядом с ней шевельнулся куст. Осторожно раздвигая ветки, Алексей спрыгнул с большого камня прямо к ее ногам.

- Вы будто выжидали, пока я начну беспокоиться, - мягко упрекнула его Мария.

Слова о беспокойстве он забросил в копилку памяти, а вслух спросил:

- Ну как монастырь и речка?

- Я очарована. И вашими людьми, и вашими пейзажами.

- Пейзажем, понятно. А с людьми когда вы успели познакомиться? Здесь, кажется, кроме меня, никого.

- А вы - шутник, - улыбнулась она. - Сегодня днем. Стоило мне сойти с автобуса и спросить, не сдастся ли где-нибудь комната, как несколько человек кинулись объяснять, как пройти к Лахтиным. Правда, предупредили, что в этом доме женщинам в постое отказывают. И все-таки посылали. Одна женщина уговорила сынишку проводить меня. Так и сказала: "Проводи тетю до бабы Поли." И было это не далеко, по ту сторону остановки.

- Бабулю мою вся наша улица знает. А я, между прочим, не Лахтин, а Румянцев.

- Прекрасно. Я- Гойда, - Мария рассмеялась. - Вот теперь мы познакомились по всем правилам дипломатии. Но не пора ли нам домой? Сегодня я уже не смогу больше заниматься: слишком много впечатлений. Хотелось бы утром пораньше встать и ухватить часок-другой до работы...

Когда утром он вышел на улицу в ожидании дежурной машины, Мария уже сидела в окне и читала. Утренние лучи солнца играли в ее черных распущенных волосах, искрились на брюках. Шум подъехавшей машины оторвал ее от книги. Алексей крикнул: "До вечера!" и помахал рукой...

Глава третья

Май, 1971. Шелтовск

Выходные дни Алексея редко совпадали с субботой и воскресеньем: скользящий график работы диктовал свои условия. Но не зря он верит в свою звезду удачи. В субботу старший диспетчер объявила: "Румянцев, завтра отдыхаешь". Он не стал даже выяснять, почему сбывается график. Не все ли равно, кому там приспичило в выходной поработать. Зато у него завтра - праздник души.

Весь день он был на таком подъеме, что один из водителей даже спросил: "Ты что, Лешка, сияешь, будто миллион выиграл?" "Куда больше," - весело отозвался он, но объяснять ничего не стал. Как объяснить, что сейчас ему дороже всех миллионов возможность увидеть Марию, поговорить с ней.

За десять дней, что она живет в их доме, они практически не виделись. Утром он уходил раньше ее или спал, если смена у него была вечерняя. Она после работы шла в библиотеку, поэтому возвращалась уже около одиннадцати. В эти вечера окно ее комнаты не открывалось. А заходить к ней в столь поздний час он по-прежнему считал неприличным. Поэтому и принял воскресный отдых как подарок судьбы.

Вечером, после ужина вышел в огород. Окно открыто. Она на подоконнике, читает.

Кажется, что проще: подойти и заговорить. Ну, хотя бы спросить о том, что за книга в руках. Сколько раз за минувшие дни он мысленно проделывал это. А сейчас язык прилип к зубам. И слова вдруг все разом исчезли, будто он родился немым. Если бы до встречи с Марией ему сказали, что с ним такое может приключиться, обиделся бы. От природы общительный, контактный, он легко знакомился с людьми, легко включался в беседу. Он считал, что его можно обвинить в чем угодно, только не в робости. Но, оказывается, не дано человеку познать себя до конца. Непредвиденный случай - и открываются такие грани души, о которых и предполагать не мог. И не знаешь, радоваться им или ненавидеть себя за них.

В эти минуты он готов был испепелить себя за свою беспомощность. Стоять безмолвным истуканом посреди грядок - что может быть нелепее?

- Что мы завтра делаем? - выдавил он, наконец, и сам опешил от своей фамильярности.

Боковым зрением Мария уже давно заметила его появление в огороде. Она даже обрадовалась этому. Ей нужно было поговорить с ним. Мечтая об этюдах, хотела расспросить, как перебраться на противоположный берег Шелтовы. Она не забыла их первый вечер у реки и втайне надеялась на его помощь. Но развязный тон, каким он обратился к ней сейчас, вызвал неприязнь. Ответила сухо:

- Ваших планов не знаю. А мне нужно заниматься.

Хотела добавить еще что-нибудь более резкое, чтобы раз и навсегда отучить от фамильярности с ней, но, бросив на него беглый взгляд, почувствовала, как ее охватывает жалость. Вид этого большого, сильного парня никак не соответствовал его тону. На лице - растерянность и смущение. Каждое ее слово он принимает, как удар бича и даже не пытается защититься.

- Думаю утром перебраться на тот берег, - уже мягче продолжала она. - Надеюсь, вы подскажете, как это лучше осуществить.

В ее улыбке он уловил невысказанный упрек: "И не стыдно, такой детина, а робеешь перед девушкой." Эта улыбка вернула ему хрупкое равновесие. С души отлегло: кажется, не обиделась.

- Есть три возможных варианта, - сказал он и умолк, ожидая ее реакции.

- Аж целых три?! Интересно.

- Первый по времени самый долгий. Уехать на автобусе в город. В центре выйти, вернуться к мосту и - пешком вдоль берега. Если поспешить, за час можно добраться.

- А что-нибудь покороче?

- Попросить у кого-нибудь из соседей лодку и переехать на ту сторону.

Еще десять минут назад о третьем варианте он не имел ни малейшего понятия. Придумал на ходу,

не очень представляя, как это будет выглядеть на практике. Но слово сказано, отступить некуда.

- А третий и того проще, - он выдержал интригующую паузу, собираясь с мыслями. - Накачать автомобильную камеру, получится что-то вроде спасательного круга, погрузить на нее все необходимое и переплыть с ней на ту сторону. Преимущество этого варианта - в полной независимости от кого-то и чего-то. Если, конечно, вы умеете плавать...

Последние слова были явным намеком на тот вечер, когда она отказалась купаться.

- Так я же выросла на берегу Днепра, - отпарировала Мария.

- Это надо понимать так: я с детства плаваю, как рыбка.

- Примерно.

- И еще надо понимать, что одобряется последний вариант.

- Если этюднику не грозит купель, то - да.

- Безопасность гарантируется. В котором часу подъем?

- Чем раньше, тем лучше. Утренние краски самые сочные.

Она хотела еще спросить, чем он собирается заняться на том берегу, но передумала. Побоялась испугнуть ту приветливость и открытость, которые вернулись к нему. Пусть таким и останется до завтра.

А он не стал докучать ей пустой болтовней. Пожелал спокойной ночи и ушел. Предстояло

найти и подготовить к завтрашнему дню камеру. С ее помощью он года два назад пытался научить плавать Людмилу. С этой затеей ничего не получилось, и он забросил камеру в кладовку. Забросил так, на всякий случай. И вот, надо же, потребовалась. Воистину: язык мой - враг мой. Но так интересней жить.

Утром он поднялся раньше бабы Поли. Она, услышав, как он завозился на своем диване, спросила с удивлением:

- Ты что сегодня с петухами встаешь? Выходной же, мог бы и поспать.

Старушке было отчего удивляться: на работу она его с трудом поднимает. А тут и будильника не потребовалось. Вскочил ни свет ни заря.

- Я обещал перевезти Марию на тот берег, - отозвался он. - Она хочет утром порисовать.

- Так ты хоть чайник согрей, а то погоди, я сейчас встану.

- Ой, не надо, бабуленька, не надо. Я только переправлю ее туда и вернусь. Тогда и будем с тобой завтракать.

- А девка пусть там голодная? Ну, хорош...

Старушка не могла видеть, как ее внучек залился краской стыда. "Верно, хорош, - подумал он. - Без подсказки не мог догадаться. Недотепа, настоящий недотепа..."

- Я все сделаю, - пообещал он. - И бутерброды, и чай согрею. Честное слово, сделаю. А ты поспи еще...

Когда он вышел во двор, было уже около шести. Мария ждала его. В первую минуту он даже не узнал ее: в легком светлом платье, под которым угадывался яркий купальник, в тапочках на босу ногу, повязанная белой косынкой, она совсем не походила на ту строгую Марию, какой он воспринимал ее с первого дня знакомства. Одежда подчеркивала смуглость ее кожи, особенно оттеняла ее бархатные глаза. Она показалась ему еще красивее, чем в первый вечер, и он, наверно, опять, как накануне, оробел бы до потери речи, если б не радостная улыбка, с которой она его встретила. "Ждала, - отметил он про себя. - И за вчерашнее не сердится".

- Ну и теплынь, - улыбаясь, продолжала она, ответив на его приветствие. - Север, называется, а температура, как в Киеве.

- Просто вам повезло: нынче очень ранняя весна. В апреле уже было тепло. Но год на год не приходится. Иной май таким выдастся, что и в шерстяном свитере не согреешься. А вообще климат у нас за последние лет десять заметно изменился. Стал мягче...

- Тем лучше для меня, не люблю холод. Ну что, в путь?...

Он сунул под мышку пакет с бутербродами, взял камеру и большой лист фанеры, она подхватила этюдник и вслед за ним пошла к огородной калитке.

- Я свою одежду оставляю здесь, - сказал он, когда они спустились к воде. - Переправлю вас

и вернусь обратно. А вашу мы аккуратно сложим на плотик. Не будете же вы там несколько часов жариться на солнце в купальнике.

Переплыли быстро и без приключений. Вся эта затея с плотиком нравилась ей, но и тревожила. Он словно угадал ее мысли. Вытащил камеру на траву, прикрыл фанерой, чтобы не раскалялась на солнце.

- Плотик я оставляю вам, - сказал, управившись с маскировкой. - Вдруг вам надоест в одиночестве и захочется домой раньше, чем я вернусь из библиотеки.

- Вы в областную поедете? - оживилась она. Он утвердительно кивнул. - Пожалуйста, привезите и мне книгу.

Вывала листок из альбома, карандашом набросала несколько слов.

- Зря лист испортили, - заметил он с сожалением, - я все равно должен запомнить. Спрятать бумагу некуда. Размокнет, даже если я ее за щеку суну.

Несколько раз пробежал глазами написанное.

- Если только книга есть, привезу, - пообещал он. Отошел на несколько шагов, повалился в траву. Лежать бы так и смотреть на нее, не отрываясь, любоваться ее смуглым гибким телом, следить за каждым ее движением. Вот она отложила в сторону его пакет, раскрыла этюдник. "Там же бутерброды", - вспомнил он. Вскочил, схватил сверток, начал лихорадочно разворачивать.

- Давайте, Маша, позавтракаем. Баба Поля нам тут кое-что приготовила, - слукавил он, чтобы девушка не посмела отказываться. - А потом уже приметесь за работу.

Взглянув на бутерброды, Мария догадалась, что готовил их он сам. Женские руки сделали бы все тоньше и изящней. Однако уличать его в обмане не стала. Его забота была приятна ей, да и подкрепиться на день грядущий не мешает.

После завтрака он ушел к берегу, и вскоре она увидела его на противоположной стороне. Помахала рукой. Он ответил тем же.

Баба Поля встретила его просьбой:

- Лешик, принеси дров, хочу сегодня печь истопить.

Обычно она готовила на газовой плите. Значит, сегодня собирается что-то испечь.

Принес дров, наносил в бочки воды для полива, принес несколько ведер домой. Вышел во двор, осмотрелся, ища, что бы еще сделать. Им овладела жажда деятельности. Накопившаяся за многие дни энергия искала выхода. Он заметил у забора привезенные еще по снегу дрова. Даже обрадовался - это работка! Кругляши в добрый его обхват ждут, когда он их расколет и уложит, чтобы высохли за лето.

Часа два махал колуном. Взмокла рубашка, он сбросил ее. Когда куча поленьев стала уже больше кучи кругляшей, решил, что пора ехать в город. Поленицу он сложит после обеда, а

остальные дрова расколет ближайшими вечерами.

- Я ненадолго в город съезжу, в библиотеку, - сообщил он, вернувшись в дом. - Хочу учебники взять, кой-чего посмотреть.

- Неужто бог мои молитвы услышал, - всплеснула руками старушка, - и ты за ум возьмешься?

- Возьмусь, бабуленька, - улыбнулся он. - Если не все еще забыл, то попробую поступить нынче, а если уж все выветрилось из памяти, придется на подготовительные курсы идти.

- Поезжай, поезжай, - напутствовала обрадованная старушка. - Только к обеду возвращайся. Я шанежек напеку.

- К шанежкам буду обязательно, - пообещал он уже с порога.

Бабка принялась за тесто. Остальное к обеду у нее готово.

Зашла Людмила. Осведомилась, по какому поводу - пироги?

- Без всякого повода, - ответила баба Поля. - Просто захотелось ради выходного побаловать Лешика шаньгами.

- У него сегодня выходной? - в голосе девушки - явная обида. - А мне он ничего не сказал. Спит, небось, еще? И глазастой вашей не видно. Тоже дрыхнет?

- Слушай, девонька, у нее ведь имя есть, красивое имя - Мария. А ты ей прозвище приклеила. Нехорошо... Хочешь знать, где она, выйди в огород, посмотри на ту сторону реки.

Людмила выпорхнула из дому. Через несколько минут вернулась разочарованная.

- Она рисует. И не боится одна. Лешика там нету.

- А с чего бы ему там быть? Только мешать человеку работать? Он дрова колот, потом в библиотеку уехал. За учебниками, - подчеркнул ла старушка, посмотрев на собеседницу.

- На кой ляд ему учебники? - изумилась Людмила. - Не учиться ли собрался?

- Ой, девонька, боюсь сглазить, - засветилась баба Поля, раскатывая по столу тесто. - Кажется, берется за ум.

- Никак жиличка ваша уговорила?

- Если она, то низкий ей поклон за это. Сколько я его, охламона, просила, со слезами умоляла, не помогало.

- Баба Поля, а вы не задумывались, нужна ли ему эта учеба? - Людмила присела на край табуретки. - Лучшие годы над книжками убьет, а толку... Сейчас он вам по двести в месяц приносит. Был бы смекалистей, мог и больше. Подумаешь, раза два за смену забыл включить счетчик... Уже и на машину накопил бы. Инженером станет: нервотрепка каждый день, а окладик - хорошо, если сто пятьдесят. Так что выгодней?.. А молодости уже не вернешь.

Баба Поля с укоризной глянула на собеседницу:

- Что не по добру придет, то так и уйдет. Может, человека нужда заставила, он послед-

ние гроши на такси собрал, а ты - счетчик не включать. Разве счастье только в деньгах?

- Ну, еще в здоровье, - не сдавалась Людмила.

Старушка не ответила. Спорить ей не хотелось. Рассказывать о том, как ее родители внушали троим своим детям понятие добра, как радовались каждому сердечному порыву ребят? Было уже, рассказывала. И о том, как, став взрослой, она старалась в своей семье поддерживать этот родительский завет, что сама первая старалась всегда доставить мужу и дочери, потом - внуку маленькие ежедневные радости. И если их даже не замечали, принимая как должное, все равно чувствовала себя счастливой. Рассказывала и самое горькое для нее: не погонись ее зять, Николоушка Румянцев, за длинным рублем, не остался бы Лешик сиротой, а она на старости - с единственным внуком. Но не для Люськи такие рассказы. Оборвет на полуслове: "Опять вы, баба Поля, меня воспитываете..." И, не дослушав, убежит. Так зачем попусту слова тратить.

Чтобы сменить тему разговора, спросила:

- Ты шаньги пекла когда-нибудь?

- Была нужда, - Людмила свела губы в презрительной улыбке. - Захочется чего-нибудь вкусенького, зайду в кафе. Там все, что душе угодно. И - на выбор. Что я себе на пирожные не заработаю?

- А если тебе муж попадется такой, что любит домашние пирожки?

- Я быстро отучу, - отрезала Людмила. - Любишь, так и пеки сам. А я - не раба, чтобы по выходным на кухне торчать.

Разговор этот начал уже раздражать Люську: "Все ей, старой, нейдет, только бы воспитывать кого-нибудь. А то не хочет понять, что времена другие. По ее дохлым принципам уже никто не живет. И Лешик ее любимый, как только вырвется на свободу, сразу другим человеком станет. Не сумеет, научу..." - Так думала Люська, глядя, как баба Поля лепит свои шаньги. А вслух сказала:

- Пойду я, не буду вам больше мешать. - И, не прощаясь, добавила:

- Вечером еще забегу. Может, сходим с Лешиком куда-нибудь.

Баба Поля только вздохнула, глядя ей вслед. Жалко девку. Обделила ее жизнь семейным теплом. Не понять ей, как это простая лепешка, приготовленная руками хозяйки, может домочадцам показаться вкуснее самого шикарного торта. Как же трудно будет с ней в семье.

Алексей, как и обещал, вернулся к обеду. Не успел еще и книги выложить, бабка к нему с вопросом:

- Когда Маша придет?

- А мы с ней о времени не договаривались.

- Так позвал бы. Пообедаем, пока все свежее.

- Попробую.

Через несколько минут он был уже на другом берегу.

- Маша, сворачивайте свою мастерскую, крикнул он, вылезая из воды. - Баба Поля обещать зовет.

- А который час?

- Второй.

- Неужели?! Не заметила, как время пролетело. Я сейчас, еще несколько мазков.

Обсохнув немного, он приблизился к ней, через ее плечо взглянул на мольберт. Перед ним был кусочек его родного берега. Больше двадцати лет он ходил у этой воды, раздвигал и ломал эти ветки. И ни разу не подумал о том, что живет среди такой, казалось бы, неброской, но берущей за душу красоты. В чем секрет Мариинного этюда? Почему у него перехватило дыхание? Каким-то теплом веет от небольшого листа картона, будто вложила она в него тепло свое. Наверно, в этом и есть талант художника: перенести на холст увиденное так, чтобы другим оно душу грело...

- Маша, вы даже не представляете, как это здорово! Волшебница... Такие руки... От бога, - как говорит моя бабуля, а работаете... - Он осекся. Понял, что сорвалось лишнее.

- Всего лишь ретушером, - подхватила она его мысль. Посмотрела на него долгим, грустным взглядом.

- Простите, я не хотел вас обидеть, - прошептал он, окончательно смешавшись.

- А я и не обиделась. Все так, работаю ретушером. Но ведь и вы только баранку крутите, хотя могли бы конструктором быть.

- Мне лень мешает, - вставил он.

- А мне - обстоятельства. - Она умолкла, раздумывая, продолжать ли. Руки ее старательно вытирали кисточку белым лоскутком.

- Помните, вы в первый вечер спросили, каким ветром занесло меня на север. От этого вопроса мне нигде не укрыться. Только я не всем отвечаю. А вы наберитесь терпения на несколько минут.

Она села на траву, руки устало сложила на коленях. Он молча сел напротив.

- К вам сюда меня загнали обстоятельства. Я после школы долго искала себя, свое призвание. Не случайно - мне скоро двадцать шесть, а я еще только на третьем курсе. Моя мама не хотела, чтобы я стала художницей. Это ведь будущее без уверенности в куске хлеба, вечная зависимость от случая. Примет ли тебя зритель или нет, купят ли у тебя картину, - все неведомо, непредсказуемо. Но моя душа ни к чему не лежала. За что я ни бралась (а перепробовала я немало всего), - все валилось из рук. Только кисть я держала крепко и уверенно. Наконец, мама сдалась. Три года назад я поступила в институт имени Репина (в быту он больше известен как Академия художеств). Может быть, это и доканало мою бедную мамочку. Только год еще

и прожила. Одно меня успокаивает: не узнала она о моих болячках. Оказалось, что ленинградский климат не для меня. В прошлом году несколько месяцев провалялась в больнице. А нынче мне было сказано открытым текстом: или я сменю место жительства, или ленинградская сырость сведет меня в могилу. А поскольку мне еще хочется пожить на этом свете, то я поменяла факультет, - живопись нельзя изучать заочно, - перешла на заочное отделение и уехала из Ленинграда.

- Но вы же могли вернуться домой...

- К сожалению, мне пока некуда возвращаться. Когда умерла мама, я на три года сдала нашу кооперативную квартиру в аренду. Это дает мне некоторую материальную поддержку, а главное - возможность не потерять жилье. Как еще сложится жизнь, неизвестно, хоть крышу над головой иметь. Потребовалась она мне даже раньше, чем я предполагала, но до конца срока договора еще почти два года. Так что мне ничего другого не оставалось, как найти себе работу неподалеку от Ленинграда.

- Есть еще одна причина, - продолжала она, - которая привязала меня к этому городу. Преподаватель у меня был - добрейшей души человек. Ему нравились мои работы. И когда я уходила, он предложил мне свою помощь в любое время, когда бы я ни появилась в Питере. Вот почему я так спешу сделать несколько этюдов, для меня не так важно, как я сдам сессию, лишь бы не-

удов не нахватать, а консультация его мне очень нужна, поскольку бросать живопись я не собираюсь.

- Вот и вся моя история, - закончила она, облегченно вздохнув.

- Простите меня, ради бога, за мою бестактность...

- Ну что вы, когда -нибудь все равно пришлось бы рассказывать. Так даже лучше. Само собой получилось.

- Пойдемте, - попросил он, - а то баба Поля там уже заждалась. Она сегодня так старалась. Даже шанежки испекла. Не будем ее обижать.

Мария замялась.

- Неловко мне, Алеша, ей богу. Баба Поля так обо мне заботится. Чем я смогу отплатить ей за ее доброту...

- Ничем. Такова уж моя бабуля. Ей, наверно, на роду написано обо всех заботиться. И страшно обижается, если ее заботу не принимают.

- Какой вы, Алеша, счастливый, - с искренней завистью произнесла Мария, поднимаясь, - что у вас есть такая бабушка. Вы не можете себе представить, как тяжело, когда ты в этом мире совсем один...

- А вы оставайтесь у нас навсегда, и не будет больше одиночества.

"Господи, да что это я?" - подумал он с ужасом, но остановиться уже не мог, слова сами ле-

тели с языка. - Мы с бабулей будем всегда о вас заботиться.

- Алеша, милый, я могла бы обидеться, если б не видела, с какой искренностью вы это говорите.

- Я люблю вас, Маша, - задыхаясь от не-обычности охватившего его волнения, тихо продолжал он. - Люблю с той первой минуты, как увидел вас.

Она взяла его за руку, посмотрела в глаза.

- Мы же совсем не знаем друг друга. И видимся по-настоящему всего третий раз. Давайте оставим на суд времени все, что вы мне сейчас сказали. Отвечу вам, может быть, не так пылко, но серьезно. Вы мне за эти дни стали очень необходимы. Я как-то уверенней почувствовала себя на этой земле. Спасибо вам за все. А теперь пойдемте. И впрямь не стоит обижать бабу Полю...

- Я сейчас приду, только положу этюдник и переоденусь, - сказала Мария, когда они поднялись к дому.

В комнате был накрыт стол, посередине, на большом блюде красовалась горка румяных шанежек.

От пронизательного взгляда старушки не укрылось, что молодежь ее чем-то смущена. Тревога закралась в ее доброе сердце.

- Ты что, Машенька, смурная какая-то? - спросила она, всматриваясь в склоненное над тарелкой лицо квартирантки. - Уж не обидел ли тебя мой Лешик?

- Ну, что вы, Апполинария Власьевна, разве может Алеша кого-нибудь обидеть? - Мария подняла на старуху свои сияющие глаза. - Он, как и вы, добрый, внимательный.

Алексей с замирающим сердцем ждал, что она еще скажет. Но она замолчала.

- Спасибо тебе, внученька, за добрые слова. Ты вот что, не ломай себе язык моим длинным именем-отчеством, а зови, как все, бабой Полей. Так мне будет приятней...

Мария с удовольствием съела и крапивный суп, подкисленный щавелем, и тушеную картошку.

- Как давно я так много и вкусно не ела, - засмеялась она. - Кажется, лопну сейчас.

- Еще шанежки с молоком. Молоко у нас не магазинное, - заметила старушка. - В Слободе кое-кто еще держит коров. Так я два раза в неделю беру у одной хозяйки. Такого молочка ни в одной столовой не попьешь.

- Уж что-что, а до молока я сама не своя, - призналась Мария, принимая из рук старушки стакан. - Как бы ни была сыта, а от молока никогда не откажусь.

- Вот и хорошо, - просветлела баба Поля. - А шанег, наверно, и не пробовала никогда. Это же чисто наше, северное кушанье.

- И правда, как вкусно, - воскликнула Мария, откусив от хрустящей корочки. - Меня когда-нибудь научите их печь?

- Ничего мудреного нет, покажу, сразу поймешь.

- Сейчас опять рисовать? - поинтересовалась баба Поля, когда Мария, поблагодарив за обед, встала из-за стола.

- Нет, почитаю немного, а ближе к вечеру хочу пойти посмотреть монастырь.

- Я принес вам книгу, - подал голос молчавший все это время Алексей.

- Спасибо. Ею сейчас я и займусь.

- А я пойду дрова складывать.

Уже в шестом часу Мария вышла из своей комнаты и объявила, что идет в Слободу.

- погоди, милая, - остановила ее баба Поля. Вышла на крыльцо, позвала внука.

- Лешик, кончай с дровами, потом доделаешь. Проводи Машу в Слободу. Нехорошо ей одной в незнакомое место вечером идти. А заодно и на могилу Лизаньки зайдешь, посмотришь, что там нынче сделать надобно. Скоро ведь троица.

По старому русскому обычаю баба Поля накануне троицы приводит в порядок могилу дочери: красит ограду и крест, сажит цветы, выпалывает сорняки. В последние годы большую часть этих работ выполнял уже Алексей. Сейчас он готов был расцеловать бабку за то, что нашла повод отправить его вместе с Марией.

- А согласна ли Маша взять меня в провожаемые? - спросил он, скосив на девушку лукавый взгляд.

- Почему бы и нет. Вдвоем веселей. Да вы, наверно, и рассказать что-то можете. Бывали там?

- Экскурсовод из меня никудышный, - признался он. - Водили нас туда классе в пятом. Только и запомнил, что основан монастырь еще в четырнадцатом веке, а в начале семнадцатого его разграбили и сожгли поляки и литовцы, после чего главный храм был построен заново, из камня, по образцу московского собора в Кремле. Вот и все мои познания.

- Для начала не так уж и мало. А остальное будем изучать вместе на месте. Извините за каламбур.

- Изучать придется только снаружи. Во внутрь без специального разрешения доступа нет. Там какие-то военные склады.

- Жаль... - Она хотела еще что-то добавить, но только безнадежно махнула рукой. Терпеливо подождала, пока Алексей умылся, переоделся. А он на этот раз собирался удивительно долго. Наконец, справившись со своими белокурыми вьющимися вихрами, по-мальчишески звонко отпрапортовал:

- Я готов.

- С богом! - прошептала баба Поля вслед уходящим.

Проводив Марию и Алексея, она присела на лавочку у крылечка. "Чуть-чуть погреюсь на солнышке и пойду морковку полоть", - решила она. Подставила солнцу свое изборожденное морщинами лицо и закрыла глаза. Скоро,

видимо, задремала. Явь смешалась с видениями. Ей пригрезилось, что это она, восемнадцатилетняя, идет со своим Прошей в Монастырскую слободу на гулянье. В город они тогда не ходили. Далеко. А тут только линию перейти. Молодежь по праздникам собиралось много, песни пели, хороводы на берегу около монастырской стены водили. Посмеивались: то-то монахам, особенно молодым, завидно.

Были они, жители улицы Железнодорожной и не городские, и не сельские. То есть, по месту жительства - считались городскими, граница проходила по железнодорожному полотну. А за линией та же улица была уже слободской. Но жили они больше по сельским обычаям и правилам.

Любила Поля и попеть, и сплясать была мастерица. Скольких парней с ума сводила своей пляской. Но выбрала тихого, застенчивого верзилу Прохора Лахтина, стрелочника с железной дороги. Придет, бывало, он к их дому, станет у калитки и зовет негромко: "Поля..."

Да ведь, кажется, и впрямь кто-то зовет.

- Баба Поля, - доносится до нее негромкий девичий голос. - Баба Поля, вы спите?..

Старушка открыла глаза: Людмила стоит! Виновато улыбнулась девушке, оправдываясь:

- Разморило на солнышке. Закимарила. Не слышала, как ты подошла. - Вспомнив что-то, спохватилась:

- Хочешь чаю с шаньгами? Пойдем, накормлю.

- Нет, не хочу. Забежала Лешика повидать. Хочется погулять сегодня.

- А Лешик ушел в Слободу. Я попросила его проводить Машу. Она захотела монастырь посмотреть. Заодно на кладбище зайдет, на могилу Лизаньки.

- Ну, так привет Лешику от меня. - Людмила поджала губы, выражая тем свою крайнюю обиду. - Я пойду. Некогда. Надо еще к подружке смотаться.

За калиткой остановилась. Спешить ей было некуда. Про подружку - все придумала. В душе у нее бушевал ураган. Обида, злость, желание как-то насолить этой глазастой, которая так легко отнимает у нее Лешика, - все смешалось, не давая сосредоточиться и подумать, как действовать дальше. Если не принять какие-то меры, она может его совсем потерять. "Монастырь пошли посмотреть... Так я и поверила... - все больше распаляла она себя. - А эта старая сводница еще и пособничает им. Пойти, что ли, посмотреть, чем они там занимаются..."

Оглянулась. Бабки во дворе уже не было. Теперь можно спокойно идти в Слободу.

Она не шла. Она бежала, подгоняемая желанием во что бы то ни стало помешать им. В чем помешать? Это она не очень себе представляла. На месте будет виднее, там и сориентируется.

Через железнодорожную линию проскочила перед самым поездом. Дежурная погрозила ей желтым флажком, что-то крикнула. Отмахнулась, даже не поглядев в ее сторону. Все на той же скорости обошла монастырь. Их нигде не было. На приречной стороне заглянула за валы волнорезы. И там - никого. Значит, уже ушли на кладбище.

Увидела она их еще издали. Мария показывала на купол кладбищенской церкви и что-то рассказывала. Они стояли спиной к дороге и видеть ее не могли. Она осторожно прокралась вдоль ограды, обогнула церковь. Окон в здании давно уже нет. Можно притаиться у стены, а еще лучше забраться в оконный проем и услышать их разговор. Все это она проделала с ловкостью кошки за считанные минуты. Затаилась: Говорили они хоть и негромко, но ей было слышно каждое слово.

- Эта церковь, - продолжала какую-то свою мысль Мария, - построена значительно позже и Софии, и монастырского собора.

- Как вы это определяете? - спросил Алексей.

"А они-то - на "вы", - изумилась Людмила. "Не отвлекаться, - приказала она себе, - а то можно и пропустить что-то".

- Это определяется очень легко, - продолжала Мария. - Видите, какое здесь смешение классицизма с поздним барокко.

Она начала подробнейшим образом объяснять, какими кокошниками, портиками, закомарниками, колоннами и полуколоннами украшена главная часть храма и особенно колокольня. А вот трапезная, соединяющая главную часть с колокольней, не имеет практически никаких украшений.

“Значит, я устроилась в трапезной, - опять отвлеклась Людмила. И тут же ее мысль перекинулась на Алексея. - Неужели ему все это интересно? Поглядеть бы сейчас на его физию. Наверно, изображает умный вид и внимание.”

Алексей, действительно, слушал очень внимательно. При этом вспоминал, как много лет назад им, пятиклассникам, что-то подобное рассказывала экскурсовод. Но то была работница музея. А откуда все это знает Мария?

Вопрос не удивил ее, она словно ждала его.

- Помните, я вам сегодня говорила: моя мама не хотела, чтобы я стала художницей. Видя мое неприятие таких профессий, как учитель, врач и прочие, она пыталась найти нечто такое, что примирило бы мое увлечение живописью с практическим делом. Так на моем горизонте замаячила архитектура. Дескать, это очень близкие области, рисуй себе сколько хочешь в свое удовольствие, а дело - создавать дома. Кусок хлеба всегда обеспечен. Даже на селе сегодня наиболее богатые колхозы обзаводятся своими архитекторами. Чтобы уяснить, что же это за фрукт та-

кой, я год проработала чертежницей в проектном институте, а вечерами читала специальную литературу. Как видите, архитектором я не стала, не мое это... А знания?.. Они никогда не помешают. Художнику нужно много знать...

- Ну так что, вернемся к портикам? Или для первого раза достаточно? - спросила Мария, выдержав перед этим внушительную паузу, чем немало заинтриговала Людмилу. Та от нетерпения уже готова была высунуться из своего убежища, чтобы посмотреть, почему так тихо стало. Но в это время снова зазвучал грудной голос Марии.

- Столько за один раз все равно не запомнить. А голова разболится, это уж точно.

- Вроде бы головной боли пока не ощущаю, - усмехнулся Алексей. - Но вы правы, информации уже через край. Не запомнить.

- Жалко мне эту церковку, - вздохнула Мария. - Не умеем мы ценить и беречь красоту. Наверняка где-нибудь на здании есть табличка: "Охраняется государством..." А крыша того и гляди рухнет. Тогда уже никакими охранными грамотами не спасти это каменное чудо.

- А у меня сейчас, знаете, какая мысль возникла? Зачем в небольшом селении несколько церквей? Мало им было трех монастырских, так они еще эту построили.

- Предполагаю, что в монастырь мирян пускали только по большим праздникам. В другое время он был для них закрыт. Ведь монастыри

жили замкнуто, обособленно. А хоронить, крестить, венчать надо. И не в одной Слободе, а во всей прилегающей округе. Не ждать же с покойником до очередного праздника. Вот и выбрали самое красивое место для церкви и кладбища. Представьте, как здесь было сто лет назад: белый храм с золочеными куполами среди яркой зелени берез. И небо - голубое-голубое. И ухоженные могилы. А сейчас вон сколько покосившихся крестов. Скоро упадут. Совсем как у Надсона.

- У кого? - не понял Алексей.

- У поэта Надсона. Был такой в конце прошлого века. Стихи у него считаются упадническими. Любовь, тоска, смерть. Одни названия чего стоят: "Похороны", "Над свежей могилой", "Ты разбила мне сердце..." Холодом веет. А мне его стихи нравятся. Я люблю все грустное. Одно из его стихотворений будто здесь и было написано. Вот у этой, например, могилы.

"На ближнем кладбище я знаю уголок:

Свежее там трава, не смятая ногами,

Роскошней тень от лип,

склонившихся в кружок,

И звонче пенье птиц над старыми крестами;

Я часто там брожу, пережидая зной...

Читаю надписи, грущу, когда взгрустнется,

Иль, лежа на траве, смотрю, как надо мной,

Мелькая сквозь листву молочной белизной,

Цепь белых облаков стремительно несется.

Сегодня крест один склонился и упал;

Он падал медленно, за сучья задевая,
И, подойдя к нему, на нем я прочитал:
"Спеши, - я жду тебя, подруга, дорогая!"

В отличие от Алексея, Людмила стихи не слушала. От долгого и неудобного стояния на коленях у нее затекли ноги. Хотелось как-то изменить положение, но как ни ворочалась, ничего не получалось. "Спектакль устроила, - со злостью думала она. - Стихи читает, артистка какая нашлась... Выпендривается перед парнем..." Она подыскивала еще какие-нибудь обидные словечки, но тут услышала:

- Все читать не буду, оно длинное и очень грустное. Не будем себе портить настроение, правда?

Алексей вспомнил, что баба Поля просила его зайти на могилу матери.

- Пойдемте на ту сторону, - позвал он Марию.

Людмила поняла, что теперь ее могут засечь. Она спрыгнула с окна, правая нога попала на камешек, соскользнула с него, подвернулась, и Людмила всем телом свалилась на бок. Острая боль пронзила ногу, но разбираться, что случилось, времени не было. Нужно было скрыться до того, как они обогнут церковь. Она попыталась встать. Не смогла. Уже теряя сознание, переползла в бурьян, росший на чьей-то могиле. Долго ли длилось беспамятство, она не знала. Когда очнулась, поняла: они уже на могиле Лизы Румянцевой. Теперь до нее доносились только обрывки фраз. Воспринимала она их с трудом,

потому что боль в ноге становилась уже нестерпимой, ныли плечо и голова, видно, падая, она стукнулась обо что-то твердое. Лицо жгла крапива, в которой она лежала. Впору было кричать в полный голос, но она пересилила себя. Если заметят, ничем не оправдаться. Поймут: шпионила. Скорей бы ушли, что ли. Но от этой мысли испугалась еще больше. Уйдут, и она останется одна среди могил. Нет, надо подняться, пока они еще здесь. Попробовала встать на четвереньки, но боль в ноге и в плече так остро напомнила о себе, что стон вырвался помимо ее воли. Эта боль парализовала все ее мысли и чувства, ей стало совершенно безразлично, что о ней подумают и скажут. Она перестала сдерживаться, застонала в полный голос. Стонала и плакала. Плакала от обиды, от боли, от беспомощности.

Ее стоны и всхлипы донеслись до Марии и Алексея. Они посмотрели друг на друга, прислушались.

- Кажется, там, - Мария показала на высокие заросли бурьяна у церкви.

Взяв свою спутницу за руку, Алексей осторожно направился в сторону звуков. Раздвинув сухие, прошлогодние стебли иван-чая, крапивы и еще какой-то незнакомой травы, Алексей увидел лежащую ничком женщину. Она, почувствовав их присутствие, повернула к ним лицо.

- Людмила?! - Если можно голосом выразить потрясение, то оно в полной мере выплеснулось в этом восклицании. - Что ты тут делаешь?

- Подождите, Алеша, не нервничайте, - остановила его Мария. - Ей сначала надо помочь. Она, видимо, упала.

- Вы ушиблись? - Мария склонилась над лежащей. Та сквозь пелену слез увидела устремленные на нее черные глаза. В них она уловила искреннее сострадание.

- Я упала, - скорее губами, чем голосом ответила Людмила. - Наверно, ногу сломала.

Мария бросила взгляд на откинутую ногу девушки и почувствовала, как внутри у нее все сжимается и холодеет: она не выносила крови. Но сейчас надо было побороть свою слабость, чтобы помочь пострадавшей. Алексей - не помощник. Его действия непредсказуемы. Усилием воли она заставила отступить появившуюся в руках и ногах слабость и начала быстро соображать, что делать. Открытый перелом чуть выше ступни... Сорвала с шеи косынку, несколько раз перекрутила ее, превратив в толстый жгут, и перехватила ею пострадавшую ногу пониже колена.

- Алеша, здесь есть поблизости какой-нибудь медпункт?

- Недалеко участковая больница.

- Придется отнести ее туда. Может быть, есть у них обезболивающее и телефон. Нужно вызвать скорую и немедленно везти в травматологию. Давайте осторожно поднимем ее. Она минутку постоит на одной ноге, пока мы сплетем руки. Помните, как нас в школе учили...

- Я донесу ее один, - Алексей отстранил Марию, наклонился к Людмиле. Презрение боролось в нем с жалостью. Он сразу понял, что привело ее на кладбище, и мстительное чувство удовлетворения уже готово было овладеть им, если бы не спокойный и участливый голос Марии:

- Давайте, Алеша, я помогу вам ее поднять.

Он отрицательно качнул головой, обеими руками подхватил Людмилу и резко, как спортсмен, поднимающий штангу, выпрямился. Она застонала.

- Терпи, - процедил он сквозь зубы. - Раньше надо было думать.

До больницы дошли быстро. По случаю воскресенья дежурила только медсестра, которая при виде окровавленной ноги пострадавшей с кусочком торчащей наружу кости явно растерялась.

- У вас есть что-нибудь обезболивающее? - обратилась к сестре Мария. - Давайте, я сделаю укол, а вы пока вызовите скорую.

Сестра ушла. Подавленные случившимся, Алексей и Мария молчали, а Людмила, закусив губу, старалась сдерживать стон.

Вошла сестра уже со шприцем в руках.

- Скорую я вызвала, - сообщила она и, обращаясь к Алексею, приказала, - молодой человек, выйдите на крылечко.

Он послушно вышел. "Вот в такие минуты люди начинают курить, - подумал он. - Сигарету бы сейчас, может, стало бы легче."

- Извините, у вас не найдется сигареты и спичек, - остановил он проходящего мимо мужчину. Тот молча вынул пачку "Родопи" и привычным движением вытолкнул сигарету. Достал и спички. Видя, как неумело Алексей прикуривает, усмехнулся и сказал сочувственно:

- Не умеешь, так и не учись. Сигарета в беде - не помощник. Лучше уж выпей.

Алексей ответил коротким "спасибо" и посмотрел вслед уходящему. Сигарета погасла. Он машинально вертел ее в пальцах. От его радостного и светлого настроения, в котором он пребывал весь день, не осталось и следа. Он пытался понять Марию. Неужели она ни о чем не догадалась? Или такая железная выдержка?

- Вы курите? - услышал он рядом удивленный голос.

- Хотел закурить, не получилось. На душе мутно.

- Приятного мало, - согласилась Мария. - Операция ей предстоит тяжелая. Вы на всякий случай поезжайте с ней в больницу. Мало ли что потребуется. Я домой и одна дойду, тут недалеко. Только вот что бабе Поле сказать?

- Скажите все как есть. - Он сунул руки в карманы брюк, явно что-то ища. - Монету искал, - объяснил он. - Не зайцем же обратно ехать. Все в порядке, есть.

Подкатила скорая. Алексей и Мария вернулись в здание.

Врач, увидев травму, только головой покачал. Своему спутнику коротко бросил:

- Носилки.

- Жгут вы догадались наложить? - спросил Марию, снимая ее косынку.

- Противостолбнячный, - это уже вернувшегося фельдшеру.

- Я обезболивающий сделала, - сообщила сестра.

Он одобрительно кивнул и повернулся к Алексею:

- Кем вам доводится пострадавшая?

- Мы - друзья ее.

- Поехать с нами можете?

- А девушке тоже ехать?

- Нет, можете один.

Людмилу переложили на носилки и вынесли к машине.

- Бабуле скажите, чтобы не волновалась, - крикнул Алексей, втискиваясь в машину вслед за носилками.

...А баба Поля и впрямь почуяла беду. Несколько раз она уже выходила на улицу и, подняв руку козырьком, всматривалась, не идут ли. Марию она увидела, когда та подходила к калитке. Екнуло сердце, спросила упавшим голосом:

- А Лешик где?

- Сейчас приедет, - как можно спокойнее ответила Мария. - Людмилу в больницу повез.

- Час от часу не легче, - всполошилась старуха. - Чего стряслось?

- Пойдемте, баба Поля, присядем, - попросила Мария. - Я немного устала.

Теперь, когда нервное напряжение спало, она почувствовала, что едва на ногах держится. Они присели на лавочку. Мария обняла старуху за плечи и начала подробно, со всеми запомнившимися деталями рассказывать о том, что случилось на кладбище.

Глава четвертая

Июль, 1986. Киев

Утром следующего дня Поля встала раньше отца. Умывшись и одевшись, заперлась в туалете и первым делом пересчитала свои карманные деньги, которые она собиралась потратить в Москве. Насчитала около тридцати рублей. Этого вполне достаточно, даже если потребуются самые неожиданные расходы в виде платы за такси. Следом проверила, есть ли в карманах брюк и куртки все необходимое - расческа, зеркальце, носовой платок и, главное, - ручка и блокнотик,

мало ли что потребуется записать. Чтобы не получилось так, как накануне в зале выставки.

Вернулась в комнату вполне сосредоточенная на своем замысле. Дождалась, пока отец пошел умываться и бриться, быстро написала записку: "Папочка, милый, обо мне не беспокойся. Сам же вчера говорил, что я вполне взрослая. У меня в Киеве куча личных дел. Денег достаточно даже на такси. К поезду не опоздаю. Так что не волнуйся. До встречи на вокзале.

Целую. Твоя Поля."

Положила записку так, чтобы она сразу бросилась в глаза, и осторожно выскользнула из номера.

Обычно вниз она спускалась по лестнице, а тут вскочила в лифт. Скорее исчезнуть из зоны видимости, скорее влиться в толпу на главной улице города. Поэтому и вестибюль, и улочку она не прошла, а пробежала. Замедлила шаг только на Крещатике. Вытащила из кармана бумажку с номером телефона и двухкопеечную монету. Поискала глазами знакомую кабинку. Но, взглянув на часы, звонить раздумала: кто же там на работе, если нет еще и половины девятого? И вообще, лучше не звонить, а съездить туда самой. По телефону могут и не сказать, мало ли кто и зачем интересуется адресом. Не будешь же в трубку рассказывать о выставке, о портрете, о романтической любви шофера и художницы. А уж сама-то она в случае чего вымолит

этот адрес. Просьбами, слезами - чем угодно, но добудет.

Однако, куда ехать? Она не знает и адреса союза художников. Вот так штука! Спросить у милиционера? Он тоже может не знать. А вот где ближайшая горсправка, знать обязан. Там дадут адрес союза, подскажут, как до него добраться. Надо же, сколько сложностей по такому, казалось бы, пустяку.

Когда Поля добралась до союза художников, был уже десятый час. К ее удивлению и величайшей радости, ей дали два адреса, но при этом посоветовали, не теряя времени, ехать сразу в Бровары. Там у художников дачи. И Гойда, конечно, тоже там. Кто же летом без нужды остается в городе. Пришлось спрашивать, как добраться до Броваров.

Замышляя свой поиск, Поля никак не представляла, что столько неожиданных препятствий встанет на ее пути. словно какие-то неведомые силы испытывают ее на прочность. Но отступить она не собирается. Это не в ее правилах. А тут еще такой случай. Может быть, в нем вся дальнейшая судьба отца. Только бы застать дома эту художницу и поговорить.

Как часто ходят туда автобусы? Неужели еще и в этом не повезет. Придет, выпалит: "Здравствуйте, я - Поля Румянцева," - и, извинившись, помчится обратно. К поезду надо успеть во что бы то ни стало. То-то обидно будет, если времени на беседу не останется.

Поблагодарив за все советы и консультации, Поля поспешила на вокзал. Если б она не так стремительно спускалась по лестнице, то наверняка из открытой двери кабинета услышала бы брошенное ей вслед восклицание:

- Как эта девочка похожа на дочь Марии Федоровны! Наверно, какая-нибудь родственница.

Но Поля ничего не слышала. Она спешила. Можно было бы, экономя время, сейчас кинуться в такси, но кто знает, сколько километров до этих самых Броваров. На два конца у нее может не хватить денег. А уж обратно, точно, придется мчаться на такси. Так что туда она поедет обычным рейсовым автобусом.

Подошла к расписанию. Ура! До ближайшего рейса всего двадцать минут. Время в пути - сорок минут. Значит, через час она будет на месте. Хоть чуточку, да везет. За дорогу еще продумает, о чем говорить с этой таинственной Марией Федоровной, которую так обожала бабушка и которую, как она поняла, до сих пор любит отец. Главная задача на сегодня - уговорить Марию Федоровну поехать с ней на вокзал. Они должны встретиться. А там - как хотят. Свою миссию она будет считать выполненной.

И тут Поля вспомнила, что с вчерашнего вечера ничего не ела. Билет в кармане, время еще есть. Она вышла на перрон в поисках киоска,

где можно было бы купить чашку какао или кофе и пирожок...

Сев в автобус, Поля попыталась сосредоточиться на предстоящей встрече с художницей. Но едва миновали город, она увидела за окном такой родной, совсем не южный пейзаж, что на время даже забыла, куда и зачем едет. Великолепный сосновый бор, словно сошедший с полотен Шишкина, тянулся по обе стороны трассы. И в это сверкающее на солнце красновато-рыжее половодье стволов то тут, то там вкрапливались ослепительно белые пятна таких же высоких и стройных берез. У Поли было такое ощущение, словно какой-то добрый волшебник перенес ее на шелтовские лесные просторы, в те самые боры, куда по осени она ездит с отцом за грибами.

Мысль об отце вернула ее к реальности. Она упрекнула себя за то, что забыла о главном, но было уже поздно: они подъезжали к Броварам. Теперь нужно было не о предстоящей беседе размышлять, а искать дачу Гойды.

Ее привели к небольшому одноэтажному домику, спрятавшемуся от прохожих за зеленью кустов. Невысокий штакетник. Дорожка от калитки к веранде посыпана песком. Входная дверь открыта. На веранде женщина за мольбертом. Значит, это - она. Сидит спиной к двери. "Чтобы лучше освещался холст", - догадалась Поля. Она стояла в нерешительности: постучать или сразу окликнуть? И почему у этой женщины

совсем седая голова? Странно. Она же всего на год старше отца...

Кто ей это рассказывал? Отец или бабушка? Неважно. Есть люди, которые кожей ощущают присутствие посторонних. Наверно Гойда из таких. Под взглядом Поли она нервно поежилась и в тот самый момент, когда Поля подняла руку, чтобы постучать в дверь, обернулась. Их взгляды встретились. То, что произошло в следующую минуту, привело девочку в полное смятение. Лицо женщины исказил ужас, она, закричав: "Нет, нет..." - закрыла его руками, обмякла, и плечи ее затряслись в судорожных рыданиях. Готовая уже сама разреветься и убежать, Поля все же пересилила себя, подошла к сидящей, тронула ее за плечо и тихо спросила:

- Мария Федоровна, что с вами?.. Мне уйти?

Не поворачивая головы, Гойда дотронулась до руки девочки, легонько сжала ее.

- Ты - кто?

- Я? - Поля вышла из-за спины женщины, встала сбоку, так, чтобы та могла ее увидеть, не оглядываясь назад. - Я - Поля Румянцева. Из Шелтовска. Алексея Николаевича Румянцева помните? Я его дочь.

Мария медленно, точно боясь чего-то, поворачивалась к девочке всем телом, наконец, открыла глаза и посмотрела на Полю долгим спокойным взглядом. "А глаза у нее все такие же, как описывала бабушка, - отметила Поля, - только волосы белые".

Гойда взяла Полю за руку, притянула к себе и молча рассматривала ее всю так, будто сравнивала с кем-то. Потом отодвинула мольберт, встала, ушла в дом. Вернулась со стулом в руках. Поставила его перед собой и сказала:

- Садись.

Поля присела, не зная, как вести себя дальше. Такой встречи она не ожидала. Гойда неотрывно смотрела на нее и молчала. Наконец спросила:

- Сколько тебе лет?

- Тринадцать.

Художница встрепелулась, посмотрела на Полю уже по-другому. В глазах - сомнение и даже откровенное недоверие.

- А должно быть четырнадцать, - глухо произнесла она, отвечая каким-то своим мыслям.

Поля поняла, о чем думает Гойда.

- Нет, Мария Федоровна, мне тринадцать. Людмила Ивановна обманула вас тогда насчет своей беременности.

Марию поразили тон, которым были произнесены эти слова, и то, что девочка назвала ту женщину по имени-отчеству, и то, что говорит она о вещах, которые в ее возрасте вроде бы и знать не положено, говорит спокойно, с полным знанием дела. Она отвела взгляд. Горькая обида комом подкатила к горлу. По щекам ее опять потекли слезы. Она не вытирала их. Казалось, она их даже не замечала. Опять встала, взяла Полю за руку и, ничего не говоря, повела в ком-

нату. Там она подвела ее к стене, на которой висело что-то, закрытое куском черной ткани. Сдернула ткань. Это был портрет девочки, длинноногой, в коротком платьице, с мячиком в руках. Поля всмотрелась в личико девочки и обомлела: это же она где-то лет в восемь. Только свои волосы она никогда не заплетала в две косички. И вообще, у этой волосы не такие густые и почти не вьются.

- Это твоя сестра, - объяснила Гойда, перехватив изумленный взгляд девочки. - Сестра по отцу. Она была старше тебя на год. Ее тоже звали Поля. Полина, - уточнила она.

- Я - Апполинария. Но почему вы говорите - была?

- Она умерла. В прошлом году. Ты прости меня, что я тебя так встретила. Но когда я увидела тебя, меня охватил ужас. И надеюсь, ты понимаешь, почему.

Поля молча кивнула. Как не понять, ее приняли за привидение. От такого, действительно, можно свихнуться.

- Мария Федоровна, а почему вы не сказали папе, что у вас будет ребенок?

- Пойдем на веранду, а еще лучше - во двор. Я хочу насмотреться на тебя при солнышке.

Они вышли. В кустах отцветшей сирени стоял плетеный столик и несколько таких же стульев.

- Видишь ли... - неуверенно начала Мария, не зная, как начать нелегкий, но явно неизбежный разговор.

- Мария Федоровна, - поспешила ей на помощь Поля, - я все знаю...

- От папы?

- Нет, от бабы Поли. Она мне все рассказала. Не говорила она только о вашем ребенке. Наверно, не знала.

- Видишь ли.... - повторила Гойда, подбирая слова. - Когда я уезжала, я еще сама ничего не знала. Станешь постарше, поймешь... Лучше расскажи, как ты оказалась здесь, как нашла меня?

- Мы с папой в Киеве по туристической путевке. Сегодня вечером уезжаем. А вчера, гуляя после экскурсии, случайно набрали на выставку. Там я увидела сделанный вами портрет папы, такой же точно, как вы подарили ему в день его двадцатипятилетия. Мне его баба Поля передала.

- Она еще жива?

Девочка отрицательно качнула головой.

- Рассказывай, рассказывай, - нетерпеливо просила Гойда. - Как вы живете, как мама?

- У меня нет мамы, - сурово ответила Поля. - Мы вдвоем с папой...

- А где же он сейчас?

- Наверно, уехал с экскурсией.

- Так он не знает, что ты здесь?

- Нет, я решила сама вас найти. А ему оставила записку, что приеду на вокзал прямо к поезду.

И Поля рассказала, как она вчера выпросила телефон союза художников, как сегодня тайком ушла из гостиницы, как моталась по Киеву, а потом ехала сюда.

- Господи, ты же голодная. Прости меня, деточка, вместо того, чтобы накормить тебя, я расспросами занимаюсь. Сейчас мы что-нибудь сообразим. С тех пор, как умерла Поля, я почти ничего не готовлю, перебиваюсь кое-как всухомятку. Но что-нибудь мы все-таки сейчас сообразим. Как ты относишься к яичнице с колбасой?

- Я ем все, кроме гвоздей, - пошутила Поля.

- А поезд во сколько?

- Двадцать минут седьмого.

- Так у нас еще уйма времени. Успеем наговориться, насмотреться друг на друга.

- Мария Федоровна, - Поля смущенно опустила глаза. - Можно спросить вас о самом-самом?.. - Набрав в легкие побольше воздуха, она выпалила единым духом:

- Вы еще любите папу? Простите, что спрашиваю так прямо, но мне очень-очень нужно знать это сейчас, сегодня...

Гойда обняла ее, прижимая к себе, и Поля почувствовала, как на ее волосы закапали теплые слезы женщины.

- А ты как думаешь? - Она отстранила девочку и заглянула ей в глаза. У Поли они тоже блестели от наполнившей их влаги.

- Когда я вчера увидела вашу работу, то подумала, что так нарисовать может только любящая женщина.

- Вот ты сама и ответила. Однако похоже, что мы сейчас утопим друг друга в слезах. Давай-ка кончать с наводнением. Ты посиди здесь, я принесу тебе что-то почитать, а сама займусь обедом.

Она ушла в дом и через минуту вернулась с большой связкой листков, перевязанных темной ленточкой.

- Раз ты все знаешь о нас с папой до моего отъезда, то должна узнать и то, что было после.

Она оставила связку на столе и ушла. Поля осторожно развязала ленточку. Листки рассыпались по столу. Потянулась к одному из них и тут же отдернула руку. Письма. Это были неотправленные письма Марии. Никогда Поля не читала еще чужих писем, и сейчас почувствовала себя неловко, точно совершила что-то недозволенное и даже постыдное. Но эти письма ей дали. Дали, чтобы она их прочитала. Они адресованы ее отцу.

Дрожащими пальцами Поля все-таки взяла первый листок...

Глава пятая

Май-июнь, 1971. Шелтовск

После того воскресенья в доме бабы Поли поселилась холодная тягучая напряженность. С каждым днем она словно густела, становилась более вязкой и липкой. Алексей ходил мрачный и молчаливый. Заговорить с Марией он не решился, поэтому избегал встреч с нею. Она понимала его состояние и старалась не попадать ему на глаза. Под предлогом подготовки к экзаменам она почти не выходила из своей комнаты. Несколько раз рано утром, до работы уходила куда-то с этюдником, но что и где она рисовала, ни Алексей, ни баба Поля не знали.

Бабка наблюдала за своей молодежью, как она называла Марию и Алексея, со все растущей тревогой, но, боясь навредить, в их отношения не вмешивалась.

Нужен был какой-то неординарный случай, который изнутри взорвал бы эту атмосферу напряженности. И случай такой вскоре сам по себе объявился. Наступил день отъезда Марии. Накануне, в воскресенье она все приготовила, сложила чемодан, оставив только один учебник, который намеревалась еще полистать. Алексей в этот день работал в вечернюю смену. Баба Поля без особой надежды позвала девушку к чаю. И, к ее радости, та не отказалась. Убедившись, что они только вдвоем, Мария сообщила, что завтра

уезжает в Ленинград на экзамены, и доверительно призналась, что очень боится этой сессии.

- Будь у меня хвост, - пошутила она, - он непрерывно дрожал бы от страха.

Утром бабка не укараулила квартирантку. Та с восходом солнца ушла на этюды. Зато на поднявшегося поздно Алексея, она напустилась со всей своей неугомонной энергией.

- Ты знаешь, что Маша сегодня уезжает?

Тот молча передернул плечами, дескать, откуда мне это знать, и уставился на бабку в ожидании, что последует дальше.

- Чего набылся? - наступала на него старушка, - разве девка виновата, что у Люськи такой характер? А ты, я смотрю, и на нее свою злость перенес.

- Не злюсь я. Стыдно мне, баба, очень стыдно перед ней. Не знаю, как в глаза посмотреть.

- Так и посмотреть: с покаянием. Объяснить все. Она - умница, поймет. А сейчас, пока время есть, съездил бы на работу, подменился с кем часика на два, чтобы проводить ее.

- Мне и подменяться не надо. Поезд на Ленинград отходит без пятнадцати шесть, а на работу мне к восьми. Но позволит ли она себя прожрать?

- Господи, в кого ты такой? - воскликнула бабка. - Мужик ты или тюлень лопухий? Люська тобой, бесхарактерным, вертела, как могла. Довертела. Перед этой робеешь, как сосунок. Дед твой тоже робок был, но не до такой же степени.

С отца бы пример брал. Я тебе рассказывала, как он действовал.

- Давай-ка, принеси дров, - скомандовала старуха. - Я хоть испеку что-нибудь на дорогу. Не думала, что поезд так рано. Но шаньги да праженики еще успею сделать. А к Люське поеду уже тогда, когда вы на вокзал уйдете.

После обеда Алексей не уходил со двора, чтобы Мария не могла улизнуть незаметно. Но она и не собиралась прятаться. На крыльцо вышла вместе с бабой Полей. Та обняла девушку, поцеловала и мелко-мелко, почти незаметно перекрестила. Когда Мария, попрощавшись со старухой, обернулась, ища взглядом Алексея, он уже стоял рядом с чемоданом в руках.

- Я провожу вас, - сказал он. - Мало ли что...

Мария благодарно улыбнулась ему одними глазами.

Уже у самой калитки баба Поля подала Алексею основательно набитую полиэтиленовую сумку.

- Это на дорогу, поесть.

- Ну что вы, баба Поля, - изумилась Мария.

- Это на целый полк еды.

- На завтра тоже надо. Когда еще устроишься. А тут готовенькое. Ты, Машенька, обязательно напиши, - попросила старушка. - Как устроишься, когда экзамены. Мы тебя в те дни ругать будем, чтобы лучше сдала. Знаешь ребячью примету: ругайте больше - сдам лучше. Не бойся, не очень, но все-таки поругаем...

- А за что? - в глазах девушки прыгали лука
винки.

- Найдем за что...

- Мне хоть сумку дайте, - взмолилась Ма-
рия, когда они вышли со двора. - А то мне
неловко идти с пустыми руками.

На вокзале они сразу прошли на перрон.
Мария взяла Алексея под руку, чуть прижалась
к его плечу. От этой нечаянной ласки он застыл,
боясь шевельнуться. Неужели не отвернулась от
него, неужели он может еще надеяться?.. Надо
что-то сказать на прощанье, ведь уезжает, они
не увидятся целый месяц. А он опять молчит,
как пень трухлявый.

- Знаете, Алеша, это хорошо, что я уезжаю,
- первая заговорила Мария. - За месяц мы
немного забудем друг друга, а когда я вернусь,
встретимся, будто впервые.

- Я не забуду вас.

- Это вам кажется, - возразила она. И по-
молчав, добавила, - во всяком случае, встретим-
ся мы уже другие, обновленные. У каждого бу-
дет время подумать.

Подали состав.

- Как, будем сразу кидаться в вагон, - спро-
сил Алексей, - или переждем, пока сядут самые
нетерпеливые?

- Переждем. У меня вторая полка. Кто на
нее позарится?

Они двинулись к вагону, когда до отхода
поезда оставалось минут десять. Алексей устро-

ил ее чемодан на третьей полке, пакет с едой положил на стол и шепнул:

- Выйдем, еще есть несколько минут.

На перроне он решительно обнял ее и зашептал возбужденно, обдавая ее плечо и шею горячим прерывистым дыханием:

- Маша, милая, любимая моя, возвращайся скорее. Мне будет очень плохо без тебя.

Она чуть отстранилась, посмотрела ему в глаза, потом быстро обвила его шею руками и прильнула губами к его губам.

Голос в репродукторе попросил пассажиров занять свои места, потому что до отхода осталось пять минут. Алексей еще раз, теперь уже наскоро поцеловал ее и слегка подтолкнул к вагону.

- Я напишу, Алешенька, - крикнула она уже с подножки. - Сразу, как приеду, напишу.

Поезд тронулся. Проводница приказала всем покинуть тамбурную площадку. Мария жестом показала не сводившему с нее глаз Алексею, что она пошла в купе к окну. Знаками он еще раз попросил, чтобы она написала.

Состав набирал скорость. Сначала исчезло лицо Марии, потом окно ее купе, а потом все окна вагона вытянулись в одну темную линию. Мимо Алексея уже бежали другие вагоны, наконец, замелькали сигнальные огни последнего, а он все стоял и смотрел им вслед. У него было такое ощущение, что с отъездом Марии внутри у него что-то оборвалось и умчалось вместе с этим

поездом. Он почти физически ощущал эту потерю...

На следующий день после полудня почтальон принес телеграмму. Баба Поля всполошилась: что бы это значило? Много лет уже в их дом никто не приносил такого послания. Развернула, торопясь прочесть, и спохватилась: захотела, старая, без очков читать. Нашла очки, медленно прошла по строчкам: "Доехала хорошо. Общежитие устроилась. Спасибо за все. Мария."

"Тебе спасибо, внученька, - прошептала бабка и положила телеграмму на стол. - То-то радость будет Лешику".

Она уже пожалела, что отправила его на кладбище красить ограду на могиле Лизаньки. Успелось бы. Зато мог бы сразу прочитать. Может, хоть лицом посветлеет. А то все дни ходил туча-тучей. Присушила его эта чернявая. Не глядел, не глядел на девок, а тут сразу и присох.

Алексей, увидев телеграмму, буквально просиял от радости. И как ни спешил на работу, несколько раз перечитал эти две строчки, а потом с оглядкой, чтобы баба Поля не заметила, сунул бумажку в карман.

Так разрядилась, наконец, напряженность, и у каждого из обитателей дома четко обозначилась задача на ближайшее время. У Марии - сносить сдать сессию и поскорей возвращаться. У Алексея - терпеливо ждать Марию и подготовиться к вступительным экзаменам. В этом году он не

собирался больше давать себе поблажки. У бабы Поли...

Самая трудная задача выпала опять на ее долю. Она и за Марию волновалась, и о внуке думала непрестанно, стараясь освободить его от всех домашних дел, чтобы только побольше времени ему оставалось для занятий. Но Алексей понял ее уловки и взбунтовался, пригрозив, что такой ценой он вообще поступать не будет. Все прежние хозяйственные дела по дому и огороду остаются за ним. Бабка только вздохнула и смирилась: плетью обуха не перешибешь. Где так характера на грош проявить не может, а тут откуда и берется строптивость.

Была у бабы Поли еще одна труднейшая миссия: почти ежедневно ездить к Людмиле в больницу.

В первые минуты после рассказа Марии о том, что случилось на кладбище, бабу Полю охватило негодование: "Дрян-девка, до чего додумалась... Вот бог и наказал шельму..." Но уже ночью, ворочаясь в своей жесткой постели, она начала потихоньку добреть. Ей стало жаль дивчину, так сурово наказанную судьбой. "Неужели и теперь не поумнеет?.. Да после такого и не захочешь, но задумаешься... Времени к тому же более чем достаточно..."

На следующий день, набрав разных сладостей, она поехала в больницу. Людмила, видно, еще не отошла по-настоящему от операции, лежала бледная, измученная. Увидев бабу Полю,

хотела притвориться спящей, но не успела, поэтому обреченно посмотрела на старуху, ожидая очередной порции воспитательных слов. Лежа на койке с загипсованной ногой, не скажешь: "Я пошла, мне некогда..."

Однако баба Поля, присев на стоявший возле койки стул, начала расспрашивать, как прошла операция, очень ли болит нога, что принести с собой в следующий раз. Ни полслова в осуждение. Ни намек на то, как отнеслись к ее поступку Алексей и Мария. Посидев еще немного, она ушла, оставив Людмилу в полном замешательстве. "Неужели ничего не знает? - ломала себе голову девушка, удивляясь поведению старухи. - Или меня щадит, дескать, и так уже наказана за свою глупость..."

Сама Людмила и не пыталась осознать всю неблагоприятность своего поступка. Она казнила себя не за то, что занялась слежкой, а только за то, что залезла на окно, откуда потом пришлось прыгать. Будь она осмотрительнее и спокойнее, придумала бы что-нибудь более безопасное, никто ничего и не узнал бы. Кладбище запущенное, сильно заросшее, можно было спрятаться на одной из могил. И тогда она еще поборолась бы за Лешику с этой глазастой.

В том, что теперь Алексей для нее потерян, она не сомневалась. Он, с его чистоплутьством, никогда не простит ей случившегося. Сознание невозвратной утраты причиняло ей страдания

куда более сильные, чем сломанная нога. Свою будущую жизнь с Алексеем она давно уже про-рисовала себе во всех деталях. Теперь - все пра-хом... Начинать сначала? А где она найдет вто-рого такого Лешика, доброго, мягкого, не очень ласкового, зато податливого. Ласки хороши в постели, это она взяла бы на себя. А муж нужен такой, чтобы жена чувствовала себя хозяйкой в доме, чтобы ее слово было главным... И возраст у нее уже критический - двадцать три. На таких сейчас не больно заглядываются. В моде - невест-ты куда более молодые. Того и гляди, в девках останешься... Повторять судьбу матери Людми-ла не собиралась. Ей нужен муж.

Баба Поля приходила почти каждый день, приносила всякие вкусные вещи, пеняла Люд-миле за то, что та почти ничего не ест, пыталась даже насильно кормить больную, но та отказы-валась, ссылаясь на плохой аппетит. Какая там еда, какой аппетит, если в мозгу одна непрерыв-но сверлящая мысль - почему старуха молчит о главном? Ответа не было. И она не вытерпела, сама завела разговор о том, что делает Лешик, как живет Мария. Бабка ответила, что Мария в Ленинграде, сдает экзамены, Лешик работает и готовится. Он твердо решил нынче поступать.

- А на меня он очень рассердился? - уже на-прямик спросила Людмила.

- Выпишешься из больницы, сами разбере-тись, кто на кого и за что сердится, - ответила

баба Поля. - Я в ваши дела встревать не собираюсь.

Пока Людмила коротала свои нелегкие дни на больничной койке, пока ломала себе голову в предположениях о своем будущем, которое она сама себе так подпортила, в голубой домик на Железнодорожной улице пришло письмо из Ленинграда. Адресовано оно было бабе Поле, но она не стала вскрывать конверт до прихода Алексея. Зато вечером подала его внуку раньше ужина.

- Читай, вслух читай.

Писала Мария, обращаясь к ним обоим сразу. Сообщила, что сессия в полном разгаре. Первый экзамен уже сдала на "хорошо". Впереди еще пять. Пусть они не удивляются, что у нее так много экзаменов и зачетов. Это потому, что она перешла на другой факультет, тут больше изучаемых предметов, приходится досдавать за предыдущие курсы. Столбиком выписала даты и названия предметов, которые еще предстоит сдать. В конце сетовала, что времени не хватает, ни в театр, ни в музеи вырваться не удастся, а так хочется, особенно в театр. "Но как бы ни было туго со временем, - читал Алексей, - минутка на то, чтобы поскучать, остается. Скучаю я по Шелтовску, по Вам, по милой речке. Это случается чаще всего вечером, когда все дневные заботы отступают и хочется подумать о чем-то интимном, близком душе твоей. Очень привя-

залась я к Вам с Алешей. Скорей бы домой. Прикиньте, сколько будет идти мое письмо, и если недолго, то черкните, пожалуйста, сюда мне пару строк. Это будет самым лучшим допингом в конце сессии, когда уже и моральные, и физические силы на исходе...”

После этих строк, не сговариваясь, оба посмотрели на календарь. Письмо дошло на пятый день. Значит, успеет еще и она получить.

- Садись и сейчас же напиши, - тоном, не допускающим возражений, приказала баба Поля.

Но он все-таки возразил:

- Во-первых, я очень голоден, а на голодный желудок вряд ли путное письмо напишется. А во-вторых, у меня даже конверта нет. Ты же знаешь, я несколько лет никому не писал...

- Сейчас я тебя накормлю, - засуетилась старушка. - Но потом сразу и напишешь. Пока ужинаешь, я поищу конверты. У меня где-то оставались от тех, что я тебе в армию посылала. Они без марок. Но это неважно. Завтра зайду на почту и куплю. Было бы написано.

Угомонилась старуха только тогда, когда он сел к столу и взял ручку. Не отрываясь, исписал тетрадный лист своим ровным некрупным почерком. И только поставив последнюю точку, перечитал.

“Маша, милая, здравствуй!

Я не большой любитель писать, но твоему письму мы так обрадовались, что я, ни на час не

откладывая, отвечаю тебе. Мы с бабой Полей поздравляем тебя с первым успехом. "Хорошо" - оценка прекрасная. Бабуля выписала на отдельный листок все даты твоих экзаменов и повесила на стене рядом с календарем. За что уж она будет тебя ругать в эти дни, не знаю, но грозит. У меня это не получится. Я слишком переполнен тобою, моей любовью к тебе. Мне скоро двадцать пять, но я никогда еще не испытывал ничего подобного. Говорят, что первая любовь приходит еще в школе. Меня она как-то благополучно обошла стороной. Может быть, потому и горит во мне сейчас такой огонь, что я еще ни разу не то что не горел, но даже не тлел. Я так жду тебя... А пока тебя нет, все свободное время занимаюсь. С математикой и физикой - все в порядке, они и в школе у меня шли хорошо. Сложно с литературой. Но надеюсь все же сдать. В августе вы с бабулей будете за меня болеть.

Пишу о своей подготовке, а на уме у меня только слова о тебе. Сейчас ты далеко, и я готов говорить тебе о своей любви бесконечно. Машутка, моя черноокая, взял бы тебя на руки и унес далеко-далеко, где не было бы ничего и никого, кроме нас с тобой. Скажешь, так не бывает. Да, наверно. Кругом люди. Они любопытны, иногда коварны. Но мы все равно будем с тобой счастливы, если только ты полюбишь меня.

Смогу ли я сказать тебе все это, когда ты будешь опять рядом, не знаю. В твоем присутствии я тупею.

Целую тебя, моя хорошая, и очень, очень жду.
Твой Алексей."

Хотел было уже сложить, но вдруг снова взял ручку и дописал еще несколько строк.

"P.S. Пока ты не приедешь, твое письмо будет лежать у меня в нагрудном кармане куртки. И от этого мне будет тепло и спокойно. А."

Утром, уходя на работу, он взял письмо с собой, объяснив, что ему удобнее все сделать самому: все равно в течение дня он не единожды побывает у вокзала, поэтому на привокзальном почтамте и марку купит и опустит в ящик. Вдвойне удобно: отсюда быстрее уйдет.

Никогда еще баба Поля не присматривалась к внуку так внимательно, как в эти дни. Похудел, осунулся - это понятно, и никаких объяснений тому она не искала. Удивлял он ее своим поведением: исчезла язвительность, он стал мягче, предупредительнее к ней. Заметно поубавилось и лени. И занимается много, и по дому помогает куда больше, чем раньше.

А вот о предстоящем своем дне рождения и не вспоминает. Неужели забыл?

Пришлось ей напомнить и заодно спросить, как бы он хотел отметить этот день.

- По мне - лучше никак, - сказал он. - Ты же знаешь, я - не любитель застолий.

- Ну, нет. Это день особый. Считаю, что праздник. И бывает он один раз в жизни. Двадцать пять больше никогда не повторится. Так что подумай, кого пригласишь. Мне потихоньку

уже надо готовиться, чтобы потом, в последние дни не мотаться по городу. Сейчас мне удобно: я еду к Люське в больницу, могу и на рынок зайти, и в магазины заглянуть.

- Как у Людмилы дела? - спросил он скорее из вежливости, чем из любопытства.

- Наконец-то, поинтересовался, - упрекнула бабка. - Ничего, еще и бегать будет. Ей прямо сквозь гипс рентген делали. Сказали, что срастается нормально. Так что скоро уже и выпишут. Вот тебе первый подарок и готов.

- Не надо, бабуленька, так шутить, я ведь и обидеться могу. Людмилу я вряд ли когда-нибудь прощу.

- Не зарекайся, в жизни всякое бывает. Что теперь, по-твоему, девку уж и в дом не пускать?

- Да ради бога, пусть приходит. Только на мою дружбу пусть не рассчитывает. Так и передай.

- Это ты уж сам ей скажи. Не из подлости она по стенкам полезла. Из ревности.

- Я ей к этому повода не давал. Не было у нас разговора о женитьбе, даже о любви ни разу не говорили, понимаешь... Я перед ней ни в чем не виноват. Впрочем, - он помолчал, подыскивая наиболее подходящие слова, - пожалуй, только в том, что так долго позволял ей помыкать собою. Надо было на корню все подрубить... Но мне это было как-то все равно... А теперь вон как обернулось... И давай больше к этому разговору не возвращаться.

- Ладно, - согласилась бабка. - Не буду. Но о гостях ты все-таки подумай. Мне надо знать, сколько человек соберется.

- Еще почти целый месяц, а ты уже хлопочешь, неугомонная моя бабуля. Доживем туда поближе, тогда и будем думать. - Он подхватил бабку на руки и закружил ее по комнате. - Устроим, бабуленька, праздник на всю улицу. Ты еще спляшешь...

- Будет тебе, охламон непутевый, - взмолилась бабка, - девок кружи, а не меня, старую. У меня и без твоих выкрутас голова кругом.

- Ничего, родная, все будет хорошо. - Он поставил бабку на пол, поцеловал. - Маша придет, веселее станет и тебе, и мне.

- Ждешь? - испытующе посмотрела она на внука.

- Жду, - не отводя взгляда, твердо ответил он.

"Дай бог тебе счастья", - мысленно благословила она его. Мария и ей была по сердцу.

Людмилу продержали в больнице месяц. Выписали с гипсом, пообещав снять его дней через десять. Она могла уже передвигаться самостоятельно, приступая на больную ногу. Однако баба Поля сочла своим долгом помочь ей добраться домой. Алексей ехать в больницу отказался, посоветовав бабке прямо из приемного покоя вызвать дежурное такси.

Сам он в эти дни жил только мыслью о Марии. Загодя договорился, чтобы на предстоящую неделю ему дали дневную смену. С бабой Полей обсудил, какие цветы лучше всего взять для букета: грядки возле дома уже ярко пестрели на виду у всей улицы. Продумал, где поставит свою машину, какие первые слова произнесет, как отвезет домой. Казалось, все учел, ничего не забыл. Скажи он кому-нибудь, как готовится к встрече любимой, его, наверно, засмеяли бы: так готовятся разве что к встрече иностранных гостей. И все же, когда пришла телеграмма: "Приезжаю четверг Мария", - он заволновался, как школьник перед экзаменом.

Выехав в четверг утром на линию, взял пассажиров только по недалекому маршруту, чтобы к девяти вернуться на вокзал. Никогда еще так тщательно не следил за стрелками часов, как в этот день. Около девяти поставил свою машину в стороне от общей очереди таксомоторов, выстроившихся в ожидании прихода поезда. Взял свой роскошный букет, который утром ему нарезала баба Поля, узнал в справочном, на какой путь прибывает состав, и выскочил на перрон. "Где стать?.. Где?.." - лихорадочно заметался он. Мария не указала номер вагона. Решил стать в конце западной части перрона. Поезд следует с запада, мимо него пройдет почти весь состав. Он заметит ее лицо в окне и рванет за этим вагоном. Почему Мария должна стоять у окна, а не где-то

в проходе между купе? - это как-то миновало его сознание. Все, что он в это утро делал, думал, говорил, - подсказывалось только эмоциями. Рассудок молчал. К нему он и не обращался. Чувства настолько захлестнули его, что он на время потерял способность реально оценивать окружающее. Он витал в каком-то ином, ирреальном мире.

Марию он увидел в пятом вагоне, но не в окне, как рисовал себе несколько минут назад, а в проеме выходной двери, за спиной проводницы. Она тоже увидела его, помахала рукой. Он сорвался с места, побежал, но мешали встречающие, их приходилось обходить. Когда он достиг пятого вагона, она уже стояла на платформе. Все заранее продуманное вмиг улетучилось. Он со всего разбега поднял ее, закружил вокруг себя, потом поставил на землю, посмотрел на нее так, будто увидел впервые.

Наконец, вспомнил, что в руках у него цветы, подал ей, тут же стиснул в объятиях и осыпал поцелуями ее лицо, глаза, волосы. Мимо них торопливо шагали прибывшие и встречавшие, задевали их, толкали, награждая при этом далеко не лучшими эпитетами.

- Пойдем отсюда, - сквозь его поцелуи прошептала Мария, - больно толкают.

Одной рукой он подхватил чемодан, а второй прижимал ее к себе, стараясь заглянуть в глаза. Они сияли таким счастьем, в них было столько

тепла, благодарности, любви, что он забыл обо всем на свете и готов был бесконечно погружаться в их черную бездну.

- Алешенька, так нам и до скончания века не добраться до остановки. Упадём и растопчут. Давай я возьму тебя под руку, так будет удобней.

Через несколько шагов она заметила с шутиливой укоризной:

- Ты даже не спросил меня, как я сдала сессию.

- Правда! - Он готов был опять остановиться, но она настойчиво потянула его к выходу на площадь. - Так одурел, увидев тебя, что забыл даже, откуда ты приехала. Ну, пожалей великовозрастного балбеса, скажи. И... - он чуть прищурился, давая понять, что помнит еще что-то, - как этюды?

- По экзаменам - два "хорошо" и четыре "отлично".

- Молодчинушка! - воскликнул он, на ходу чмокнув в щеку. - Мне бы так...

- С этюдами тоже хорошо, - продолжала она. - Замечаний много, но так и должно быть. А в общем - одобрение...

Они вышли на привокзальную площадь. Он подвел ее к машине, посадил впереди, рядом с собой.

- Не будешь возражать, если я возьму пассажиров до аэропорта? - спросил он, подъехав к очереди жаждущих транспорта.

- Алеша, о чем разговор? Я вообще могла бы спокойно добраться на автобусе. Остановка-то рядом.

Последние слова ее он пропустил мимо ушей, приоткрыл дверцу и крикнул: "Кому в аэропорт?" К нему сразу ринулось несколько человек. Последней неуверенно приближалась женщина с ребенком на руках.

- Могу взять только троих, - объявил он, выходя из машины. - Женщину с ребенком - обязательно и еще двоих.

- Ну что, трогаемся? - весело подмигнул он всем, когда с чемоданами, авоськами, сумками было покончено. Вещей у всех оказалось столько, что в багажник не вместились, часть взяли в салон, поставили себе прямо на ноги.

Ехали молча. Марии и Алексею не хотелось на людях говорить о сокровенном. А случайным их спутникам, погруженным в заботы о рейсах, билетах и прочих летних авиапроблемах, было не до разговоров.

В аэропорту, высадив пассажиров, Алексей тотчас развернулся обратно.

- А здесь почему никого не взял? - удивилась Мария.

- Доставлю тебя домой и вернусь сюда. Тут же рядом.

- Мне так хотелось скорее домой, - призналась Мария, - что я все утро простояла у окна и мысленно торопила поезд. Все казалось, что ползет, как черепаха.

- Как бы я хотел, чтобы этот дом стал твоим навсегда. - Он скосил глаза в ее сторону, ожидая ответа. Но она промолчала.

Подъехали к знакомой калитке. Алексей вышел из машины, подал ей чемодан и шепнул: "До вечера..."

Через минуту его "волга", подняв столб пыли на повороте, уже мчалась обратно в аэропорт.

У калитки девушку ждала баба Поля. Мария, бросив чемодан, обняла старуху и сквозь набежавшие слезы нервно повторяла:

- Я дома, как хорошо, что я опять дома.

- Вот и ладно, милая, отдохнешь от своих книг, выступишься. Пойдем, чайку попьем. С дороги обязательно надо чайку. Расскажешь про экзамены. Да и мне надо с тобой поговорить, посоветоваться.

Умывшись и переодевшись, Мария вышла к чаю. Увидев у календаря тетрадный листок с датами своих экзаменов, пошутила:

- Экзамены я сдала хорошо. Значит, здорово вы меня ругали. Было за что?

Баба Поля улыбнулась, морщинки лучиками собрались вокруг глаз, лицо засветилось добротой.

- Не знаю, как Лешик, а я в эти дни просто вспоминала тебя и молилась. Услышал бог мои молитвы, послал тебе силы и разум.

Мария прихлебывала чай и с удовольствием уплетала пирожки с картошкой.

- Избалуете вы меня, баба Поля, этими вкусностями, я потом в столовой обедать не смогу.

- Так уж часто я тебя и балую... Раз в месяц... Давай еще чайку налью.

Подавая Марии вторую чашку, старуха сообщила, что через две недели Лешику исполняется двадцать пять, а она до сих пор не знает, что ему купить в подарок. "Посоветуй мне, старой, а то я совсем растерялась," - попросила она.

- Что ж вы мне не сказали об этом до отъезда, - откровенно огорчилась девушка. - Я бы в Ленинграде что-нибудь присмотрела.

- Да вылетело у меня тогда из головы, - сокрушалась старуха. - Начисто вылетело из-за Люськи-негодницы.

- Кстати, как она себя чувствует?

- Нормально. Выписали уже. Нога, правда, еще в гипсе.

- Хорошо, что так обошлось. Будет ей эта нога напоминать о себе всю жизнь. - Мария умолкла, стараясь отодвинуть от себя неприятные мысли. - А подарок, знаете, какой можно купить. Алеша, вроде бы, всерьез собирается учиться. Хорошая папка ему для этого не помешает. Портфели сейчас редко кто носит. А папка - самое подходящее в этом случае. Чтобы более памятной была, можно заказать небольшую металлическую пластинку, на которой что-нибудь выгравировать. Например, такие слова: "Дорогому внуку в день двадцатипятилетия". И дату.

- Ой, спасибо, милая. Как хорошо ты все придумала. Может, выручишь меня, старую, сама и выберешь? Я не больно-то понимаю, что надо. Денег я тебе дам, а ты присмотри, что получше.

- Денег не надо. Я вам за квартиру должна.

- Хватит ли тех?

- Разве что на гравировку не хватит. Я завтра зайду в магазин, в мастерскую, где гравируют, все разузнаю, что почем, и вам скажу, - пообещала Мария.

- Вот и ладно, внученька. А теперь иди поспи с дороги. Лешик тебя так ждал. Придет с работы, вам погулять захочется. Не отдохнувши, какое гулянье. А я обедом займусь.

Мария ушла в свою комнату. Прилегла. Но сон не шел. Навалились мысли, тяжелые, тревожные. Алексей любит ее. Любит нежно, самоотверженно. А она? Может ли она с уверенностью сказать, что он, этот красивый, сильный и такой открытый, такой незащищенный в своих чувствах парень, - тот единственный, который ей нужен? В Ленинграде она о нем думала, беспокоилась, скучала. Скучала сильно. Это точно. Не лгала она и сегодня, говоря, что торопила поезд. И чем ближе он подвозил ее к городу, тем сильнее стучало сердце. А когда она увидела его на перроне, такого напряженного от ожидания, ее буквально захлестнули радость и нежность. Каждая жилка трепетала в ней от переполнявших ее чувств. Не приди он ее встречать, ей было бы очень горько.

Ее томит постоянная жажда его видеть, слышать его голос, чувствовать на себе его ласкающий взгляд. Ей хочется запустить свои пальцы в его чудные белокурые вихры, целовать его глаза. Он ей написал, что еще никогда не испытывал такого чувства, как сейчас. А она? Перед собой лукавить нет смысла. В проектном институте ей очень нравился пухленький красавчик-инженер. И даже тогда, когда его цинизм, его домогательства уже, казалось, отрезвили ее, с сердцем своим она еще долго не могла справиться. "Вылечиться" ей тогда помогло присутствие матери, ее рассказы об отце. Как она завидовала матери, счастье которой было столь коротким, но зато каким светлым! Как ей хотелось встретиться в жизни с чем-то подобным.

И судьба дала ей еще одну встречу. Но и на этот раз она очень скоро убедилась: не то. Потому, наверно, и начала задавать себе вопросы, от которых на душе становилось мрачно и холодно. Может, красивую любовь писатели потому и выдумали, что в жизни ее не существует? Действительность куда проще, прозаичнее, пошлее и сводится только к продолжению рода? Но тогда чем отличается человек от обычного зверя? И пример матери, которая сквозь такое испытание, как война, пронесла свою любовь, свою верность и чистоту... Что это? Может быть, ее, Марию, судьба обделила?..

И вот Алексей, ее Алешенька... Теперь она может сравнивать. Ни тот индюк в павлиньих

перьях из проектного, ни художник-однокурсник, с которым она подружилась еще на вступительных экзаменах, не занимали в ее жизни столько места, не волновали ее так, как волнует этот парень. Все ей мило в нем, все вызывает такую нежность, что, дай она волю чувствам, как русалка, заласкала бы его до смерти. Это и радует, и настораживает. Может быть, в ней самой уже берет верх чувственное начало, самое тривиальное плотское влечение?.. Господи, как все сложно... Нет его рядом, она время торопит, чтобы скорее увидеться, он приходит, она замыкается, точно захлопывает перед ним свою душу. Что мешает ей быть такой же, как он, открытой в своих чувствах? Природная сдержанность? Неуверенность? В ком? В себе или в нем?

Она безжалостно перетряхивала все в своей душе, ища причины своей скованности. И память услужливо подкинула ей сцену на кладбище... Эта девушка - как заноза в сердце.

"Какая же я дрянь, - с горечью подумала Мария. - Осуждаю эту малознакомую мне девушку, а сама... Так же омерзительно ревную его к ней. Она вульгарна, она мне неприятна. Ну и что? Я, по-видимому, вызываю в ней аналогичные ощущения и мысли... Но у нее для этого хоть основания какие-то есть. Они раньше встречались. А у меня? Какой повод у меня для ревности?..

"Милый мой Алешенька, - мысленно шептала Мария. - Когда-нибудь я расскажу тебе об этих

своих душевных муках, и мы вместе посмеемся над ними. Ты простишь меня, мой чистый, мой светлый человек, за эти мысли? Я знаю, простишь, потому что любишь меня. Я тебя тоже люблю, только не сумею, наверно, сказать тебе об этом так же горячо и страстно, как это делаешь ты. У тебя скоро праздник. Что подарить тебе, мой хороший? Я умею только рисовать. Портрет бы твой сделать... Вот здорово бы было: Алексей Румянцев в год своего двадцатипятилетия... Но как это сделать, чтобы ты не узнал? Как заставить тебя попозировать и не выдать себя?.."

С этими мыслями она и уснула. Спала крепко, как спят люди, выполнившие нелегкую, но очень нужную работу. Спала без тревог и сновидений. Каждая клеточка ее измученного за месяц организма отдыхала и набиралась сил.

Разбудил ее осторожный стук в дверь.

- Маша, Машенька, вставай обедать, - звала баба Поля.

- А сколько времени? - с трудом разжимая веки, спросила Мария.

- Шесть вечера, внученька, - приоткрыв незапертую дверь, громче ответила старуха. - Алеша с работы пришел. Вставай, пообедаем вместе.

- Вот это спала, - соскакивая с постели, засмеялась девушка. - Так можно все царство проспать.

- Самый лучший отдых - это сон, - наставительно заметила бабка. - От всего лечит.

Она плотно притворила дверь, давая девушке возможность одеться. Та вошла в свой любимый спортивный наряд и побежала во двор умываться. Там, громко отдуваясь, расплескивая вокруг себя крупные брызги, умывался раздетый до пояса Алексей. "Как он загорел за месяц", - отметила Мария и поймала себя на желании подойти сейчас и обнять этого смуглого, такого родного ей парня. "А я еще что-то копаюсь в своей душе... Милый мой, родной мой Алешенька, люблю тебя, люблю, люблю"... - шептали ее губы. Он заметил это и рассмеялся:

- Ты что - молишься или ворожишь?

- Ворожу, - ответила она тоже со смехом. - Нашептываю заклинание, чтобы ты сильнее меня любил...

- Вот уж для этого не нужны заклинания, - он повернулся к ней. Лицо его стало напряженно-серьезным. - Сильнее любить уже невозможно. Будь в твоей душе хоть часть того, что испытываю я, счастливее меня не было бы человека на свете...

- Хватит плескаться, оставь и мне немного воды, - шутливо прикрикнула она и отстранила его от умывальника.

Он принес из сеней ведро, хотел обдать ее водой, но она вовремя отскочила. Вылил остатки воды в умывальник и ушел в дом.

“Дурачимся, как малые дети, - подумала Мария, провожая его взглядом. - Вот что любовь с людьми делает”.

Пообедали. Мария вызвалась помочь бабе Поле убрать со стола и вымыть посуду. Но старуха руками замахала:

- Не надо, не надо. И сама справлюсь. Идите, погуляйте. Вечер такой хороший.

- Мне переодеться или так идти? - озорно стрельнув в Алексея глазами, спросила Мария.

- Как тебе хочется.

Она скрылась в своей комнате и через несколько минут вышла в знакомом Алексею светлом платье с распущенными по плечам волосами. И баба Поля, и Алексей откровенно залюбовались ею.

- Куда мы пойдем? - обнимая ее взглядом, спросил он.

- К реке - обязательно. А там, куда глаза глядят.

- Мы пошли, бабуля, не скучай...

Спустившись с крыльца, он остановился в раздумье.

- Что-нибудь случилось? - встревожилась Мария.

- Ну что ты, моя хорошая, что может случиться со мной, когда мы вместе? Разве что сердце не выдержит радости и выскочит из груди... Я просто прикинул: если погулять по берегу, то спуститься нужно не у нас здесь, а у монастыря.

Под этими железками, - он кивнул в сторону железнодорожного моста, по которому в этот момент со страшным грохотом неся поезд, - не пройти. Придется или вверх карабкаться, или в воду прыгать.

- Тогда пошли к монастырю. Я с удовольствием еще раз взгляну на него.

Пока шли, в беседе верховодила Мария. Расспрашивала его о подготовке к экзаменам, о том, как он собирается учиться.

- Естественно, заочно. С вечерним ничего не получается: работа по сменам. Менять работу сейчас не хочется. А поступать я буду с очниками.

- Я что-то не понимаю...

- Все очень просто. Беру на август отпуск, начальство, вроде, не возражает. Сдаю экзамены вместе со всеми поступающими и если не завалю, то пишу заявление о переводе на заочное отделение. Вот и все. Конечно, если провалюсь, будет очень стыдно перед школярами. По математике и физике завалиться не должен. Боюсь сочинения. Как наделаю ошибок, так и - прощай! - мечты.

- Давай в оставшийся до экзаменов месяц займемся русским, напишем диктанты, - предложила Мария. - Можно утром до работы, можно вечером, когда как удобнее тебе. Правда, из меня учитель плохой, терпения не хватает. Но обещаю сдерживаться. К тому же на диктанты не так много терпения и требуется.

Он остановился, повернул ее лицом к себе, заглянул в глаза.

- Ты это серьезно?

- А почему ты сомневаешься?

- Машутка моя родная, спасибо тебе. - Он поднял ее на руки и понес вниз по спуску к реке.

- Ты сегодня так хороша, невеста моя.

- Чувствуется, что литературой занимался. Стихами заговорил. Только у Кольцова это звучит так: "Как весна, хороша ты, невеста моя". - Она выскользнула из его рук и пошла рядом. - Алеша, зачем ты так торопишь события? Мы мало знаем друг друга. Это только в сказках бывает: сегодня увидел - завтра под венец. Любовь с первого взгляда - это романтично, красиво, возвышенно, но жизнь - не сказка, она длинна и сложна.

- Маша, милая, заранее прости меня за вопрос, который я сейчас задам, но не задать его уже не могу. Ты была замужем?

Он увидел, как расширились от удивления ее и без того огромные глаза, порывисто обнял и закрыл поцелуем ее губы, пытавшиеся что-то сказать.

- Прости меня ради бога, - снова заговорил он минуту спустя. - Я объясню сейчас, почему у меня вырвалось это. Каждый раз, когда я начинаю говорить о своей любви, о своей мечте, ты осаживаешь меня так, словно прожила на свете уже целую вечность, в которой были и драмы, и

трагедии, и разочарованная во всем ты никому и ничему не веришь.

- Прожила я, Алешенька, больше тебя на свете почти на целый год, а это уже что-то. Но замужем я не была, ни по документам, ни фактически. Моя совесть перед тобой чиста. А насчет драмы? Если юношеское увлечение можно назвать драмой, то - да, пережила. Но я, как ты выразился, осаживаю тебя не потому, что никому и ничему не верю. Будь это так, я не гуляла бы с тобой сейчас здесь... Надеюсь, это объяснений не требует.

- Ты не веришь в любовь с первого взгляда, - горячо перебил он ее. - Считаешь, что ее не бывает.

- И в это верю. Просто считаю, что она - скорее исключение, чем правило. А слово "люблю" для меня настолько свято, что произносить его нужно с полной уверенностью в себе. Говоря кому-то "люблю", мы тем самым берем на себя ответственность уже не только за свою судьбу, но и судьбу того, кому адресуем это слово. Разве не так?

- То, что ты сейчас сказала, это из области философии, точнее, наверно, - нравственности. Я над этим не задумывался. Но ты, по-видимому, права. Называя тебя невестой, - а я и не скрываю своей мечты - видеть тебя своей женой, - я вполне сознавал, что ты - самый родной и

близкий мне человек, что с той самой минуты, как ты скажешь мне - да! - моя жизнь уже не будет такой, какой была до сих пор. С этой минуты у меня появится человек, о котором я обязан буду помнить каждый миг, чем бы ни была занята моя голова. Но я, в отличие от тебя, верю, что любовь рождается с первого взгляда. Потом она может окрепнуть или умереть, но родится она именно в тот момент, когда человек впервые увидел другого. И подтверждением тому - не только то, что произошло со мной, но и пример моих родителей.

- Расскажи о них, - попросила Мария.

- Это очень трогательная и очень печальная история. Могилу моей матери ты видела. Обратила внимание на даты ее жизни?

- Обратила. Она умерла в двадцатилетнем возрасте. Потом я пыталась даже кое-что додумать из твоей биографии. Ну, скажем так: ты воспитывался у бабушки, потому что отец твой женился снова, и она не хотела, чтобы ты попал к мачехе...

Алексей покачал головой:

- Все намного трагичнее. У меня и отца нет. Присядем, я расскажу тебе о них.

- А тебе не очень это больно?

- Придется, как в школьном сочинении, начинать со вступления. Иначе будет непонятно.

Они присели на ворох скошенной травы. Он заговорил не сразу. Как пловец перед прыжком

в воду, глубоко вздохнул, взял ее руку в свою ладонь и приложил к щеке. И только после этого она услышала:

- Родителей своих я не знаю совсем. Всю жизнь со мной рядом была только бабуля. Говорят, что в младенчестве я называл ее мамой. И, наверно, потому, что видел я их только в грудном возрасте, я не воспринимаю их как родителей. Выражаюсь очень туманно? Но не знаю, как это точнее сказать. Приходим мы с бабулей на могилу моей матери, она падает, бьется в слезах, причитает, а я стою, как истукан, и молчу. Умом понимаю, что тут лежит женщина, давшая мне жизнь, но в душе - ни горя, ни слез. Говорю я об отце и матери всегда отстраненно, как о посторонних людях. Все это я объясняю тебе для того, чтобы ты не удивлялась, что в моем рассказе они будут просто Николай Румянцев и Лиза Лахтина.

***

Когда Лизу Лахтину спросили, над какой палатой она возьмет шефство, она назвала третью. Назвала наугад, еще ничего не зная, сколько там раненых, какие они. Прежде чем зайти к ним, попыталась хоть что-то выведать у сестры. Но та второпях только сообщила: "Все с Ленинградского фронта, трое тяжелых... Остальное сама увидишь." Что ж, сама так сама. Зашла, поздоровалась, назвала себя и с места - в карьер: "Кому письмо написать? Кому из города что принести? Я теперь буду приходить к вам

часто, так что можете давать мне разные поручения". Она, действительно, пришла к ним и на следующий день, и через несколько дней снова. Писала под их диктовку письма, читала им газеты, выполняла их небольшие просьбы в городе. Только один лежавший в углу солдат не обращался к ней ни с какими просьбами. От него она вообще не слышала ни единого слова. Лицо и грудь его были туго спеленаты бинтами. Но из-под повязки время от времени на нее смотрели внимательные, изучающие глаза.

В один из дней она решила проверить, говорит ли он вообще. Про себя она уже окрестила его молчуном. Может, с ним надо общаться как-то по-другому. Присела к нему на койку, спросила, не надо ли что-нибудь выполнить для него? Письмо написать или, может быть, книжку принести почитать?

- Писать мне некуда, - хмуро отозвался солдат. - Мои все остались на Псковщине в оккупации. А книжку какую-нибудь принеси.

- А что вам принести?

- Что ты мне выкаешь? - На лице солдата появилось некое подобие улыбки. - Знаешь, сколько мне лет? Только за двадцать перевалило. Небритый я да забинтованный, вот и кажусь стариком. Тебе-то сколько?

- Семнадцатый.

- Учишься?

- В девятом классе. Мы после уроков к вам сюда приходим.

- Батько, поди, тоже воюет?

- Погиб. - Лиза опустила голову. Об отце она не могла вспоминать без слез. - Еще в сорок первом.

- О, фрицы поганные, - заскрипел зубами солдат. - Скольких сиротами и вдовами сделали. Много вас у матери осталось?

- Я одна.

- Ну, это еще полегче. А вот когда пятеро-шестеро, тут бабе впору волком выть.

- Так что вам принести почитать? - переспросила Лиза, чтобы сменить тему разговора.

- А что у тебя есть?

- Своих книг у меня немного. Рассказы Горького, его трилогия - "Детство", "В людях", "Мои университеты". Есть "Записки охотника" Тургенева. Но я могу в библиотеке другие взять.

- Не надо идти в библиотеку. Неси рассказы Горького. Завтра нам и почитаешь.

Так у Лизы Лахтиной появилась в госпитале еще одна обязанность - чтение вслух. Как только она заходила в палату, Румянцев, а это был именно он, - требовал, чтобы она садилась у его койки и начинала читать. Все остальные поручения она выполняла уже после этого. Были прочитаны рассказы и повести Горького, пошел в ход и томик Тургенева. Потом школьная библиотекарьша дала ей рассказы Джека Лондона и Марка Твена. Вся палата до слез хохотала над рассказом Твена "Как я редактировал сельско-

хозяйственную газету". Джека Лондона слушали сосредоточенно, с лицами даже суровыми.

Шли дни. Румянцев хоть и медленно, но поправлялся. Он уже мог вставать. Грудь у него была еще перевязана, а рана на лице зажила. Только шрам на левой щеке у самого уха розовел молодой кожей. Теперь Николай по утрам брился. Городского парикмахера, которого каждый месяц приглашали оголять под нулевку солдатские головы, Румянцев упросил оставить ему короткий чуб. Лизу он встречал в коридоре, а когда она уходила, старался проводить ее хоть до лестницы.

Наконец его выписали и направили в запасной полк. Перед отъездом он пришел к Лахтиным, чтобы познакомиться с матерью Лизы. О себе рассказал только, что на фронте с первых дней войны, ушел добровольцем. Брать не хотели, потому что не было ему еще восемнадцати. Еле упросил. Это ранение у него третье. Но главный его разговор, ради которого он пришел, - о Лизе. Ее он полюбил с первой минуты, как увидел. И если доживет до победы, то придет к ним в Шелтовск, и они поженятся.

- Да она же еще дитя! - воскликнула пораженная Власьевна. - Ей в куклы играть, а не замуж. Ее-то ты спросил, захочет ли она за тебя выходить?

- Это вы у нее сами спросите.

Власьева позвала дочь. Объяснила, зачем пришел в их дом Николай. Лиза покраснела, смущенно потупилась и пролепетала что-то невразумительное о том, что ей еще надо сначала окончить школу.

- Ну, с тобой все ясно, - сурово отчеканила Власьева. - Марш уроки делать.

Однако проводить Николая на поезд она Лизу все же отпустила. Там у вагона он впервые поцеловал свою зазнобу.

С того дня в домик на Железнодорожной улице зачастил почтальон.

- И о чем можно писать каждый день? - удивлялась Власьева.

- Интересует, так почитай, - Лиза подавала матери очередной треугольник. Но та писем не читала.

Писал Румянцев о своей любви, о том, что вспоминает ее каждый день, что кисет, который она ему вышила, - это его талисман, он хранит его от пуль. Стреляют теперь, правда, больше они, а фрицы отовсюду драпают, но еще огрызаются. И сильно.

Война уходила все дальше на запад, а вместе с ней все дальше уходил от Шелтовска и Николай Румянцев. Лиза сдала экзамены за девятый класс и пошла в пригородный совхоз, чтобы заработать немного денег. Осенью вернулась в школу. В стране шел последний год войны, для нее наступил последний школьный год. И чем ближе ка-

залась победа, тем тревожнее становилось у нее на душе: только бы он, ее Николушка, уцелел, только бы миновала его вражеская пуля.

Весной сорок пятого он написал Лахтиным, что получил с родных мест очень скорбное письмо. Деревня их сожжена, ни одного дома не осталось, а мать и младшего брата вместе с другими односельчанами фашисты еще в сорок втором расстреляли за помощь партизанам. Нет у него больше ни родной крыши, ни родной души. Только и осталась у него одна радость в жизни - его Лиза. После победы он приедет сразу к ней.

Он приехал в Шелтовск в конце августа. В сентябре сыграли свадьбу. По совету тещи, Николай пошел работать на железную дорогу. Лизе работать не разрешил. Готов был и по две смены вкалывать, и подрабатывал везде, где удавалось, только чтоб женушка его маленькая не заботилась о хлебе насущном. А когда Лиза объявила, что ждет ребенка, он, казалось, вообще забыл об отдыхе. Руки у него золотые были. И валенок подшить, и кастрюлю починить, и замок отремонтировать, - все умел. А в плотницком деле ему ни на Железнодорожной улице, ни в Слободе равных не было. Все мог выстрогать, выпилить, выточить. Лахтинскую избу подлатал. В сарае нашел старую детскую Лизину кровать, обновил ее, переделал в люльку для будущего сына. Он почему-то был уверен, что у него будет сын. Лиза

тоже убеждала всех, что родится мальчик, очень уж тяжело ей было носить свой огромный живот.

Радовалась Власьевна, глядя на дочку с зятем. Мужа не стало, так хоть дети будут на старости ей опорой и утешением. Но не дала ей судьба вдоволь насладиться материнским счастьем. Приехал в Шелтовск вербовщик из Воркуты. Каких только золотых гор не посулил он бывшим фронтовикам, чтобы согласились ехать на шахты. Загорелся и Николай мечтой подзаработать денег на новый дом. Всего три года, зато потом он сам своими руками построит для семьи большой теплый дом... Как ни отговаривала Власьевна, как ни убеждала, что не дело задумал, не могла остановить. Заключил он договор на три года и уехал. А скоро и Лиза с маленьким сыном потянулась за ним.

Понял Николай свою ошибку только зимой, но было уже поздно. В дощатых бараках ветер свистел по ночам и замерзала вода. Румянцевы, как могли, спасали своего малыша. Лиза уже готова была вернуться в Шелтовск. Но тут случилось то самое страшное, что окончательно унесло ее здоровье. Весть о трагедии в шахте мгновенно облетела их барачный поселок. Лиза, услышав про обвал, как была, простоволосая, раздетая, помчалась по тридцатиградусному морозу к шахте. Домой ее привели шахтерки чуть живую. А на следующий день она слегла. Высокая температура свалила ее в беспамятство. Хо-

ронили погибших без нее. Ребенка одна из шахтерок взяла на время к себе.

Только через месяц поднялась она, худая, посеревшая. Первым делом сходила на кладбище, упала на могилу и заголосила так, как голосили во время войны получавшие похоронки солдаты. Выплакавшись, пошла собираться в дорогу. Получила расчет за погибшего мужа, справку, по которой должны были ее малышу назначить пенсию, сложила свои небогатые пожитки и села в поезд.

В дороге, видно, еще прихватила простуды, потому что домой вернулась с надрывным кашлем и горящими глазами. Приговор врачей был жестоким: скоротечная чахотка. Чем только не отпаивала ее Власьевна, но Лиза таяла на глазах. В июне ее не стало. Наверно не вынесла бы этого горя Власьевна, наложила бы на себя руки, если б не внук. Его присутствие в доме заставляло ее думать, как жить дальше.

***

Алексей закончил рассказ и взглянул на Марию. По щекам ее ручьями текли слезы.

- Машутка, милая, ну что ты? - он привлек ее к себе, достал из кармана носовой платок, вытер ей лицо. - Ну, не надо, прошу тебя. Знал бы, не стал рассказывать.

Мария молчала. Она пыталась справиться с собой, но ей было так жаль и себя, тоже никогда не знавшую отца, и Алексея, и Власьевну, и не-

знакомых ей Николая и Лизу, что слезы с новой силой хлынули из глаз.

- Сейчас пройдет, - прошептала она вконец расстроенному Алексею. - Дай выплакаться. Сейчас пройдет.

- Вот так погуляли, - с явным раскаяньем произнес он. - Такой вечер испортил своей болтовней.

- Ничего не испортил. Наоборот, спасибо, что рассказал. Слезы разные бывают. И очищающие, успокаивающие - тоже. - Она взяла у него платок, просушила глаза. - Подробности от бабы Поли узнал?

- От нее. Это сейчас она, видно, уже смирилась с судьбой, реже вспоминает. А то как ни памятный день, так слезы, воспоминания. Дней таких в году немало: то годовщина их свадьбы, то чей-то день рождения... Она может забыть, куда положила очки или кошелек, но из тех дней она помнит все: какого числа Румянцев приехал после демобилизации, когда уехал в Воркуту, когда произошел обвал... Не память, а прямо-таки семейная летопись. На меня она, наверно, в душе обижается, что я их никогда не вспоминаю.

- Зря так думаешь. Она - мудрая старуха, все прекрасно понимает. Меня мама никогда не упрекала за то, что я не горюю об отце. Я иногда расспрашивала о нем. Мне было интересно, каким

он был, как они познакомились. А скорби я не испытывала. Ведь он погиб еще до моего появления на свет. Они служили в одном полку. Мать у меня была врачом, а он - летчик. В марте сорок пятого они поженились, весь полк отпраздновал их свадьбу, а в конце апреля его сбили над Берлином. Самолет загорелся в воздухе. Летчик был или убит, или тяжело ранен, потому что он даже не попытался выброситься на парашюте. Мама, вроде Лизы Лахтиной, один раз отголосила, а потом замкнулась в себе и уже до конца войны никто не слышал от нее ни звука. Демобилизовалась, а тут и я скоро запищала, требуя внимания.

- Как много у нас с тобой общего. Может быть, я и полюбил тебя так, что почувствовал в тебе родственную душу.

- Может быть, - согласно кивнула Мария. - Все мы той войной меченые. Но давай все-таки немного погуляем по берегу... Посмотри, какой закат. Завтра уже надо на работу. Начинается проза жизни...

Взявшись за руки, они пошли вдоль берега навстречу заходящему солнцу...

Глава шестая

Июль, 1971. Шелтовск

Предлагая Алексею помощь по русскому языку, Мария не предполагала, что тем самым очень поможет себе самой. Мысль о его портрете засела в ней так глубоко и прочно, что никакого другого подарка она уже и не искала. В магазине канцелярских товаров купила добротную папку, отдала в гравировку пластинку. Это - внуку от бабки. А она должна нарисовать портрет. Как она это сделает - ни малейшего понятия.

Взяв в редакционной библиотеке сборник диктантов, она приступила к занятиям. И в первый же вечер обратила внимание, что он, написав фразу, молча устремляет взгляд на нее. Это означает: можно диктовать дальше. И ее осенило: пока он пишет, она может рисовать.

На второе занятие она вложила в книгу укороченный лист из альбома, и как только он начинал писать, карандашом набрасывала несколько штрихов. Он поднимал голову, она беглым взглядом улавливала его черты, выражение его глаз, диктовала следующую фразу и бралась за карандаш. Так за несколько вечеров главное было сделано. Оставалась прорисовка деталей, растушевка. Это она могла сделать и без него. А чтобы ни баба Поля, ни он случайно не увидели ее сюрприз до положенного срока, она унесла его с

собой на работу и там доделывала, задерживаясь вечерами на полчаса-час.

Шестнадцатое июля пришлось на пятницу, поэтому празднование решили перенести на субботу. Так было удобнее и немногим школьным друзьям, которых Алексей пригласил, и Марии. А ему - не все ли равно, на какой день просить выходной.

Однако баба Поля и Мария, посоветовавшись еще накануне, решили свои подарки вручить ему в пятницу утром. Как две заговорщицы, они дождались, пока он поднимется и приведет себя в порядок, зашли в комнату сияющие и загадочные. Первой подошла к внуку баба Поля, протянула ему папку, церемонно поклонилась и сказала: "Спасибо тебе, внучек, что уважил старую и решил учиться. Поздравляю тебя с днем рождения. Будь здоров и счастлив... Если б могла тебя увидеть мать..."

Чувствуя, что сейчас расплчется, она поспешила выйти из комнаты.

- Я присоединяю свои поздравления, - сказала Мария, подавая ему сверток. - Пусть моя скромная работа всегда напоминает тебе об этом счастливом дне.

Он быстро развернул бумагу и увидел портрет. Рисунок был под стеклом, в тонкой металлической рамке. Ошеломленный, он смотрел то на свое изображение, то на улыбающуюся девушку. Наконец, перевернул, надеясь, что там есть посвящение. Четким каллиграфическим почерком

там было выведено: "Дорогому Алеше в день двадцатипятилетия от любящей его Марии с наилучшими пожеланиями".

От избытка нахлынувших чувств он чуть не разбил стекло, отложил подарок на стол, сгреб Марию в охапку, осыпал поцелуями ее лицо и все повторял:

- Маша, Машутка моя, это правда? Ты любишь меня? Это правда? Маша, я сойду с ума от счастья! Такой подарок!.. Можно, я завтра при всех назову тебя своей невестой?..

- Милый мой Алешенька! Опять ты спешишь. Не было бы у тебя сегодня такого счастливого праздника, если бы две недели назад, там, на берегу, я весьма прозаично сказала, что очень люблю тебя. Ведь не было бы, правда?

Она обняла его.

- Я очень, очень люблю тебя, родной мой человек. Но пусть это будет пока нашей тайной. Нам хорошо друг с другом, что еще надо? А тебе сейчас в первую очередь нужно сдать экзамены.

- Ну хоть бабуле я могу сказать?

- Конечно. Все равно она увидит подпись. Но я думаю, что она давно уже обо всем догадалась.

- О моей любви она знает давно. От нее у меня секретов нет. Пойдем к ней, она, наверно, сидит на кухне и плачет.

Баба Поля стояла у окна и кончиком передника вытирала глаза.

- Бабуленька, родная, не надо плакать. Сегодня у меня такой счастливый день. Спасибо тебе за подарок и порадуйся вместе со мной: Маша сейчас сказала, что любит меня.

- Вот и славно. Это самый дорогой тебе сегодня подарок. Береги ее и свою любовь.

- Милые, родные мои женщины, - одной рукой он обнял Марию, другой - бабу Полю. - Никого мне на свете больше не надо, были бы только вы всегда со мной. Никуда бы от вас не уходил, но надо на работу. Спасибо вам за все... Вечером втроем отметим этот день за самоваром. Завтра будет уже не то. Много чужих глаз будет.

Наскоро выпив чашку чая, он умчался к автобусной остановке, оставив женщин одних на кухне.

- Весь в деда, - сказала растроганная старушка, глядя в окно на спешащего внука. - Не охоч до застолий и празднеств, до шумных компаний. Ему бы только дома с самыми близкими побыть. Такой же, как дед, ласковый, и, видно, таким же однолюбом будет. Господи, - она перевела взгляд на висящую в углу кухни старую черную икону, - почему ты не дал Лизаньке порадоваться на сына? - В голосе ее звучал упрек любимому богу, а из глаз лились горячие слезы обиды.

Мария, готовая сама разреветься, обняла старуху.

- Не надо, баба Поля. Сегодня такой день. Не надо омыывать его слезами, а то не будет Алексе счастья.

- Что ты, что ты, господь с тобой, - запричитала старуха, поспешно вытирая глаза. - Пусть хоть у него жизнь будет поровней да посветлей. За всех за нас - и Лахтиных, и Румянцевых - пусть ему судьба улыбнется.

- Мне тоже надо на работу собираться, - вздохнула Мария. - Обещайте мне, что не будете сегодня больше плакать.

- Очень-то нюни распускать мне и некогда, - призналась баба Поля. - Еще многое нужно успеть к завтрашнему дню.

- Я вечером помогу вам, - с готовностью вызвалась Мария. - Пироги печь я, конечно, не умею, но приготовить салат или еще что-нибудь из закусок, - на это моего умения хватит.

- Спасибо тебе, внученька, за доброту твою. Завтра с утра, если захочешь, приготовишь селедку и салаты. А сегодня побудь с Лешиком. Сегодня его день.

- Селедку как - под шубой будем делать или обычную?

- Хороша будет, наверно, и обычная. Я баночную купила, а она всегда вкуснее бочечной.

Мария убежала. Бабка, оставшись одна, собралась было еще разок всплакнуть, но, вспомнив слова Марии, вытерла слезы и принялась хлопотать по хозяйству. А дело это, ой, какое

нелегкое, если тебе уже за семьдесят и память твоя - чистое решето стала, ничего в ней не держится, каждое дело приходится потом проверять, сделано ли. Перво-наперво студень посмотреть, как застыл в формочках. Завтра она переложит его на тарелки, украсит сверху ломтиками вареной морковки. Потом тесто поставить. На рассвете она будет печь пироги. В магазин тоже надо сходить - сметаны, сливок, молока купить. За хлебом завтра Лешик сходит, свежее будет. Молоко и сметану сегодня надо - на пироги. А сливки - это ее сюрприз к сегодняшнему вечеру.

Клубника этим летом отошла быстро. Только успела варенье сварить, ан ягод уже и нет. Но она все-таки перехитрила природу: литровую баночку ягод заморозила в холодильнике. Вот и попотчует сегодня свою молодежь свежими ягодами со сливками. Оставить бы их для завтрашнего стола, но что на всех - литровая банка. А больше ей было не заморозить. Холодильник у них маленький, в морозилку много не положишь.

Около полудня зашла Людмила. После случившегося на кладбище она еще испытывала неловкость и старалась заходить к бабе Поле днем, когда та оставалась одна. Время пока ей это позволяло: целые дни дома. Как только ей закрыли бюллетень, она сразу взяла отпуск. Выстоять день за прилавком она еще не могла. Нога хоть и была уже без гипса, но ныла постоянно. Если и за этот месяц не поправится окончательно,

придется брать дополнительный отпуск за свой счет.

Сегодня, собираясь к Лахтиной, она втайне надеялась, что Мария на работе, а Алексей ради своего дня рождения - дома, и она сможет, наконец, поговорить с ним. Она никак не хотела примириться с мыслью, что он предпочел ей эту гластастую. Они дружили столько лет, знают друг друга чуть ли не с пеленок, а тут - приезжая, кто и откуда - еще неизвестно, и на тебе - за месяц так втюрился, что про все забыл. Ей надо все до конца выяснить, а там уже начинать действовать. Пусть не мечтает эта красотка, что Людмила так легко откажется от своего счастья. Для первого раза она решила поговорить с ним ласково, попросить прощения, признать свою вину, разжалобить, если потребуется, его слезами, чтобы только он простил ее.

Все свои унижения она припомнит ему потом, а пока надо рядиться в шкуру овечки.

Увидев старуху одну, она, не таясь, спросила:

- Лешик где?
- На работе. Где ж ему еще быть?
- Неужто не мог договориться, чтобы на этот день ему дали выходной?
- А зачем? Отмечать свой день рождения он будет завтра. Завтра у него и выходной.
- В ресторане собирается отмечать или дома?
- Ты же знаешь, он - не любитель ресторанов.

- Ради такого дня можно было бы и раскошелиться. Двадцать пять - это все-таки дата.

- Не денег ему жалко...

- Вам жалко, - уже забыв про свою кротость, перебила старуху Людмила, - Он же вам все отдает.

- Неужели ты думаешь, что я могу что-то пожалеть для единственного внука? Отдает он все мне, верно. И я коплю понемногу, даст бог, квартиру получит или женится, расходы большие потребуются. Но для него мне никогда ничего не жалко. Захотел бы в ресторане праздновать, дала бы столько, сколько спросил. Но не любит он шумных застолий. Посидим завтра дома. Гостей будет немного. Три школьных друга с женами, мой внучатый племянник с девушкой, Маша, может быть, кто-нибудь с работы. Тебе, надеюсь, особого приглашения не надо, ты в этом доме с детства - своя. Так что приходи к двум. Из старух - только я да классная руководительница Лешика Анастасия Вельяминовна, которая учила его по математике и вела их класс с пятого до конца.

- А эту старую каргу зачем? - удивилась Людмила. - Я у нее тоже училась. Сухая ведьма. Злая-презлая. Из нее, наверно, песок уже сыплется...

- Никак не могу уразуметь, откуда в тебе столько злости? - сердито проворчала баба Поля. - Для тебя она - ведьма, потому что училась ты с двойки на тройку. А для Лешика - лучше ее во

всей школе учительницы не было. Любил он ее очень. Зачем пригласил? Это уж его дело. Его праздник, кого хочет, того и приглашает. Мы - две старухи - вам, молодым, не помешаем. Веселитесь, сколько душе угодно. Захочется потанцевать, пожалуйста, столы сдвинем. Ни угара ресторанного, ни толкотни.

- А я бы все-таки отмечала в ресторане, - упрямо стояла на своем Людмила. - То ли дело, оркестр, люди вокруг интересные, есть на кого посмотреть, освещение приглушенное, все кажется красивее, загадочнее. А сигаретный дым - ерунда! Один раз и потерпеть можно. Что и за мужик, если сигаретного дыма не выносит, как девица жеманная... Зато запомнилось бы на всю жизнь.

- Вот свое двадцатипятилетие ты и отметишь в ресторане. Кто тебе помешает?

- Так Лешик же не пойдет в ресторан, - Людмила поняла, что зашла слишком далеко, и замялась. - Если он даже на свой не идет...

- К тому времени Лешик, может, уже женатым будет, так что ему по ресторанам шляться.

- На ком же это он жениться собирается? - взвинулась Людмила. - Уж не на глазастой ли вашей?

- Это ты у него сама спроси, что ко мне-то пристала с такими вопросами? Не век же ему в холостяках ходить.

Людмила почувствовала, что бабка еле сдерживает раздражение. Ссориться со старухой не

входило в ее планы. Поэтому она сочла за лучшее попрощаться и уйти. Когда за ней закрылась дверь, баба Поля облегченно вздохнула, теперь она могла спокойно заняться неотложными делами...

У Алексея весь день складывался необыкновенно удачно. И пассажиры казались ему вежливее, чем обычно, и маршруты вполне сносные. Даже светофоры "решили" в этот день приветствовать его зеленой улицей. Никаких простоев, никаких ожиданий. Только и выкроил полчаса, чтобы перекусить в какой-то забегаловке. Зато в парк приехал минут за пятнадцать до конца смены. Хотелось поскорее освободиться. Поставил машину на мойку, поспешил сдавать выручку. И тут услышал по громкоговорящей связи: "Румянцев, зайди в диспетчерскую..." Екнуло сердце: "Что еще стряслось?" Шел с твердым намерением ни на какие подмены ни сегодня, ни завтра не соглашаться. В конце концов, может же и у него когда-нибудь существовать личная причина.

Переступил порог диспетчерской - и растерялся. Почти вся бригада в сборе. Галдят, улыбаются: "Заходи, заходи, новорожденный, посмотрим на тебя, двадцатипятилетнего..." Руки тянут с поздравлениями. Кто-то уже и до ушей дотянулся, больно дергают, как и увернуться? Бригадир цыкнул на всех, поутихли. Сам встал, для пущей торжественности кашлянул:

- Поздравляем тебя, Алексей. Здоровья тебе и счастья - на многие годы. А чтобы нас всех дольше помнил, дарим тебе эту игрушку, - он протянул имениннику батарейный транзистор, - и стенгазету, где мы свою руку приложили. На досуге считаешь наши пожелания. Надеемся, что ты и дальше будешь нам таким же хорошим товарищем.

- Спасибо, ребята, - едва справляясь с волнением, пролепетал Алексей. - Откуда узнали?

Все опять загалдели: "Земля слухом полнится... Сорока на хвосте принесла... Разведка четко сработала... От нас ничего не утаишь..."

- Да я и не собирался ничего утаивать, - смущенно оправдывался он. - Просто не придавал этому событию особого значения, поэтому вы и застали меня врасплох... Кто свободен завтра, милости прошу ко мне домой, на Железнодорожную улицу, семьдесят пять. А вообще - коньяк и торт - за мной.

- Надо бы сейчас всем гамузом - и в ресторан или, на худой конец, в кафе какое-нибудь. Тем более, что у Анны Васильевны для тебя еще и конверт есть. Директор тебе премию по этому случаю подкинул. Как раз на пропой, чтобы для семейного бюджета не накладно было.

- Ребята, сегодня не могу, честное слово, - Алексей смутился еще больше, краска прилила к лицу. - Девушке пообещал этот вечер.

- А ты забирай девушку - и с нами. Мы хоть посмотрим на нее, оценим твой выбор.

- Я, ребята, уже видел ее, - стараясь перекричать всех, похвастался рыжий балагур Вася Локтев. - Недели две назад он встречал ее на вокзале. Красавица, скажу я вам. Глаз не оторвать... Как артистка из иностранного кино.

- Ладно, хлопцы, - опять повысил голос бригадир. - Хватит томить парня. А то он у нас так никогда и не женится. Один ведь остался холостой. Уважим. Будь здоров, Алексей, верим, что коньяк не зажмешь. А сегодня отпускаем тебя.

- Завтра, кто может, пожалуйста, приходите к двум, - повторил Алексей.

- Ты всерьез приглашаешь? - поинтересовался Локтев.

- А как еще можно? - не понял Алексей.

- Ну, так, для отвода глаз, - усмехнулся Василий. - Из вежливости только. Я, например, завтра не работаю, зашел бы. С Нинкой зашел бы. А то она все обижается, что нигде с ней не бываю.

- Вот и приходи завтра с ней. Ехать к нам на тройке. Остановка - переезд, улица Железнодорожная, семьдесят пять. От остановки чуть-чуть вперед надо пройти.

- Ты объясняешь так, будто я не таксист. Бывай, до завтра...

Уложили в коробку и перевязали транзистор. Он оказался довольно увесистым. Конверт, даже не раскрывая, Алексей положил в карман.

- Пойдешь в кассу выручку сдавать, распишись и за премию, - предупредила Анна Васильевна. Она свернула стенгазету, тоже перевязала, чтобы удобней было нести.

Уже за проходной Алексей посмотрел на часы. Было двадцать минут шестого. Вот и загадывай наперед. Хотел освободиться пораньше. А еще нужно зайти в кондитерскую за тортом. Как же он потом унесет все домой? Зайти к Маше? У женщин всегда какие-нибудь сумки или сетки про запас есть. Но удобно ли? Можно, конечно, просто подойти к редакции и подождать, пока она выйдет. Если до центра идти пешком, то где-то к шести он как раз подойдет.

Подошел он без десяти шесть. Минут десять-пятнадцать надо ждать. Ну что ж, будет прогуливаться по тротуару, не выпуская из виду двери редакции.

Мария вышла в начале седьмого. Он осторожно окликнул ее. Она остановилась, оглянулась по сторонам. Увидев его, поспешила навстречу.

- Алеша? Что ты тут делаешь? Что-нибудь случилось?

- Тебя жду. Кроме приятного, ничего не произошло. Видишь, как заняты мои руки. Помогите. Есть у тебя какая-нибудь сумка, сетка, что угодно, чтобы только положить это?

- Авоська есть, - она достала из дамской сумочки небольшую безразмерную сеточку. - А что все-таки случилось?

- По дороге расскажу. Ты сейчас домой?

Она кивнула.

- Отлично. Вместе и поедем. Только сначала зайдем в кондитерскую. Купим на всякий случай торт.

- Зачем? Баба Поля такие пироги печет.

- По мне тоже ничего лучшего, чем ее пироги, быть не может. Но гости завтра будут разные. Вдруг кому-то захочется торта. А для нас с тобой надо бы еще и бутылочку хорошего вина прихватить. Ты какое предпочитаешь?

- А ты не засмеешь меня, если скажу?

- Ну, что ты, Маша! Даже если скажешь, что предпочитаешь пить водку, нежели вино, и то не засмею, потому что сейчас девушки пьют все, что угодно...

- Я люблю только сладкое. Лучше всего - "Кагор". Не крепкое и вкусное. А водки я никогда и не пробовала.

- Совсем как моя бабуля. Она, кроме "Кагора", ничего не признает. Сейчас посмотрим, что купить.

Они направились в кондитерскую. Он рассказал, как его поздравила бригада, как водители настаивали, чтобы он забрал ее с собой и шел с ними в ресторан.

- Если б мне не удалось отвертеться, ты пошла бы с нами?

- Почему ты во мне все время сомневаешься? Я - не поклонница ресторанного времяпровождения, но если надо... Я знаю, что сейчас это

повальная болезнь: как какое событие, так скорее "обмывать". Хорошо еще, если в ресторане, а то, чтобы подешевле, - прямо в цехе. Кто не поддерживает это правило, тому потом в коллективе нелегко работать. Слабые натуры так и спиваются. Но как тебе удалось отвертеться?

- Объяснил, что сегодняшний свой вечер я пообещал любимой девушке, и заверил, что коньяк и торт - за мной. Отступились. Один завтра придет с женой к нам, а остальным придется на следующей неделе покупать коньяк.

- А, может, и в самом деле лучше организовать в ресторане? Подороже, но зато хоть какая-то культура.

- Как скажешь, так и сделаю...

- Так ты, пожалуй, приучишь меня быть диктатором. А этого мне бы никак не хотелось... Ну, ладно, разговор о нас с тобой - не для улицы. Оставим его на потом. Тем более, что надо торопиться, а то баба Поля будет волноваться.

Баба Поля действительно уже, не отрываясь, глядела в окно. По ее расчетам, Алексей час назад должен был быть дома. Увидела их вдвоем, отлегло от сердца: зашел за ней и ждал, пока она освободится. Но что это они накупили? Тащат целую авоську.

За чаем засиделись. Алексей еще раз рассказал, как прошел день, потом обсудили детали завтрашнего. Был уже десятый час, когда он не очень уверенно спросил Марию:

- Может, прогуляемся немного?

Девушка не успела и рта раскрыть, как баба Поля подхватила:

- Сходите, сходите, не на работу завтра.

- Давай спустимся к реке тут у нас, посидим на берегу, - предложила Мария, когда они вышли во двор.

У воды было свежо. Они сели на большой валун, он прикрыл ее плечи своей курткой. Она прижалась к его плечу.

- Машутка моя, - зашептал он, - зоренька моя ясная, я так тебя люблю, что готов об этом кричать всему миру. Что мне сделать для тебя, моя родная, чтобы ты поверила мне?

- А я и так тебе верю. Верю, что нам всегда будет хорошо вдвоем. Я ведь тоже очень, очень тебя люблю.

- Нет, мне ты не веришь, - грустно произнес он. - Если бы верила, то согласилась бы стать моей женой...

- Алеша, милый, как только ты сдашь экзамены, мы поженимся.

- Правда, Маша? Ты серьезно?

- Опять эти же вопросы... Правда, правда, - она спрятала свое лицо у него на груди. - Правда, милый. Я постараюсь быть тебе хорошей женой. Но если ты с такой силой будешь меня обнимать, я не доживу до свадьбы...

Он ослабил немного свои объятия, а она залилась счастливым смехом.

- Прости мне мою неуклюжесть, - шептал он, целуя ее. - Я - в деда. Тот один поднимал желез-

нодорожный рельс. Могу ли я его поднять, не знаю, не пробовал, а тебя могу унести далеко-далеко.

Он поднял ее на руки.

- Куда нести тебя, моя лебедушка?

- Лучше посидим еще немного. Здесь так хорошо.

Он опустил ее на камень, сел рядом.

- Знаешь, почему я не хочу, чтобы ты раньше времени объявлял меня своей невестой?

- Хотел бы знать.

- Чтобы на меня меньше смотрели. Слово "невеста" действует на людей интригующе. Они становятся наглыми, разглядывают девушку откровенно оценивающим взглядом. Когда на меня смотрят так, как сегодня в автобусе, мне кажется, что меня по кусочку у тебя воруют... Фу ты, совсем запуталась: мне, меня, тебя... Слов не хватает. В общем, не хочу, чтобы на меня смотрели слишком уж откровенно.

- Хорошо, моя зоренька, не буду подставлять тебя под лишние взгляды. Ты права, на твою красоту слишком заглядываются.

- Как и на твою тоже, - озорно вставила она, - особенно женщины.

- Но ты и меня, мою мужскую гордость пойми, - продолжал он, оставив без внимания ее реплику. - Мне приятно, когда на тебя смотрят. Я знаю, это отвратительное чувство собственника: смотрите, какая она у меня красивая. Моя, мне принадлежащая красота. Понимаю, что это

чувство унижает не только тебя, но и меня тоже. И ничего с собой поделать не могу. Горжусь, радуюсь, что на тебя смотрят, и хочется всем говорить: смотрите, как она прекрасна, моя невеста. Когда сегодня один из наших водителей объявил, что видел тебя и сравнил тебя с самой красивой артисткой иностранного кино, я готов был его расцеловать.

- Пойдем, мой родной, мой такой сильный, такой ласковый будущий муж. Сегодня и тебе, и мне надо хорошенько выспаться, чтобы завтра выглядеть свежо. А дел у нас завтра еще много. Пойдем.

Он вздохнул покорно, поднял ее и понес по склону вверх, к дому.

- До сих пор я считала выражение - носить на руках - метафорой, воспринимала его в переносном смысле, ну чем-то вроде - обожать. Но ты меня начинаешь убеждать, что воспринимать эти слова надо в буквальном смысле. Если ты часто будешь носить меня на руках, я разучусь ходить. Это будет совсем плохо.

Когда он поднялся с ней на крыльцо, она все-таки выскользнула из его рук.

- Спокойной ночи, мой родной.

- Спокойной ночи, моя зоренька. Пусть тебе приснится что-нибудь очень приятное. До завтра...

Она ушла к себе. Он услышал, как она повернула в дверях ключ, набросила еще и крючок.

“Неужели боится? - подумал он с горечью. Значит, все-таки не верит. Не бойся, моя ласточка, как бы ни кипели мои страсти, не обижу я тебя, не трону до тех пор, пока ты сама не захочешь этого.”

Он постоял еще немного и тоже ушел в дом.

Утро прошло в лихорадочных хлопотах. Баба Поля не отходила от печки, там зрели пироги, томилось жаркое. Мария, покончив с селедкой, салатами, украшением студня, занялась украшением комнаты. Она нарезала цветов, собрала небольшие букеты и теперь расставляла их всюду, где только можно было приткнуть банку или бутылку из-под кефира.

Алексей съездил в прокатный пункт, привез тарелки, рюмки, столовые приборы, по пути купил несколько буханок хлеба. Потом ему пришлось передвигать мебель, расставлять ее так, чтобы два стола состыковать и еще освободить место для танцев. Второй стол вытащил из комнаты Марии, а за стульями пришлось идти к соседям.

Наконец, к часу вроде бы со всем уладились, можно было начинать накрывать стол. Баба Поля достала из комода две одинаковые жестко накрахмаленные льняные скатерти, а расставляя закуски, бутылки, приборы попросила Марию.

- Ты лучше знаешь, внученька, как это делается по -современному. Сделай, чтоб было красиво.

Памятуя неприятный разговор с Людмилой, что в ресторане все лучше, баба Поля хотела во что бы то ни стало доказать, что и дома можно сделать ничуть не хуже.

Пока Мария расставляла явства и приборы, начали собираться гости. Мужчины обнимали Алексея, шумно хлопали его по плечам, женщины церемонно кланялись и пожимали ему руку, вручали подарки, потом все вместе вышли во двор, чтобы не мешать хозяйкам, поболтать, а заодно и покурить.

Людмила пришла, когда почти все были в сборе, поздравила Алексея, вручила свой паке-тик, в котором лежал коричневый галстук с красивым янтарным зажимом. Однако отвести его в сторону, чтобы поговорить, не решилась. Он вежливо, с чуть заметной улыбкой поблагодарил ее, сказал, что баба Поля в доме, и попросил положить подарок в комнате на подоконник, где уже лежали остальные, а сам вернулся к разговору со школьными друзьями.

Людмила ушла в дом. На подоконнике она увидела коробку с набором хрустальных рюмок, маленькую коробочку с янтарными запонками. Порадовалась, что у нее тоже янтарь, будет комплект. Но пригодится ли ему это? Что-то она не припомнит, чтобы он когда-нибудь повязывал галстук.

Однако любопытство ее было сильнее сомнений, и она снова перекинулась на подарки. Оценила транзистор и удивилась: кто это раскоше-

лился на такой богатый подарок? На папке прочитала надпись и в душе усмехнулась: "Старая туда же, с посвящениями." "А готовальня на кой ляд?" - чуть не фыркнула она вслух, но вовремя спохватилась. Она поклялась себе и побожилась, что будет держаться сегодня скромнее скромного, чтобы ни старуха, ни Алексей не имели ни малейшего повода ее в чем-то упрекнуть.

Услышав, как баба Поля то и дело спрашивает Марию, куда что поставить, она с неприязнью подумала о девушке: "Как втерлась в доверие. Прямо уже хозяйка в доме... Это, наверно, она ему готовальню такую всучила, все подбивает его учиться, надеется мужа-инженера заиметь..." Но на готовальне тоже оказалась пластинка с гравировкой. "От школьного друга, - прочитала Людмила. - Значит, не глазастая. Неужели пожалела денег на подарок? Или себя уже преподнесла ему?.."

Она почувствовала, как закипает в ней злость, грязные мысли прямо наперегонки лезут в голову, и решила чем-то отвлечься. Оглядела комнату и увидела портрет. Вот, оказывается, что подарила ему глазастая. Алексей хорош, ничего не скажешь, рисовать она умеет.

Теперь можно было и на стол взглянуть. Тут уж ей придаться было не к чему. Сервировка, как в самом дорогом ресторане. У каждого прибора - розовая бумажная салфетка. Такие же салфетки в стаканчиках на столе. А закусок-то сколько! За неделю не съесть. Постаралась ста-

рая, раскошелилась. А украшения всякие не иначе, как глазастая делала. В пасть селедке петрушку сунула, на студне всякие розочки из морковки вырезала, на языке заливном - то же самое, на рыбном салате - цветок из яйца. И не лень было со всем этим возиться.

И все же ей никак не хотелось признавать себя побежденной в их споре, потому с ехидцей подумала: "Еще поглядим, как все пройдет..."

Приглашенная молодежь была уже в сборе. Можно было бы садиться за стол, но Алексей все ждал свою старую учительницу. Обещала, значит придет. Если уж только случилось что-нибудь.

Она появилась у калитки ровно в два. Алексей заспешил ей навстречу. Она трижды его по-русски облобызала, а он поцеловал ей руку.

- Прошу всех в дом, - сказал он друзьям и осторожно повел по ступенькам Анастасию Вельяминовну. В комнате она высвободила свою руку, добродушно проворчав: "Что уж так опекаешь, точно я сейчас рассыплюсь." Развязала свой сверток, и все увидели у нее в руках три книги из серии "Жизнь замечательных людей".

- Самому лучшему в классе математику, - сказала она, чуть склонив голову, - теперь это уже можно говорить, ничего антипедагогического в том не будет, - книги о самых талантливых и любимых мною ученых и математиках - Авиценне, Лобачевском, Ковалевской.

Людмила услышала, как одноклассники Алексея, все уже инженеры, тихо перекинулись восклицанием: "Вот это да! Откуда у нее Авиценна?" Людмиле это имя ничего не говорило, и она потеряла к книгам всякий интерес, только про себя подумала: "Не могла уж новой книжки купить, принесла такую потрепанную..."

Алексей расцеловал старуху, поблагодарил за книги, особенно за Авиценну, и спросил с улыбкой:

- Анастасия Вельяминовна, неужели не жалко было такие книги дарить такому шалопуту, как я?

- Мне они уже не очень нужны, в иной мир книги с собой не возьмешь, - ответила старуха, - а тебе, надеюсь, они пригодятся.

Начали рассказываться, и тут Алексей заметил, что ни бабы Поли, ни Марии в комнате нет. "Они сговорились, что ли" - с тревогой подумал он, но появилась его бабуленька в новой белой кофточке в черный горошек, в черной юбке, без платка. Поредевшая ее седая коса была стянута на затылке в тугой узел и заколота красивыми костяными шпильками. "Принарядилась бабка, по этому случаю даже свои девичьи украшения из сундука достала", - резюмировала Людмила.

А когда в дверях появилась Мария, все головы разом повернулись в ее сторону. Глаза застыли в изумлении. Она была в открытом, плотно облегающем ее тонкую фигуру платье цвета

чайной розы. Такой же цветок был вколот слева в распущенные волосы. На смуглой шее выделялась ниточка белого жемчуга. На ногах - белые лакированные лодочки.

“Вот вырядилась. - Злоба все больше охватывала Людмилу. Она буквально пожирала глазами ненавистную соперницу и в то же время клокотала от негодования. - Точно невеста на свадьбе. Бесстыжая, не ее ведь праздник. А внимание к себе привлекает, как будто она здесь главная.”

Алексей вскочил, подвел ее к столу, представил: “Знакомьтесь, Мария Гойда, художница и... - у него уже готово было сорваться - “моя невеста”, - но он вспомнил свое обещание и произнес с расстановкой, - мой большой друг”. Она улыбнулась ему, всем сидящим, слегка поклонилась и села на отодвинутый Алексеем стул. Сам он сел рядом и кивнул школьному другу, дескать, можно начинать.

И потекла обычная в таких случаях дружеская пирушка, когда поначалу все внимательно слушают тосты, когда мужчины внимательны к дамам и слева, и справа, но постепенно, по мере того, как выпитые коньяк и водка берут свое, нарушается общий настрой, беседа принимает разобщенный характер. В этом состоянии гости уже больше слушают себя, нежели собеседника, забывают о тех, кто сидит рядом. Всем хочется поумничать и пофилософствовать.

Однако, когда поднялась Мария, умолкли даже самые разговорчивые.

- Разрешите и мне сказать несколько слов, - произнесла она, заметно волнуясь. Пальцы ее, державшие высоко поднятую рюмку, подрагивали. Алексей превратился в сплошное внимание. Она не предупредила его, что собирается произнести тост, и теперь он с трепетом ждал, что же она скажет.

- Каких только тостов не слышали сегодня стены этого дома! И за новорожденного пили, и за водителей, за школу и инженеров, за мужчин и за женщин. Прекрасные слова, самые сердечные пожелания. А я хочу поднять эту рюмку за хозяйку дома. Спасибо вам, Апполинария Васильевна, спасибо, дорогая баба Поля, за прекрасного внука. Сегодня вы можете и радоваться, и гордиться, потому что вы видели, как все мы, собравшиеся, любим и уважаем Алешу. Спасибо вам, и будьте здоровы на многие годы!

Мария вышла из-за стола, одной рукой обняла старуху, поцеловала и потянулась к ее рюмке.

- Спасибо тебе, внученька, за добрые слова, - из последних сил сдерживая набегающие слезы, ответила баба Поля. - И вам всем спасибо, - она поклонилась в пояс всем сидящим и стоя выпила свою рюмку, только после этого села.

Села и Мария. Алексей взял ее руку и благодарно сжал ее.

После Марииного тоста всем захотелось размяться. Поднялись.

- Ну что, Алешенька, - спросила Анастасия Вельяминовна, - теперь ты позволишь мне откланяться?

- А чай?

- Я немного устала, - призналась учительница, - да и хватит мне, старой, в вашем молодом букете торчать. Я пойду потихоньку. Когда еще домой доберусь.

- Я провожу вас, - вызвался Алексей.

- Ни в коем случае.

- Провожу, - упрямо повторил он, - хотя бы до остановки. Машутка, я должен проводить Анастасию Вельяминовну?

- Конечно, конечно, разве может быть иначе?

- Слышите, что она говорит. А ее слово для меня - закон.

Они вышли на крыльцо. Алексей подал старухе руку, помогая спуститься по ступенькам. У калитки их догнала Мария.

- Анастасия Вельяминовна, когда придете домой и сядете выпить чайку, отведайте чудесного пирога, который испекла наша баба Поля.

Алексей благодарно взглянул на Марию и повел свою учительницу к остановке.

- Алешенька, заочно учиться нелегко. Не спасуешь, не бросишь? - спросила старуха.

- Даже если я дрогну, Машутка не даст мне бросить начатое. Она тоже учится.

- Славная девушка.
- Правда, она вам понравилась?
- Главное, чтобы она тебе нравилась, - улыбнулась старуха. - Мне она очень понравилась, насколько может понравиться человек с первого взгляда. Любишь ее?

- Тоже с первого взгляда. Так люблю, что боюсь умереть от счастья.

- От счастья не умирают, Алеша. Она тебя тоже любит. Поверь мне, старой. Даже спрашивать не надо. Ее глаза лучше всяких слов говорят об этом. Так что береги свое счастье, не многим оно дается... Вот мы и дошли до остановки, возвращайся к гостям.

- Пока не посажу вас в автобус, не уйду.

- А упрямства в тебе не ubyло. Слава богу, вон идет автобус, а то бы так и торчал здесь со мной, а гости там без своего главного героя.

За пятнадцать минут, которые Алексей отсутствовал, праздничный стол в комнате преобразился. Баба Поля и Мария успели убрать столовую посуду, остатки закусок, пустые бутылки. Уже были расставлены чашки, вазы с вареньем, блюда с пирамидами румяных пирогов. В центре стола красовался большой торт.

Понимая, что теперь уже все одновременно за столом больше не соберутся, кто-то будет танцевать, кто-то во дворе курить, баба Поля приготовилась подавать чай каждому в отдельности, как только кто-нибудь подойдет к столу. Чтобы за каждой чашкой не бегать на кухню, она

освободила уголок на комоде, застелила полотенцем, поставила поднос и попросила своего внучатого племянника внести в комнату кипящий самовар.

На свободном подоконнике стоял проигрыватель. Локтев перебирал лежавшие тут же пластинки. Алексей подошел к нему, предложил включить музыку.

- Любой бал открывается вальсом, - важно заметил Василий, отыскивая пластинку. - Сейчас начнем. Жаль, что я не танцую, отхватил бы я у тебя твою Машу.

Согнав с лица улыбку, Локтев попросил:

- Леш, наклонись, скажу что-то.

Алексей сделал вид, что внимательно изучает пластинки.

- Слушай, будь другом, - зашептал Василий, - пригласи на один танец Нину. Мы потому нигде почти не бываем, что я не научился этой премудрости. А она-то хорошо танцует. Я понимаю, не на первый танец, но потом, ладно?.. А я уж буду комендантом музыки.

- Я - хозяин, - улыбнулся Алексей. - Я обязан заботиться, чтобы гости не скучали. Хорошо, что предупредил.

Локтев поставил "Амурские волны" и включил проигрыватель. Алексей поспешил к Марии. Он - в черных брюках и белой рубашке, она - в своем светлом платье, - они смотрелись, как свадебная пара. Обращенные к ним взгляды были

полны восхищения. И только Людмила, забившаяся в самый угол комнаты, следила за ними с затаенной неприязнью.

Алексей танцевал красиво, даже изящно, бережно вел свою партнершу по кругу, стараясь не задевать никого из вальсирующих рядом.

- Машутка, ты позволишь мне пригласить вон ту женщину в зеленом платье? - спросил он, склонив голову к самому уху Марии. - Ее муж не умеет танцевать.

- Конечно, конечно, Алешенька, никто не должен скучать на твоём празднике. И вообще танцевать только со мной - неприлично. Ты обязан уделить внимание всем присутствующим здесь женщинам.

Локтев ставил все пластинки подряд, чаще это были незамысловатые фокстроты, "трясучки", как называл их Алексей. Они не требовали особого хореографического таланта, поэтому Василий тоже рискнул выйти с женой в круг. Алексей и Людмилу пригласил на один из таких фокстротов, но она, сославшись на больную ногу, отказалась.

- Поставь какое-нибудь танго, - попросил Алексей "коменданта музыки". - Надо отдохнуть от этих трясучек.

Танго было его коронным номером. Не зря же он в школьные годы тайком от всех учил все сложнейшие па этого танца. На танго он пригласит только Марию.

Вслед за Алексеем вышли и другие пары, но, взглянув на именинника и его партнершу, улыбались заговорщицки и выходили из круга.

“Без меня не забывай меня... -

выводил высокий женский голос. -

Без меня не погаси в душе огня.

Будет ночь и будет новая луна,

Нас будет ждать она.”

Алексей всецело отдался во власть этого сладострастного танца. Он видел только лучистые глаза Марии и слышал только эту волнующую кровь мелодию.

Когда растаял последний звук, они заметили, что стоят одни посреди комнаты. Им горячо и одобрительно зааплодировали. Они, радостные и смущенные, выбежали во двор и спрятались за углом сарая.

- Алеша, давай повторим как клятву, как заклинание... - Она чуть слышно пропела: “Без меня не забывай меня...”

“Без меня не погаси в душе огня...” - подхватил он и поцеловал ее долгим страстным поцелуем.

- А теперь пойдем, - сказала она, - освобождаюсь от его объятий. - Неловко. Что подумают гости?

Они вернулись в дом. Там продолжались танцы. Внимательный взгляд Марии отметил, что Людмилы в комнате нет.

Глава седьмая

Июль-август, 1971. Шелтовск

В субботу, 24 июля вечером Алексей пришел с работы очень поздно. Не предупрежденные о возможной задержке баба Поля и Мария не на шутку встревожились. Мария уже готова была ехать узнавать, что случилось с ее любимым, но старуха не отпустила ее на ночь глядя.

- Подождем еще, - молвила она. - Мужики с ним работают хорошие. Случись что-нибудь недоброе, уже сообщили бы.

Когда же он явился, живой, здоровый и даже чересчур веселый, обе женщины встретили его хмурым молчанием. Баба Поля отвернулась, выказывая тем свое недовольство. В глазах Марии он прочел все, что она переживала в эти минуты: тревогу, радость, осуждение...

- Женщины мои дорогие, вы хоть выслушайте меня, - взмолился он, не ожидавший такого дружного неприятия, - потом уж выносите свой приговор. Я виноват, что не предупредил, но бывают же обстоятельства. Я просил перенести мне отпуск на неделю раньше, хотя и не был уверен, что это получится. Сегодня объявляют: с

понедельника могу гулять и отпускные уже готовы. Вспомнил, что обещал мужикам коньяк и торт за день рождения. Предложил им отметить все это в кафе. Они упрекнули, что я без

тебя, Маша, дескать, прячу от них свою зазнобу. Но ждать, пока ты кончишь работу, да ведь захотела бы еще и переодеться, было бы долго.

- Поверьте, - продолжал он оправдываться, - выпил я немного. На своем дне рождения я был куда пьянее, чем сейчас, хотя и там с ног не валился.

- Не хватало еще, чтоб на бровях пришел, - проворчала баба Поля. - За Лахтиными такого не водилось. Да и отец твой не больно охоч был до вина. Не приведи бог, мне дожить до такого позора...

- Не доживешь, бабуля, это я могу тебе обещать с полной уверенностью. Ну, простили? Или еще казнить будете? Повинную голову вроде не секут.

Мария улыбнулась ему, давая понять, что простила, а баба Поля ушла на кухню, так и не ответив внуку.

- Я специально попросил отпуск на неделю раньше, - заговорил он уже спокойнее. - Смогу нормально подготовиться. Если провалюсь, пенять уже будет не на что, кроме собственной бездарности. Зато выводы соответствующие придется делать.

"Все мы, человеки, - одинаковые, - подумала Мария. - Любого испытания, как огня, боимся."

- Давай, завтра отдохнем по-настоящему, - предложил он, - чтобы на всю неделю зарядиться свежим воздухом и солнышком.

- И как ты намерен заряжаться?

- Берем напрокат лодку и отправляемся вверх по Шелтове. Места там - загляденье.

- И порисовать можно будет?

- Говорю тебе, пейзажи - чудо! Речка неширокая, извилистая, берега кустарником поросли, кругом луга, лес. Возьмем с собой что-нибудь пожевать, термос с чаем, устроим пикничок. Транзистор прихватим, музыка будет. Можно ракетки взять, в пинг-понг поиграем.

- Я - за. Может, и бабу Полю с собой возьмем? Ей когда-нибудь тоже отдохнуть не мешает.

- Сомневаюсь, что она согласится. Однако спросим.

Баба Поля, услышав о задумке Алексея, только головой покачала: "Стара я уже для таких прогулок". И тут же принялась выговаривать внуку:

- Что у тебя за привычка сообщать все в последнюю минуту. Нет вчера бы сказать, я бы что-нибудь приготовила.

Алексею опять пришлось оправдываться.

- Вчера я сам еще ничего не знал. Эта идея пришла мне только сейчас. Но ты не беспокойся, готовить для нас особо ничего не надо. Обойдемся бутербродами. Правда, Маша? Помидоры есть, огурцы, колбаса, можно яички сварить, что еще надо. На худой конец, можно банку каких-нибудь рыбных консервов еще взять. Мы же туда не чревоугодничать едем, а отдох-

хнуть на природе. Маша порисует, я - позагораю.

- Во сколько мы выедем?

- Лодочная станция открывается в восемь. Думаю, к половине девятого буду здесь.

Утром поднялись рано. Баба Поля приготовила завтрак посытнее: день впереди, а что молодым - бутерброды? Есть захотят скоро. Особенно после купания.

Алексей уехал в город за лодкой, а Мария со старухой начали собирать сумку. Положили полотенца, запасные купальники, ракетки, транзистор. Под продукты места почти не осталось. Пришлось вынуть транзистор и ракетки. Как ни убеждала Мария, что им не надо так много съестного, старуха все подкладывала и подкладывала. Под конец подала еще большую полиэтиленовую скатерть.

- На ней еду разложите, - объяснила она. - А в случае нужды - от дождя укроетесь. Погода сто раз на дню меняется. Неровен час, дождь пойдет.

К реке Мария едва спустилась с таким грузом: обе руки заняты и этюдник через плечо.

Лодку она увидела издалека и залюбовалась Алексеем. Он работал веслами размашисто, как настоящий спортсмен.

Погрузили вещи, прыгнула в лодку и Мария.

- Алеша, позволь мне немного погрести, - попросила она. - Устану, сразу отдам весла.

Он уступил ей место, сам сел на корму. Лодка сразу резко задрала кверху нос. Гребла Мария тоже красиво, ровно, но лодка продвигалась значительно медленнее, чем у Алексея. Минут через пятнадцать он отобрал у нее весла, а ей предложил внимательно следить за берегом, чтобы выбрать красивое место для стоянки.

Прошли километров пять. Каждый новый участок берега казался Марии красивее предыдущего. Наконец, облюбовали небольшую полянку, как бы огороженную с трех сторон кустарником. Выгрузившись, вытащили на берег лодку, привязали.

- Не искупаться ли для начала? - спросил Алексей. - А потом и подкрепиться не помешает. Я что-то проголодался.

- Права была баба Поля, - усмехнулась Мария. - Она уверяла, что мы и до места не доедем, как захотим есть. А уж после купания будем голодны, как волки. И все-таки, давай сначала искупаемся.

Быстро разделись. Пока Мария убирала свои длинные волосы под красную, в тон купальнику, резиновую шапочку, он осторожно подкрался сзади, подхватил ее и понес к реке. У самой воды она вырвалась, прыгнула в реку и начала бешено колотить руками по воде, обдавая его брызгами.

- Ах, ты так! - он вошел в воду и попытался окунуть ее с головой.

Набрызгавшись вдоволь, они наперегонки поплыли к противоположному берегу. Как ни старалась Мария, но тягаться с Алексеем ей было не под силу. Обратно он тоже обогнал ее, у самого берега подождал, и когда она подплыла, вынес ее на лужайку.

- Ты уж точно отучишь меня ходить, - засмеялась Мария, ловя его полный нежности взгляд.

- Я должен беречь свою будущую жену, - ответил он без улыбки, и непонятно было, шутит или говорит серьезно.

Разбежались по кустам, переоделись в сухое. Мария начала расстилать скатерть. Рядом с термосом появилась бутылка лимонада. Алексей увидел ее, прыснул со смеху:

- Скажи я кому-нибудь, что мы на пикнике только лимонад пили, меня или за сумасшедшего примут, или грубо оборвут: не ври.

- А мы, не обращая ни на кого внимания, лимонадом отметим начало твоего отпуска. А пока возьми транзистор, поищи приличную музыку.

Он покрутил регулятор настройки, из черного ящика что-то протрещало, что-то пропищало, наконец, нормальный женский голос объявил: "Передаем песни и романсы в исполнении Изабеллы Юрьевой". "Это - "Маяк", - обрадовалась Мария, - оставь, послушаем".

Над поляной полилась томная, пронзительная мелодия. Мария разлила золотистую шипу-

чую жидкость по маленьким пластиковым стаканчикам и первая предложила шуточный тост:

- Чтобы наш отдыхающий не знал отдыха ни днем, ни ночью, пока не сдаст все экзамены, притом только на отлично.

- Мне бы сочинение хоть на троечку написать, и то был бы рад.

Минут через двадцать половины из того, что положила в сумку баба Поля, на скатерти уже не было.

- Я не стану убирать съестное, - сказала девушка, прикрывая остатки еды концом скатерти, - проголодаемся еще.

Она раскрыла этюдник. Приготовилась рисовать. Но оставшемуся без дела Алексею стало скучно. Он начал проявлять свой интерес к живописи так, что только мешал ей. Работать маслом нечего было и думать. Достала альбом, карандаш. Зарисовала лужайку, на которой они расположились, набросала силуэт Алексея, валяющегося в цветах. Подсела к нему, показала. Он счел свою особу на рисунке вполне схожей с оригиналом, но потребовал, чтобы она пририсовала и себя.

- Когда-нибудь дорисую, - пообещала она, складывая альбом.

- Ловлю на слове, - сказал он, положив голову ей на колени.

Она попыталась его обнять, но было неудобно. Подтянула его чуть повыше, прижала голову к своей груди и начала покачивать, как ре-

бенка, напевая какую-то колыбельную мелодию. Потом склонилась к его лицу, волосы ее рассыпались, и головы их оказались под густым черным шатром. Она припала к его губам, руки ее ласкали его плечи и грудь. Оторвалась, задыхаясь, начала целовать его глаза, волосы, повторяя при этом почему-то на родном языке:

- Любый мий, мий коханный, мисяцю мий ясный...

Ее ласки жгли его нестерпимым огнем, он чувствовал, что может потерять контроль над собой.

- Маша, - простонал он умоляюще, - Машутка, что ты со мной делаешь...

- Я люблю тебя, Алешенька, - исступленно шептала она, - люблю. Я твоя, Алеша, навсегда...

Потом, когда разомкнулись их руки и губы, а усталые тела потребовали отдыха, они долго молчали, глядя на проплывающие над ними легкие белые облака, прислушивались к стуку собственных сердец и нежной, чуть грустной мелодии скрипки, которую дарил им транзистор.

"Интересно, кто из нас заговорит первым и какие это будут слова? - подумала Мария. - После таких минут, кажется, никакие слова вообще не нужны. Что они могут добавить к тому, что сказали наши тела?.."

Она чуть подвинулась к нему, положила голову на его руку. Он обнял ее плечи и думал о том, есть ли на свете что-нибудь подобное тому

блаженству, которое он только что испытал. Поискал в памяти подтверждение своим мыслям из когда-то прочитанного, но вспомнилось почему-то совсем другое. Герой книги после пережитого чувственного наслаждения ощутил в душе опустошение и равнодушие к лежавшей рядом с ним женщине. Почему опустошение? Почему равнодушие? Он готов сейчас спорить с кем угодно. Вот она, лежит рядом, он держит на руке ее плечи, он весь наполнен ею, нежностью к ней. Ему хочется сделать для нее что-то необыкновенное, чтобы доказать, насколько она ему дорога. Разве это опустошение? А как она себя чувствует?

Он приподнял голову, взглянул на Марию. Глаза ее были прикрыты ресницами, а губы улыбались.

- Машутка, родная, чему ты сейчас улыбаешься? - спросил он, лаская губами бархатистую кожу ее щеки.

- Нашему счастью. Мне хочется его как-то приветствовать, а как это сделать, не знаю. А тебе разве не радостно?

- Я еще не могу до конца поверить, что ты - моя, что это не приснилось мне.

- Не приснилось, милый, вот же я - рядом, живая, горячая. Каждая клеточка моего тела благодарит тебя, моего нежного, моего самого лучшего мужчину на свете.

- Наш брачный союз заключен под ясным голубым небом. Как сделать, чтобы вся наша

жизнь была такой же ясной и светлой? Ты поможешь мне? Я так хочу, чтобы у нас не было ни ссор, ни разногласий.

Она приподнялась на локте, чтобы лучше видеть его лицо. Заговорила с жаром.

- Будут у нас и ссоры, и разногласия. Без этого нет жизни. А мы с тобой к тому же так мало знаем друг друга. Только в совместной жизни мы будем узнавать, что любит один и чего терпеть не может другой.

- А давай-ка мы сейчас проведем самоанализ собственных персон, а потом, через годы вспомним этот разговор и посмотрим, совпали с реальностью наши самооценки или нет.

- Давай, - с готовностью подхватила она. - Это будет интересно. Жаль, что нельзя этот разговор записать на магнитофон для будущего.

- Ничего, и так запомним. Как будем себя препарировать?

- По самой примитивной схеме: люблю - не люблю, умею - не умею, какой я?

- Начинать надо мне, раз я предложил. Инициатива наказуема. Ну, что ж, поехали! Я очень люблю поспать. Леню из меня надо поганой метлой выколачивать. Люблю вкусно поесть, особенно бабулину стряпню. Столовые действуют на меня отрицательно, хотя пользоваться ими приходится постоянно. К другим бытовым условиям терпим. Очень люблю осенью ездить в лес за грибами. Ничего лучше грибной охоты не

знаю. Охотой на дичь или рыбной ловлей никогда не увлекался. Убить животное или птицу не смогу, а сидеть с удочкой часами на одном месте - скучно. Зимой люблю лыжи. Пробежаться по морозцу километров двадцать - прекрасно. Очень люблю свою бабулю, еще сильнее - тебя. Вот, пожалуй, главный набор того, что люблю. Не люблю... Вранья. И сам не умею врать. Не люблю шумных, пьяных компаний. Друзей у меня немного, в них я разборчив. Не знаю, что еще тут добавить. Умею немного. Крутить баранку, починить любой мотор, электробритву. Умею колоть дрова, носить воду, копать грядки, что-то покрасить, что-то несложное смастерить. Но по большому счету мои руки золотыми не назовешь, потому что я слишком многого не умею. Вот в общих чертах моя самохарактеристика. Как видишь, ты полюбила далеко не идеал, и радужное будущее тебя вряд ли ждет с таким мужем.

- Думаю, что выслушав меня, ты сделаешь куда более пессимистический вывод, - начала она, улыбаясь. - Что я люблю? Прежде всего рисовать. Это самое любимое занятие в жизни. А еще я люблю умные книги. Почти не читаю фантастики, приключенческой и детективной литературы. Зато очень люблю читать о путешествиях. Заниматься предпочитаю в библиотеке, там особый настрой. С природой дружна, но мало ее

знаю. Из хозяйственных дел люблю стирать белье, но терпеть не могу его гладить. Как при-
нудработы воспринимаю уборку и приготовле-
ние обедов, хотя все это умею. Печь пироги, на-
деюсь, меня баба Поля научит. Совершенно не
умею рукодельничать. Элементарного халатика
мне не сшить. Так же, как ты, не умею врать и
не люблю шумных застолий. Не люблю красить-
ся. А вот на хорошие духи тратиться тебе при-
дется. Это моя слабость. Люблю театр. И драма-
тический, и музыкальный. Не люблю ничегоне-
деланья. Не понимаю молодых женщин, способ-
ных часами сидеть на лавочке у подъезда и че-
сать языки. Мне в таких случаях так и хочется
сказать: книжку бы в руки взяли. Характер у
меня не ангельский, хоть и добра по натуре, но
нетерпелива, несдержанна, не очень терпима к
другим, достаточно замкнута с людьми.

Как видишь, у меня букетик побольше твое-
го, причем цветы в наших букетиках совершен-
но разные, а некоторые и в одну вазу ставить
нельзя. У меня в делах, самой природой мне
предназначенных, чаще приставка - "не". Так
что думай, пока еще есть время, а если все-таки
рискнешь взять меня в жены, то нам с тобой еще
притираться и притираться друг к другу, чтобы
прочный союз вышел. В такой ситуации мечтать
о том, чтобы не было разногласий, не приходит-
ся.

- И счастье, Алешенька, как мне кажется, - продолжала она, - не в том, чтобы не было ссор и разногласий. Это было бы очень скучно и пресно, а в том, чтобы случайные разногласия не доводить до скандалов. А это будет уже зависеть от того, как мы сумеем взаимно уступать друг другу. Только взаимно. Если постоянно будет уступать один, неважно - ты или я, это будет рабство, унижение. А там, где один из супругов всегда унижен, настоящего счастья не жди. Любовь уйдет быстро, какой бы она ни была.

- Мы сегодня же должны обо всем рассказать бабе Поле.

- Зачем же обо всем? Это наша с тобой, Алешенька, святая тайна. Она только для двоих. Вечером мы скажем, что решили пожениться и попросим ее благословения. Как только ты сдашь экзамены, мы отправимся с тобой в загс. Природа нас с тобой уже обвенчала. Смотри, сколько цветов она нам подарила. Остались одни формальности. Формальности, которые люди придумали, чтобы усложнить себе жизнь. Однако пока эти формальности не исполнены, я - не жена твоя, а любовница...

- Как мне противно само это слово. Пожалуйста, не произноси его никогда. Ты - жена моя, будущая мать моих детей, самое близкое и родное мне существо. Сейчас ты мне роднее даже бабы Поли, хотя ее я боготворю...

- Никакой штамп в паспорте, - продолжал он, помолчав, - не способен удержать людей под одной крышей, если ушла любовь или ее вообще не было. Примеры тому - на каждом шагу. Но ты права, - пока нет в наших паспортах этой формальной отметки, я не могу открыто называть тебя женой, не могу остаться у тебя сегодня на ночь, иначе навлеку на тебя дурную славу... Все надо хранить в тайне. Идиотизм какой-то...

- И все же, Алешенька, условности нужны, чтобы хоть как-то напоминать людям об их обязанностях. Легкость в чувствах, потом такая же легкость в расставании, а страдает третье существо. Представляешь, что было бы, если б вдруг отменили регистрацию брака?..

- Кажется, культура человеческая достигла уже своего апогея, а культуры отношений - все меньше и меньше.

- Ой, Алешенька, начинали мы с тобой с игры в самоанализ, а влезли в философствование... Зачем? Не будем омрачать себе радость от того, что мы любим друг друга, принадлежим друг другу. С сегодняшнего дня мы - единое целое, независимо от формальностей. Все, что делаешь ты, касается меня, все, что думаю я, - должен знать ты...

Солнце стояло еще высоко в небе, можно было и в пинг-понг поиграть, и не единожды в реку нырнуть. За уничтожение съестных остатков

принялись окончательно проголодавшиеся, когда уже пора было собираться домой. И все это время, что бы они ни делали, их не покидала радость от их нового состояния.

Обратно лодка, подгоняемая течением, шла куда быстрее. Когда миновали железнодорожный мост, Алексей хотел высадить Марию на берегу у их дома, но она твердо заявила, что в этот вечер пойдет домой только с ним.

Сдав лодку, поехали автобусом. Войдя в дом, взялись за руки и подошли к поджидавшей их бабе Поле.

- Бабуленька, - произнес Алексей чуть дрогнувшим голосом, - мы с Машей решили пожениться. Ты благословишь нас? Ты же нам на двоих - одна родная душа...

Баба Поля была готова к такому повороту событий еще неделю назад. Она и радовалась за Алексея, и в то же время тревожилась. Чем-то они повторяли его родителей. А Лиза и Николай - ее вечная, нескончаемая боль. Сейчас она смотрела в сияющие счастьем глаза внука и будущей невестки и не знала, как высказать все, что у нее на душе. А они ждали...

- Конечно, благословляю. Вам будет хорошо, значит и мои последние годочки будут согреты теплом. - Она поцеловала Марию, потом Алексея. Хотела перекрестить, но не решилась. Алексей посмеивался над ее религиозностью. - Только берегите и уважайте друг друга... А мне,

может, даст бог еще деньков, увижу правнуков. Когда свадьбу думаете справить?

- По мне - хоть завтра в загс, - загорячился Алексей, - но Маша настаивает, чтобы я сначала экзамены сдал. - Он посмотрел на девушку с лукавой улыбкой. - Не хочет брать в мужья шофера, ей студента подавай...

- Алеша, как тебе не стыдно, - воскликнула Мария, краснея.

- И правильно делаешь, внученька, - поддержала старуха смущенную девушку. - У вас целая жизнь впереди, три-четыре недели потеряйте. Если сейчас свадьбу затевать, какие уж там экзамены. Еще год пропал...

- Вас - двое, я - один. Сдаюсь. Подчиняюсь вам, моя бабуленька и моя невестушка. С завтрашнего дня - за учебники.

- Диктантами будем заниматься, как и раньше, - пообещала Мария, уходя к себе после ужина.

Весь следующий день Алексей занимался так, что бабе Поле приходилось его уговаривать отвлечься от книг хоть на пятнадцать минут, чтобы поесть. Зато в половине шестого он решительно встал из-за стола и сказал, что идет немного прогуляться, мозги проветрить. Он шел встречать Марию. Пройдя несколько остановок, понял, что пешком не успеет, вскочил в подошедший автобус. Зато к редакции он подошел даже на пять минут раньше. Теперь он уже не

таился, ждал ее у самого подъезда, а когда она вышла, сразу взял ее под руку.

- Пройдемся немного, - предложил он, - а то у меня голова распухла. Я хотел сюда пешком прийти, чтобы тебя не мучить длинной дорогой, но поздно вышел.

- Да хоть до дому пешком, - обрадовалась Мария. - Ты забываешь, что я тоже целыми днями сижу.

И все же он не мог себе позволить, чтобы она шла пять километров. Несколько остановок проехали. Но в автобусе было так многолюдно и душно, что Мария начала решительно продвигаться к выходу. Он последовал за ней, и на очередной остановке они выскочили, облегченно вздохнув. Пошли не спеша. Разговор вели в основном о предстоящих экзаменах.

Баба Поля давно уже старалась заманить девушку к вечернему столу, а теперь заявила, что обязана заботиться о ней наравне с Алексеем и без нее они есть не сядут. После ужина Алексей и Мария долго корпели над правилами правописания злосчастных частиц "не" и "ни", а когда закончили заниматься, он, не стесняясь бабки, поцеловал Марию и пожелал ей спокойной ночи.

Все повторилось и на второй, и на третий день. В пять часов он закрывал учебник по литературе, шел до центра, встречал Марию, они, проехав три-четыре остановки, остальной путь проделывали пешком. Счастливые и безмятежные,

не знали они, что каждый вечер два женских глаза пристально наблюдают за ними из окна двухэтажного дома напротив. В один из вечеров, как только Алексей вышел по обычному своему маршруту, Людмила поспешила к Власьевне. Старуха начала расспрашивать девушку о самочувствии, о том, скоро ли ей на работу. Но той было не до ответов.

- Что это Лешик каждый вечер ходит встречать глазастую? - не без ехидства спросила она.

- Идут домой чуть не в обнимочку.

- В обнимочку я их что-то не видела, - спокойно возразила баба Поля. - А жениху и положено встречать невесту. Как сдаст он экзамены, так и свадьбу сыграем. Может, бог даст, я еще правнуков увижу. А если раньше приберет к себе, спокойно умирать буду - хорошая жена досталась Лешiku.

"Не бывать этому!" - мысленно отрубилa Людмила. А вслух продолжала спрашивать:

- Что уж так торопятся? Будто невтерпеж...

- Может и невтерпеж, - усмехнулась баба Поля. - Чай, не по семнадцать. Пора уже.

- Ну, будьте здоровы, баба Поля, - Людмила не собиралась задерживаться. Уже с порога обернулась. - Привет Лешiku.

Сказав себе: "Не бывать этому!" - она еще не очень представляла, как сможет помешать браку Алексея и Марии. Но в том, что она это сделает, - не сомневалась. И с этого дня она ни о чем

другом уже думать не могла. Один вопрос - как? - занимал всецело ее ум. Ей хотелось напакостить так, чтобы ни одна живая душа не догадалась, чьих рук это дело, потому что ей виделись не только расстроенная свадьба этих двоих, но и со временем устроенное свое будущее. "Подумаешь, сегодня влюблен по уши, - рассуждала она. - Уедет эта краля, скоро забудет. Тогда она и подкатится к нему ягненком кротким и обиженным. Постарается доказать, что старый друг лучше новых двух. Будет ласковой и внимательной. Отвлечет его от воспоминаний."

Но это - впереди. А пока надо точно определить - как?

Какие только варианты не проигрывались, например, с анонимками. И лично каждому, и к ним на работу, даже в парткомы их организаций. Но один за другим эти варианты отпадали. У нее не хватало веских доказательств, чтобы их скомпрометировать. А без фактов и доказательств кто ж будет проверять. Она уже готова была впасть в отчаяние от своего бессилия и тупоумия, когда ей вдруг пришла идея личной встречи с Марией. Нужно только улучшить момент, чтобы встретиться с глазу на глаз. Сходить к ней на работу? Опасно. В любую минуту может кто-то войти в кабинет. Только дома. Никаких свидетелей, никаких следов не должно быть. Придется усилить наблюдение. Из окна ее ком-

наты их дом не просматривается. Надо найти во дворе удобное место.

На этом успокоилась и затаилась.

В понедельник, в день первого экзамена, Мария ушла из дому вместе с Алексеем, проводила его до института, пожелала ему удачи и взяла с него слово, что он позвонит, какие были темы, какую выбрал он, и вообще, как ему писалось.

Время до обеда тянулось для нее мучительно долго, в обеденный перерыв она попросила одну из журналисток принести ей из столовой что-нибудь перекусить, а сама помчалась в институт.

Абитуриенты уже заканчивали свои работы и выходили из аудиторий. Поступающих было так много, что для письменного экзамена был отведен актовый зал. Глядя на взъерошенных, покрасневшихся девочек и мальчиков, она поняла, что Алексею совсем не просто среди этих вчерашних школяров. Наконец, вышел и он. Тоже возбужденный, тоже покрасневшийся.

- Маша!? А я только собирался звонить тебе. Давно здесь?

- С часу. Мы вышли на обед, я и помчалась.

- И ничего не ела?

- Не волнуйся, мне принесут из столовой каких-нибудь пирожков или бутербродов. Проводи меня и по дороге все расскажешь.

- Думаю, что с темой справился, - начал он, когда они вышли на площадь. - Писал о романтическом герое в раннем творчестве Горького. Тут и одного Данко хватило бы, а я и сокола взял, и цыган его, и буревестника. В общем, за содержание я не очень волнуюсь, а вот за грамматику... Видела, какие юнцы со мной сдают? Я в их представлении - доисторическое ископаемое, а туда же, поступать лезу.

- Когда результаты будут известны?

- Обещают вывесить к пятому, к письменному экзамену по математике. Мало на подготовку. Всего два дня. Мне Анастасия Вельяминовна обещала консультацию. Как думаешь, удобно воспользоваться этой помощью?

- А почему нет? Она тебе сама ее предложила. Значит, от чистого сердца. Надо только заранее предупредить, неудобно сваливаться снегом на голову. Ты сегодня к ней сходи, все равно сейчас заниматься вряд ли сможешь. Узнай, здорова ли, когда удобно придти.

- Слушай, Машутка, давай, вместе вечером зайдем, а? - Он просительно заглянул ей в глаза.
- С тобой я буду чувствовать себя уверенней.

- Ну ладно, что с тобой делать, пойдем вместе. Купи торт, неудобно идти с пустыми руками, и предупреди бабу Полю, что вечером задержимся. - Она чмокнула его в щеку и скрылась за дверью.

Анастасия Вельяминовна встретила их с доброй улыбкой. Алексей представил ей Марию

уже как свою невесту, сказал, что зашли к ней отметить его первый экзамен, по этому случаю - они с тортом.

Старуха засуетилась, поставила чай. Накрывая на стол, расспрашивала об экзамене. Он начал рассказывать, увлекся, начал описывать все в красках и образах, и Мария впервые подумала о том, насколько же он начитан, как свободно владеет речью. Видно, совсем не такой уж лентяй, каким старается казаться.

Выпили по чашке чая, можно было бы и откланяться, а Алексей все не решался спросить о главном. Поднялись из-за стола. И тут старая учительница сама напустилась на него.

- Чего мнешься, как девица на выданье? Тебе нужна консультация?

- Мне бы задачки порешать по всем трем предметам.

- Так что ж молчишь? Когда завтра придешь?

- Когда вам удобно.

- Приходи, как на уроки, к девяти часам. Маша, - обратилась она к девушке, - вы на работу к девяти идете? Вот и прихватите его с собой. А то проспит.

- Не просплю. На уроки я никогда не опаздывал.

- Чего не было, того не было, - подтвердила старуха, провожая их на лестничную площадку.
- Так жду тебя, Алеша, завтра. Посмотрим, что ты еще помнишь.

Пятого утром, в день экзамена по математике, Алексей уговорил Марию зайти в институт вместе с ним. "Если двойка, сразу вместе и уйдем, - сказал он. - Вдвоем мне не так стыдно будет уходить." Мария решила подойти к доске объявлений одна. Ей-то что, она здесь посторонняя. В длинном списке фамилий отыскала его, заглянула в параллельный столбик. Поманила пальцем Алексея: "Смотри, зайчишка..." Против его фамилии стояла жирная дробь - $4/3$.

- Начало прекрасное, - сказала она, - особенно если учесть, сколько тут неудов. Поздравляю и убегаю. Как справишься с задачками, позвони... Вечером сегодня можно будет и погулять по берегу. Ну, ни пуха...

Следующий день прошел опять в напряженной подготовке. В субботу на устную математику Алексей ушел один. Пообещал, что постарается сдать одним из первых, чтобы меньше изводить свои нервы под дверями, и сразу приедет домой. Ему давно хочется показать ей городской парк, покататься на чертовом колесе.

Баба Поля ушла в огород, надо было прорыхлить грядки после вчерашней поливки. Мария осталась в комнате, решила до прихода Алексея полистать свой альбом, посмотреть на зарисовки последних дней, может, что-нибудь выберет для этюда.

Негромкий стук в дверь отвлек ее от альбома. Мелькнула мысль: "Кто это может быть? К

бабе Поле, наверно". Ответила коротко: "Войдите".

На пороге стояла Людмила. Поспешно закрыв за собой дверь, она, не ожидая приглашения сесть, прошла к столу. Мария пересела на кровать, жестом показала Людмиле на стул. Что-то тревожное и недоброе почудилось ей в этом неожиданном визите.

- Я вас слушаю, - сухо произнесла Мария, откладывая альбом.

Людмила отодвинула стул к стене, так, чтобы ее не могли увидеть в окне, села и заговорила быстро, сбивчиво, изредка бросая на Марию беглый взгляд.

И чем дольше говорила пришедшая, тем неподвижней и суровее становилось лицо Марии.

- Уезжайте, - умоляла Людмила. - Вы красивая, талантливая, вы устроите свою жизнь. А что делать мне? Лешик добрый и честный. Узнает правду, женится на мне. Только вы уезжайте...

- У вас все? - глухо спросила Мария. - Я вас выслушала. А теперь уходите.

- Так вы уедете?

- Уеду, как только он сдаст последний экзамен. Уходите...

Людмила и не собиралась задерживаться. Не рассыпаться же еще в благодарностях перед этой кралей. Она вышла на крыльцо и тут столкнулась с бабой Полей.

- Давно не была у вас, - заискивающе обратилась она к старухе. - Хотела узнать, как Лешик сдает. А у вас никого и дома нет.

- Маша дома, - сказала старуха, - потому и дверь не заперта. Она занимается. А Лешик хорошо сдает. Сегодня опять математика. Придет, сразу две оценки скажет.

Людмила ушла ликующая. Все получилось, как задумала. Глазастая уедет. Такие, как она, не врут. Они слишком себя уважают. Задержится только для того, чтобы он не провалил последний экзамен. Шутка ли, от свадьбы невеста сбежала. Тут не то что экзамен провалишь, а самому впору от стыда сквозь землю провалиться. А она, видно, его по-настоящему любит, раз так заботится. Что ж, она, Людмила, может быть удовлетворена: отмщена и за сломанную ногу, и за все свои переживания.

Алексей приехал около двенадцати. Постучал к Марии, она не отозвалась. Дернул дверь - закрыто. Влетел на кухню.

- Баба Поля, ты не знаешь, где Маша?

- Дома. Она никуда не выходила.

- Дверь закрыта.

- Может, спит. Устала, небось, с твоими экзаменами. Как сдал?

- Две пятерки, бабуленька, - он закружил ее по кухне. - Две пятерки. Радуюсь, как школьник.

- Жаль, что Маша спит. Обрадовал бы и ее.

Он сбегал на реку, искупался. Вернулся домой, не зная, чем заняться. Сразу садиться за физику ему не хотелось. Хотя полдня он может себе позволить отдохнуть. Но где Маша? Вышел на крыльцо, сел в раздумьи на ступеньку. Баба Поля позвала обедать. Постучала и в боковушку. Никто не откликнулся.

- Наверно, спит, - сказала старуха. - Дверь у нее на крючке. Пусть отдохнет.

Поели молча. После обеда старуха снова ушла в огород, а Алексей уткнулся в учебник. Но мысли его были не о физике. Какая-то тревожная тень нависла над ним, он ощущал ее тяжесть. Как избавиться от нее? Что толку сидеть над учебником, если ни строчки, ни буквы не видишь.

Снова постучал в боковушку.

- Войдите, - слышался слабый голос Марии.

Он рванул дверь и застыл на пороге: она лежала на кровати в своем спортивном костюме, бледная, осунувшаяся, с провалившимися глазами и рассыпавшимися по подушке волосами.

- Как сдал? - спросила она едва слышно, пытаясь улыбнуться.

- Маша, Машутка, что с тобой? - он подошел к кровати, опустил на колени, осторожно отводя со лба ее волосы. - Что с тобой, родная? Ты заболела? Может быть, врача вызвать? Я

сейчас, я быстро сбегаю... - Он хотел подняться, но она положила руку ему на плечо.

- Никуда не надо бежать. Все пройдет, - она с усилием улыбнулась одними уголками губ. - Все пройдет. Ну что ты так испугался? Как сдал?

- Два "отлично". Маша, я не могу так, я пойду за врачом, ты же на себя не похожа. Что случилось? Что болит?

- Голова разболелась. Пройдет. Ты к Анастасии Вельяминовне не зашел?

- Нет. Думал, пойдем с тобой в парк, зайдем вместе, я поблагодарю ее от души.

- Поезжай сейчас. Нельзя быть неблагодарным. А меня оставь, отлежусь.

- Я вызову врача.

- Ничем мне врач не поможет. Отлежусь и все пройдет. Иди к учительнице. Она, наверно, ждет. Спроси, нет ли у бабы Поли цветов. Хорошо бы с букетом съездить.

- Как же я оставлю тебя одну?

- Как раз меня и надо оставить в покое, скорее голова пройдет.

Он вышел в огород.

- Бабуленька, Маше очень плохо. Что делать? Врача вызывать она не разрешает. Мне надо бы к Анастасии Вельяминовне съездить. А то неловко. Тоже волнуется. Еще подумает, что провалился, потому и не показываюсь. У нас цветов нет?

- Как нет? Вон какие гладиолусы стоят. Сейчас я тебе срежу букет.

Она выбрала три самых красивых оранжевых гладиолуса, прибавила к ним веточку аспарагуса, подала Алексею.

- Поезжай. Я сейчас зайду к Машеньке. Чаю ей согрею. Ты поезжай.

Алексей ушел. Старуха вымыла руки, зашла к Марии. Та лежала все в той же позе. По щекам ее скатывались на подушку частые, крупные слезы.

- Что с тобой, внученька? Меня-то не стыдись, скажи, что приключилось?

- Ничего страшного, баба Поля, просто очень болит голова.

- А слезы почему?

- Обидно, у Алеши - радость, а я встать не могу. Ничего, просплюсь, пройдет. Вы же сами мне говорили, что сон все лечит.

- Я сейчас тебе чайку крепкого принесу, выпьешь и уснешь. Может, и вправду пройдет.

Через несколько минут она принесла чашку чая, на блюде - пирожки.

- Попей, полегчает.

- Я выпью, баба Поля, выпью и попробую заснуть.

Старуха ушла. Вернулся Алексей.

- Ты что так быстро? - удивилась она. - Дома не застал?

- Застал. Она ждала меня. Я объяснил ей, что Маша заболела, поэтому спешу. Она поняла меня и сразу отпустила. Как Маша?

- Ты, часом, не обидел ли ее чем? - баба Поля пристально посмотрела на внука.

- Нет, бабуленька, нет у меня на душе такого греха. Утром ты же слышала, мы в парк собирались. Она осталась дома веселая.

- Ну, будем надеяться, что все обойдется. Сейчас ее не надо тревожить. Пусть отлежится.

Мария не поднялась и к ужину. Алексей долго сидел на крыльце. Тревога все сильнее сжимала ему грудь, сосала где-то под ложечкой. Вышла и бабка. Села рядом.

- Бабуленька, она поправится? - спросил он.

- Да кто ж от головной боли умирает? - улыбнулась бабка. - Даст бог, завтра встанет. Ты научись спокойнее относиться к этому. Мы, бабы, хворать горазды. Будет за длинную жизнь у тебя еще тревог.

- Люблю я ее так, что, кажется, случись что-нибудь с ней, я не переживу. Ты не обижаешься на меня, что я так неожиданно-негаданно разделил свое сердце надвое? А может, даже большую часть ей отдал.

- Все, как и должно быть, внучек. Время пришло тебе любить, вот и отдал свое сердце. Что ж тут обидного? Не век же тебе у моего подола вертеться. Уважаешь меня, старую, значит все хорошо. Лиза встретила твоего отца, и сразу я у нее на второе место отошла. Так нам определено природой. А отец твой ее тоже очень любил. Берег пуще глаза. Когда она тобою заты-

желела, возьмет, бывало, на руки и носит, как маленькую. Любить жену - святое дело...

К Марии они больше не стучали, не заходили. Алексей ворочался всю ночь на своем диване, напряженно вслушиваясь в тишину дома: вдруг раздастся стон или какой-нибудь шорох. Только под утро забылся тяжелым, беспокойным сном.

Не спала в своей комнатухе и Мария. Она думала о том, что сказала ей Людмила. Все существо ее протестовало против этого известия. Чистый, целомудренный Алексей и - насилие. Нет, нет... Такого быть не могло. Она вспоминала все дни и вечера, проведенные с ним, ища в его поведении хоть какую-нибудь черточку, подтверждающую его вероломство, и не находила. Его отношение к ней было настолько чистым, настолько проникнуто любовью, заботой, вниманием, что она не имела ни малейшего основания для подозрений. И не отдайся она сама ему там, на лугу, он не тронул бы ее до самой свадьбы. Ни в одном слове, ни в одном жесте его она ни разу не уловила фальши. Но и не верить Людмиле она не могла. Не может женщина умышленно так позорить себя перед чужим человеком. И эти слова о самоубийстве... Одна попытка этой сумасбродной особы покончить с собой таким камнем на сердце ляжет, что вся дальнейшая их жизнь с Алексеем будет отравлена...

Как пережить еще четыре дня и не выдать себя, не сорваться, не рассказать обо всем. Нет,

выяснять отношения она не будет. Зачем унижать и его, и себя. Она соберет в кулак всю свою волю и сделает вид, что ничего не произошло. Четыре мучительных дня. Самым трудным будет предстоящий - воскресный. Весь день дома. В понедельник уже начнутся хлопоты с отъездом. Как еще уладить на работе, чтобы не заставили отрабатывать положенные законом два месяца? И с вещами будет хлопот не меньше. Придется незаметно часть вещей заранее перевезти в камеру хранения. А они с бабой Полей сейчас так усилят наблюдение, что и не вырваться будет...

Утром она вышла к завтраку, как всегда, аккуратно причесанная, приветливая. Улыбаясь, подшучивала над Алексеем, над его страхами за нее. Все было как обычно. Только в глазах ее он не увидел прежнего счастливого огня. Они словно потухли в эту ночь, стали еще больше и темнее.

Требуя, чтобы он занимался больше физикой, а не ею, она отводила от себя его внимание.

В понедельник ей повезло. Редактор, которому она нервно объясняла что-то о неудавшейся личной жизни, о тяжелых семейных обстоятельствах, вынуждающих ее немедленно уехать, отпустил ее сразу. В бухгалтерии пообещали на следующий день полный расчет. Она купила билет на утренний пригородный поезд, надеясь, что на конечной станции сможет пересесть на ленинградский. Оставалось еще как-нибудь уладить с вещами. Это уже по обстоятельствам.

В день последнего экзамена она уговорила Алексея не звонить ей, а подойти к обеду прямо к редакции. Встретились у подъезда накоротке. Он сообщил, что сдал на четверку.

- Это моя голова виновата, - покаянно произнесла она.

- Да разве мне не все равно, - попытался он ее успокоить, - четверка или пятерка. Я уже написал заявление о переводе на заочное отделение.

- Удовлетворили?

- Кажется, да.

- А мотивы?

- Самые житейские. Женюсь, поэтому не имею возможности учиться очно.

- Вот и хорошо. Вечером меня встречать не надо. Отдохни. Сегодняшнюю ночь мы проведем вместе. - Она улыбнулась ему женской, многообещающей улыбкой. - Сегодня ночь - наша, - добавила она шепотом. - Иди.

Вечером он постучал к ней уже после девяти. Услышав короткое - "да", отворил дверь. Она ждала его, это он понял по тому, как она рванулась к нему, обвила его шею руками и, прижавшись к груди, зарыдала. Он обнял ее и почувствовал, как под его ладонями содрогается в истерике ее тело.

- Машутка, родная, я больше так не могу. Что случилось? Зоренька моя, успокойся. Скажи, что произошло. Ты уже столько дней сама не своя. Я чем-нибудь обидел тебя?

- Нет, нет, - сквозь всхлипы прошептала она.
- Сейчас пройдет. У женщин это иногда бывает.
От радости.

Так, обнявшись, они отошли к столу. Он сел, посадил ее на колени. И как две недели назад на пикнике, она начала целовать его с каким-то отчаянным исступлением. Он чуть отстранил ее от себя, заглянул в глаза. Сумерки уже не позволяли ему проникнуть в их черный омут, но внутренним чутьем он улавливал, что произошло что-то непоправимое.

- Что случилось, Маша? - спросил он снова.
- Меня пожалей, если себя не щадишь, скажи, я же не слепой, вижу, как ты терзаешься. - В голосе его было столько нескрываемой тревоги, столько участия и мольбы, что она едва сдерживала себя, чтобы не рассказать ему об истинной причине своих слез.

- Ничего, ничего, - она опять спрятала свое лицо у него на груди. - Ты любишь меня, Алеша?.. Скажи, любишь?..

- Люблю, моя хорошая. В моей жизни еще не было близких женщин. Ты - первая. Потому на тебя и обрушилась вся сила моей страсти.

- А та девушка, что так часто к вам заходит?

- Людмила? Так она же мне вроде сводной сестры. Мать у нее была горькая пьяница, часто выгоняла ее из дому. Она в детстве больше у нас жила, чем дома. Я дружен с нею, но никаких чувств к ней никогда не испытывал. Я не знаю,

как доказать тебе, что ты - единственная у меня и другой уже не будет.

Эти слова будто силы ей придали, она, беспрерывно целуя его, шептала:

- Твоя, Алешенька, твоя навсегда.

Он поднял ее и перенес на кровать...

Уже полночь вконец обессиленный от ее ласк, от пережитых волнений, от щемящей тревоги, так и не покинувшей его, он поднялся и ушел к себе.

Утром встал поздно. Баба Поля уже обнаружила исчезновение Марии, но не знала, как ему об этом сказать. Наконец, ничего не говоря, она подала ему записку. "Милые мои, баба Поля и Алешенька, - прочитал он, - простите, что уезжаю так внезапно. Но так легче расставание. Видно, не суждено мне счастье на этой земле. Прощайте и, если можете, простите. Мария".

Глухой стон вырвался у Алексея. Он вскочил.

- Ты куда? - встревожилась старуха.

- На вокзал.

На вокзале было то дневное затишье, когда меньше всего людей толпится в залах и у касс. Утренние поезда уже все прошли, до вечерних еще далеко. Только транзитные пассажиры подремывали на жестких лавках. Марии нигде не было. Он обошел и перонные, и подвальные камеры хранения, заглянул в буфет, даже в комнату матери и ребенка и парикмахерскую. Можно было уходить. На привокзальной площади его окликнул из машины Локтев:

- Лешка, ты что потерянный такой? Неужто экзамены провалил?

- Поступил я, все нормально, - угрюмо буркнул Алексей.

- По тебе не скажешь, что все нормально. Как с креста снятый. А я вот загораю. День какой-то сегодня пустой. Тебя куда отвезти? Все хоть не стоять на месте.

Алексею вдруг захотелось рассказать этому рыжему балагуру все, что он пережил за последние дни. Но не произнес ни слова, а вытащил из кармана записку Марии и подал ее Василию. Тот прочел и присвистнул: "Вот это финт. Какая муха ее укусила?"

- Не знаю, Вася. Я вины за собой никакой не чувствую.

- Да она вроде ни в чем тебя и не винит. Вишь, как пишет: "милые мои". Была бы на тебя обижена, так бы не написала. Тут не обиди... Ну и задают же нам бабы загадок... Ты не бойся, я никому не скажу про это, - он вернул Алексею записку. - А может, ее лучше уничтожить, чтоб не напоминала?

- Сердце не уничтожишь, Вася. А оно напоминает почище этой записки. Ну, бывай, я пойду. Привет ребятам...

Он медленно пошел через площадь к центральной улице. Василий долго еще провожал его взглядом. Алексей брел, не задумываясь, куда и зачем идет. Очнулся, когда оказался у подъезда редакции. "Остается только убедиться в правди-

восте записки", - подумал он и потянул на себя тяжелую дверь. Поднялся на второй этаж, нашел приемную редактора. Молоденькая секретарша, стрельнув глазами в Алексея, объяснила, что Гойда в понедельник срочно рассчиталась и больше в редакции не появлялась.

Больше надеяться было не на что. Он вышел и опять бесцельно побрел по улицам. Пытался привести свои мысли в порядок, чтобы понять происшедшее. "Рассчиталась в понедельник. Значит, уже накануне знала, что уедет. Может, оттого и заболела, что приняла такое решение. Какая выдержка! Словом единым не обмолвилась, чтобы я только экзамены сдал. А сегодня ночью прощалась, потому и ласкала так. Про Людмилу спросила. Выходит, так до конца и не поверила мне..."

Сколько времени брел по городу, он не знал. Остановился только у своего дома. Поднялся на крыльцо, вошел в дом и упал на диван. Баба Поля ни о чем не расспрашивала. Словами горю не поможешь. А советовать? Чего посоветуешь человеку, одним днем потерявшему самое близкое существо?..

Глава восьмая

Июль, 1986. Бровары

Первое письмо, которое Поля взяла из связки, было длинным и не очень последовательным. Сказалось чрезмерно возбужденное состояние Марии. Она писала, что, приехав рано утром на вокзал, вдруг почувствовала: сердце с разумом у нее не в ладу. Мозг диктовал действия решительные и безотлагательные: уезжать, уезжать поскорее, все забыть и успокоиться. А сердце хотело, чтобы Алексей обнаружил ее исчезновение и записку, примчался на вокзал, все объяснил и удержал ее. В искренность слов Людмилы оно верить отказывалось, поэтому бунтовало, звало на помощь здравый смысл, звало Алексея. Помочь мог только он. Но он не появлялся. Она села в поезд, и он увозил ее все дальше от Шелтовска. И нужно было уже думать, как жить дальше.

“Зачем я все это написала? - таким вопросом заканчивала свое письмо Гойда. - Я же никогда не отправлю его тебе, Алеша. Скорее всего из нестерпимого желания хоть как-то пообщаться с тобой. Выплеснула из души на бумагу всю свою горечь, как будто поговорила с тобой. Даже чуточку легче стало. Надолго ли? Люди дневники ведут. Тоже, наверно, в этих же целях. Но на них у меня никогда не хватало терпения. А чем

этот тетрадный лист - не страничка из дневника? Когда-нибудь, через много лет, я перечту его и, может быть, заплачу над прошлым... Не о себе сейчас думаю... О тебе, мой родной человек... Что же мне делать, если я так тебя люблю... Если б я только могла узнать, что ты будешь счастлив с той женщиной..."

Поля не спеша сложила лист, отодвинула его в сторону. Она не заметила, как Гойда ушла куда-то с небольшой сумкой, бросив на нее ласковый взгляд. Она взяла второе письмо. Оно было таким же длинным. Но написано, видимо, было уже в Киеве. Даты Мария ставила весьма условные - только месяц и год. В этом письме она подробно рассказывала, как искала жилье и работу, что до окончания арендного срока ей придется жить в одном из районных центров под Киевом и на работу ездить электричкой. Эти ежедневные поездки ей в тягость, потому что она очень трудно переносит беременность. Но ни за какое облегчение она не отказалась бы от этого, еще неведомого существа, которое живет в ней и все чаще напоминает о себе. Ведь это частичка его, Алексея. И всю свою нерастратченную любовь к нему она перенесет на это существо и будет счастлива, потому что он всегда будет незримо рядом.

"Если родится мальчик, - писала Мария, - я назову его Алексеем, если девочка - Полей..."

Поля отложила в сторону и этот лист, посмотрела на часы. Минут десять, не меньше ушло на чтение двух писем. Так она и до отхода поезда не управится с этой пачкой. Гойда хоть и не часто писала, но за пятнадцать лет накопилось немало этих неотправленных листков. Как быть? Жутко интересно, а времени - в обрез. Они же еще ни о чем не поговорили. Художница наверняка будет расспрашивать об отце... А ей предстоит убедить эту женщину вернуться к отцу, для начала хотя бы съездить на вокзал. Они должны встретиться. Иначе после вчерашнего он вообще уже не будет знать покоя.

Девочка еще раз с сожалением посмотрела на лежавшую перед ней кучу листков и, взяв из нее приличную пачку, отложила в сторону, не читая. Очередное письмо, которое она развернула, было уже датировано январем семьдесят третьего. Мария сообщала любимому, что из-за рождения Поли ей пришлось пропустить целый учебный год. Нарушился обычный ритм экзаменов. Можно было, конечно, задержаться в Ленинграде и сдать побольше предметов, но как она могла себе такое позволить, если ее доченька находилась в это время в Доме ребенка. Спасибо еще, что приняли малышку туда на два месяца. Ведь ей оставить ребенка не на кого.

“Подумываю, - продолжала Мария, - не перевестись ли мне в киевский институт искусства? Диплома художника у меня так и так не будет, а получать диплом искусствоведа не все ли равно

где - в Ленинграде или в Киеве. Для детской художественной школы, где я сейчас работаю, это не имеет ровным счетом никакого значения. Зато мне не надо будет больше расставаться со своей доченькой...

Наша девочка - прелестное дитя, Алеша. Она уже улыбается, что-то лопочет на одном ей понятном языке. Я часто рассказываю ей о папе, какой он у нас хороший и красивый..."

Теперь Поля выхватывала из кучи случайные листки, поспешно пробегала глазами текст, фиксируя в памяти только главное. Так у нее выстраивался какой-то логический ряд, позволявший проследить жизнь Гойды и ее дочери.

Февраль, 1973.

Алеша, что у тебя случилось? Ты никогда не сносишься мне, даже если я вечером много думаю о тебе и зову тебя. А тут такой страшный сон... И сейчас у меня еще мурашки по спине, как вспомню. Я увидела тебя одинокого в темной снежной ночи. Ты брел по улице, падая и вставая, словно раненый или больной. Когда ты падал, снег начинал замечать тебя, и мое сознание, не отключавшееся, видимо, во сне, отмечало, что это уже все, конец... Я пыталась кричать, но ветер относил звуки моего голоса, топил их в снежной завирюхе. Меня ты не видел и не слышал. Полежав немного в снегу, ты снова поднимался, страшный, расхристанный, шел

дальше. Я видела тебя, слышала твой голос, ты звал меня с мольбой и надеждой, протягивал ко мне руки. Я старалась приблизиться к тебе, но какая-то непонятная сила держала меня на месте. Я могла только кричать.

Я, наверно, так дико кричала, что сама проснулась от своего крика. В кроватке жалобно плакала Полинька. Я схватила ее, уложила рядом с собой, успокоила. Ребенок уснул. А я уснуть больше не могла. Весь день я сегодня под впечатлением этого сна. Как вспомню, так внутри все холодеет. Алешенька, родной мой, что у тебя стряслось? Ты заболел? Или с бабой Полей что? А, может быть, с той женщиной что-нибудь случилось? Как узнать? Как помочь тебе, мой любимый, мой единственный, такой желанный и такой далекий...

Сентябрь, 1974.

Боже мой, мне уже двадцать девять. На висках - первая проседь. А в жизненной копилке еще ничего. Ни одной путной картины, ни одной искусствоведческой работы.

Доченька наша растет. Прекрасно говорит, бегаёт. Теперь мы живем уже в Киеве, в своей квартире, она устроена в ясли, наш быт и распорядок более или менее отлажен, я, наконец, смогу снова взяться за кисть. По призванию, Алеша, я все-таки художник, а не искусствовед. Но это мне предстоит еще доказать. И прежде все-

го - себе самой. Достая свои шелтовские этюды и сажусь за мольберт. Есть идея сделать серию картин под общим названием "Лето на севере".

Декабрь, 1975.

Алеша, родной мой человек, порадуйся вместе со мной моему первому успеху. У нас прошла большая республиканская выставка молодых художников. Мне хоть и перевалило нынче за тридцать, но я пока в молодых значусь... Описывать подробно, как мне удалось пробиться на эту выставку, не стану. Долго и горько. Нелегко выходить на большую дорогу искусства, если у тебя нет направляющей покровительственной руки. А я к тому же еще и бездипломный художник, то бишь любитель-самоучка. Три отборочных комиссии, три чистилища пришлось пройти. Сколько сил и нервов ушло на это идиотское самоутверждение. Но пробились. Мой триптих "Лето на севере" замечен. В газетах появились хорошие отзывы. Меня приняли в союз художников. И хоть невелико еще это завоевание, а все же приятно, чертовски приятно, что хоть что-то удалось сделать.

Пока работала над триптихом, глаза не раз на мокром месте были. Я же воспроизводила виды Шелтовы, ваш домик на берегу, монастырь в закатных лучах. Каждый уголок земли, которую я писала, напоминал мне о тебе. Преподавание в детской художественной школе

пока не бросаю, но подумываю об этом всерьез. Материально будет сложнее, зато больше времени можно будет проводить у мольберта.

Июль, 1976.

Нынешний год я могла бы смело назвать алешиным годом. Тебе исполнилось тридцать. Ты закончил институт. Пятилетняя годовщина нашей встречи.

Алешенька, родной, ты даже представить себе не можешь, как мне иногда хочется увидеть тебя, услышать твой голос. Кажется, превратилась бы в птицу, чтобы долететь до тебя, одним глазком взглянуть, как ты живешь, каким ты стал, и вернуться скорее обратно к нашей Полиньке. Ты называл меня своей зоренькой, я зову ее солнышком. Она и впрямь светленькая, ясная, как солнышко. Я так счастлива, что она похожа на тебя. Смотрю в ее большие серые глаза и вижу твои. И целую их, целую в приступе нежности к вам обоим...

Январь, 1977.

Мы с Полинькой постоянно говорим о тебе. Твой дух, Алеша, буквально витает в нашем доме.

Поля примеряет новое платье, смотрит в зеркало и спрашивает: "А папе я понравлюсь в таком платье?"

Идем домой из садика. Она говорит: "Вот придет папа, он будет забирать меня. А ты будешь ждать нас дома".

Дед Мороз принес ей новогодний подарок: огромного плюшевого мишку, о котором она давно мечтала. Расцеловала мишку и сказала: "Какой у меня догадливый папа, хоть и далеко, а угадал, что мне больше всего хотелось."

Иногда я с тревогой думаю: не слишком ли далеко я зашла в этой игре с папой? Не проклянет ли она меня потом, когда узнает правду?

Апрель, 1977.

Нашей Полиньке пять лет. Если б я могла показать тебе нашу дочку! Думаю, ты остался бы доволен ее воспитанием. Резвая, смышленная девочка, знает много стихов, любит сказки, особенно про животных. В ее детском уголке уже целый игрушечный зверинец. В день рождения "от папы" прибыл голубой пес. Я подарила карандаши и цветные мелки - ноль внимания. Хоть и дочь художницы, а рисует не лучше всех ребятшек ее возраста, даже, пожалуй, хуже. Любимый вид отдыха у нас - посещение зоопарка.

Как она похожа на тебя! Я часто прижимаю ее к своей груди и думаю о тебе. Однажды на ее светлую головку полились мои слезы. Она посмотрела на меня и спросила: "Мамочка, ты плачешь потому, что папа так долго не едет к

нам?" Что же я наделала? Как я объясню ей теперь, что она никогда не дожидется своего папы?..

Октябрь, 1979.

Если бы кто-нибудь из тех, кто меня сегодня знает, однажды заглянул в эти письма, то наверняка удивился бы и сказал: "Не иначе, как с жиру баба бесится... Имя, деньги, приличная внешность - все при ней. Какого же рожна ей еще надо? Любовника? Их вон сколько вокруг, любой клюнет, только помани. Так нет же, скулит и скулит, как подбитый щенок, еще не умеющий зализывать свои раны, что ей неуютно, одиноко в этом мире..."

Не понять им, таким довольным собою, что ни имя, ни деньги и никакой мужчина не заменят мне тебя, Алеша, твоих рук, твоих глаз.

Да, у нас с Полинькой сегодня более или менее достаток. В последние два года не было ни одной заметной выставки, в которой не участвовали бы мои картины. Что-то даже покупается. У нас ведь все так устроено: о человеке где-то упомянули, значит, все кидаются увидеть, услышать, прочитать то, что он создал. Вот в эту орбиту модности попала и я. А мне все равно неуютно. Душе моей мало Киева, Днепра, наших утопающих в садах приднепровских сел. Она зовет меня в другие дали, к другим

пейзажам, в прозрачные белые ночи, когда все окружающее окутано дымкой призрачности, загадочности. Рискну ли я когда-нибудь откликнуться на этот зов?..

А пока мы с доченькой ведем весьма скромный и замкнутый образ жизни. В театр мы ходим только в детский. Часто ездим в зоопарк...

Май, 1981.

Неужели уже десять лет прошло с того дня, как мы впервые встретились? А я помню все так живо, так ярко, будто мы расстались только вчера. Теплый майский вечер и ты, снимающий меня с окна... Разве я могу забыть твои руки, такие сильные и ласковые, так легко отрывающие меня от земли. И твои глаза, смотревшие на меня то с нежностью, то с тревогой. Не забыла я и наше заклинание: "Без меня не забывай меня..." Нет, я ничего не забыла за эти десять лет.

Чем старше становится Полинька, тем больше в ней твоего. Но... Она все реже вспоминает тебя. Неужели начинает уже сознавать? Иногда я ловлю на себе ее грустный задумчивый взгляд, точно ей хочется что-то спросить или сказать. "Что тебе, доченька?" - спрашиваю я. "Ничего", - отвечает и уходит. Учится нормально, а вот каких-то особых пристрастий я в ней никак обнаружить не могу, кроме,

пожалуй, любви к животным. Особенно ко всяким брошенным и покалеченным. Их она готова выхаживать сутками.

16 июля, 1981.

Милый мой Алешенька! Сегодня тебе тридцать пять. Как ты отмечаешь этот день? Живы ли еще те, кто был тебе так дорог десять лет назад? Мы с Полей сегодня тоже поздравляем тебя. Впрочем, зачем лгать? Всей душой с тобою сегодня только я. Поля ничего не знает о твоём дне рождения. На днях она спросила: "Мама, скажи правду, папа никогда не придет к нам?"

Я растерялась, обняла ее, залепетала что-то невнятное о том, что надо еще подождать. Она освободилась от моих объятий, совсем, как ты, свела брови к переносице и не по-детски сурово сказала: "Можешь не отвечать. Я знаю: не придет. И совсем он не такой хороший, как ты рассказываешь о нем. Он обманул тебя, да?"

Господи, откуда такие вопросы у девятилетних? Насколько же проще было моей матери: отец погиб, сгорел в самолете и больше никаких вопросов. Я сказала: "Обманула папу я. Станешь постарше, я расскажу тебе, как это случилось..." "А сейчас не можешь, - усмехнулась она, - потому что еще не придумала, что сказать?.."

Как сохранить в ее душе твой образ незапятнанным? Вот над чем я постоянно ломаю голову...

Сентябрь, 1983.

Алеша, милый, представь, я, оказывается, страдаю косноязычием. Никогда за собой такого не замечала.

На днях состоялась моя первая персональная выставка. Не в шикарном музейном зале, нет, в скромном заводском Доме культуры. Но все-таки волнительно. Речи, поздравления, цветы. Люди ждут, что скажет им автор. А автор стоит на дрожащих ногах и мусолит одни и те же слова о красоте родной природы, творческой радости и прочей белиберде.

Едем домой, Полинька выговаривает:

- Ты бы хоть заранее подготовилась, написала бы свою речь, тогда не дрожала бы так.

- По бумажке выступить не умею, да тут и неприлично было бы с бумажкой, - отвечаю. - А вообще я готовилась, все продумала. Это на меня так микрофон действует.

16 июля, 1984.

Сегодня закончила твой портрет. Наверно, еще никогда я не вкладывала в работу столько своей души, потому портрет и получился от-

личный. Мой домашний критик, моя Полинька подошла, посмотрела и спросила "Это он?" Я молча кивнула. "Красивый мужчина, - произнесла она очень тихо. - В такого можно влюбиться"... Оправдала ли она меня или осудила, я так и не поняла.

Февраль, 1985.

Алеша, родной мой, услышь мои стоны на расстоянии. Говорят, что существует телепатия. Может быть, ты, сердцем почуяв мое горе, молча поделишь его со мною, и мне тогда станет немного легче. Алеша, нет больше нашей Полиньки. Не уберегла я ее. Закатилось мое солнышко. Унесла ее скарлатина, к которой примешалось еще и воспаление легких. И двух недель не проболела наша девочка. Но какие это были мучительные дни! Как молчаливо и смиренно переносила она боль.

За что?.. За что судьба так невзлюбила меня? Сначала отняла тебя, а теперь и наше дитя.

Я целыми днями брожу по квартире, как потерянная, всюду наталкиваюсь на ее вещи, и сердце разрывается на части. Куда уйти от этой пожирающей тоски? На что ни брошу взгляд, все, все напоминает о ней...

Последние годы нам было друг с другом довольно сложно. Она не могла мне простить придуманной мною сказки о прекрасном папе.

Ей еще не было десяти, когда она накануне Нового года сказала мне: "Мама, не посылай мне больше от имени папы подарков. Не хочу." В душе ее шла какая-то сложная внутренняя жизнь, в которую она меня не впускала. Я не обижалась. Ведь я сама во всем виновата. Моя слепая любовь к тебе привела к этому. Не могла я ей сказать: "У нас нет папы, он подлец, не спрашивай о нем." А видимо, надо было. Прости меня ради бога за эти грубые слова, они вырвались у меня только в порыве отчаяния. Я любила тебя и люблю сейчас не меньше, но моя душа стонет от неизбывного горя, от одной мысли, что у меня не осталось больше ничего от тебя. Твое дитя ушло в другой мир, так и не поняв меня. Надо было, наверно, пожертвовать памятью о тебе во имя твоей же дочери. Я видела, как с каждым днем она становилась все задумчивее. Не дерзила, не упрекала меня ни в чем... Но ничем и не делилась. Отгородилась от меня, словно стеной, безмолвием. Смотреть в ее измученные не детским страданием глаза я больше не могла. В нынешнюю новогоднюю ночь я посадила ее рядом с собой на диван и рассказала обо всем. Умолчала только о последней встрече с той женщиной. Полинька слушала, не перебивая. А когда я закончила, спросила: "Как же он мог полюбить тебя, если у него была другая женщина?" Значит и на этот раз я не сумела объяснить ей все вразумительно.

*Она помолчала, а потом произнесла с горечью:
"А ты все еще любишь его..."*

Так я пожалала то, что сама посеяла...

Больше писем не было. Видно, после смерти дочери Гойда решила, что делиться с любимым ей уже нечем, потому что жизнь потеряла для нее всякий смысл.

Поля собрала все письма вместе и перевязала их ленточкой. Глядя на эту стопку сложенных пополам тетрадных листков, она пыталась разобраться в собственных чувствах, вызванных чтением чужой исповеди. Именно как исповедь восприняла она эти не отправленные письма женщины. Если б она не знала, кто их написал, если б не видела живую, такую изменившуюся, но все еще такую красивую Марию, о которой по ночам тоскует ее отец, она сочла бы эти письма писательским вымыслом для сентиментальных барышень. Жизнь, которую постепенно постигала Поля, была куда грубее и пошлее. Теперь же она должна была сказать себе, что и в сегодняшней, такой омерзительной действительности случается такое, что ни одному писателю и не придумать.

Глава девятая

Февраль, 1972 -
февраль, 1973. Шелтовск

С тех пор, как исчезла Мария, прошло несколько месяцев. Все это время Алексей, как и прежде, работал, помогал бабе Поле по хозяйству, что-то читал, во всяком случае, делал вид, что смотрит в книгу. Он только перестал разговаривать. Как будто художница, уезжая, лишила его речи, оставив ему для общения из всего словарного запаса десяток самых примитивных словечек, вроде - "да", "нет", "хорошо", "сделаю".

Людмила теперь заглядывала к ним почти каждый вечер, подолгу беседовала с бабой Полей о всяких пустяках, старалась заговорить и с Алексеем, но он словно не замечал ее. Как ей удавалось сохранять выдержку и спокойствие, чего ей это стоило, знала только она. Когда Алексея не бывало дома, она убеждала старуху, что ему надо развлекаться, иначе он просто свихнется. Хоть в кино бы сходил, все какие-то новые впечатления будут.

Имя Марии не упоминалось, словно ее никогда и на свете не существовало.

Баба Поля не без удовлетворения отмечала внешние перемены в Людмиле. Доброй и откры-

той людям старушке и в голову не приходило, что человеческая подлость может приобретать такие формы. Поведение девушки минувшим летом она объясняла только ревностью. Ну а это, по ее мнению, было первым признаком любви. Какая женщина не ревнует... Только одни умеют все скрывать, а у других это выплескивается наружу самым диким образом. Не стало Марии, не стало причин для ревности, и девушка успокоилась, даже ласковее стала и внимательней.

Улучив удобную минутку, старушка осторожно внушала внуку, что мужчине негоже так распускаться, мало ли что в жизни бывает. Сама-то жизнь не кончилась. Сколько людей вокруг, у каждого свои сердечные болячки, свое горе, но они же не только работают, но и с друзьями встречаются, и отдыхают нормально. А еще ему не мешало бы оглянуться вокруг и подумать, как он будет жить один, когда бог приберет ее к себе. Она ничего не навязывала, только предлагала подумать.

Он отвечал ей молчанием либо вовсе уходил из дому, одиноко бродил вокруг монастыря или по берегу Шелтовы, одолеваемый все одним и тем же вопросом: как узнать, что произошло в те августовские дни? В случайный каприз Марии он не верил. Ее что-то вынудило уехать. Что?

Но не зря говорится: капля и камень точит. В его воспоминания о Марии постепенно и непрощено начали врываться и другие мысли. В последние месяцы бабуля так сильно сдала, что ему

впору думать, как помочь ей, как освободить ее хотя бы от части домашних дел и хлопот. Вопрос о женитьбе встает перед ним все более остро. После Марии ему уже все равно, какая женщина придет в его дом. Да он, кроме Людмилы, и не знает ни одной. Людмила по-своему любит его. В их отношениях не будет того духовного родства, которое объединяло его с Марией, но многие ли его знакомые могут похвастать таким духовным родством с женами? Так, видимо, самой природой устроено, что редко встречаются пары, которые, как две половинки целого, изначально предназначены друг для друга.

Так изо дня в день он убеждал себя, что нужно смириться с судьбой, но проходили все новые дни, а ничего не решалось.

Подоспевшая зимняя сессия на время отвлекла его от навязчивых дум. Экзамены он сдал весьма посредственно, но обрадовался и этому: значит не совсем еще иссушил мозги, можно надеяться, что жизнь войдет в нормальную колею. Душевная боль его немного притупилась. Вечером он теперь чаще поддавался на уговоры бабы Поли пойти погулять. Людмила только и ждала этого. Она с готовностью шла с ним побродить по городу. Шли либо молча, либо она болтала о всяких пустяках, все больше - о просмотренных фильмах. Как хронически тяжело больной, он радовался наступившему облегчению, не понимая, что боль не ушла совсем, а только глубоко затаилась и может в любое время, как только

появится какой-то раздражитель, с новой силой напомнить о себе.

Прошла и летняя экзаменационная сессия. Ее он сдал уже гораздо лучше. Первый курс позади. Но и ему уже вот-вот двадцать шесть. Пора...

Свое двадцатishестилетие он отмечать не стал. Собрались вечером втроем, он купил бутылку вина, баба Поля напекла пирогов. Налив по второй рюмке, он поднял свою, посмотрел на бабулю, на Людмилу и сказал спокойно, буднично:

- Ну что ж, Люся, если принимаешь меня таким, какой я есть сегодня, то давай поженимся.

Людмила вспыхнула, опустила глаза. Вот она, наконец, долгожданная минута, ради которой она принесла столько жертв.

- Я жду твоего ответа, - продолжал он. - Ты согласна?

- Да, - чуть слышно произнесла она.

- Тогда завтра и понесем заявление. Ждать-то придется целый месяц.

Алексей ошибся. По новым правилам регистрации брака молодым людям для раздумий давались два месяца. Но это уже ничего не могло изменить в его решении.

В доме начали исподволь готовиться к свадьбе. Баба Поля объявила, что она перейдет в боковушку, чтобы не мешать молодым. Все побелили, покрасили, оклеили. Людмила с большой охотой вечерами помогала в ремонте.

Первая размолвка между будущими супругами, как и ожидала баба Поля, произошла из-за места проведения свадьбы. Людмила настаивала на кафе или ресторане. Алексею хотелось устроить все поскромнее и поспокойнее. Но когда она упрекнула его в том, что он под влиянием старухи жалеет денег на собственную свадьбу, он уступил, только пусть не трогает бабулю, она тут ни при чем.

Свадьбу приурочили к пятнице, чтобы удобнее было гостям. Свидетелем на регистрацию брака Алексей пригласил Василия Локтева, а Людмила - свою подругу по магазину. И сам ритуал регистрации, и последующий вечер в городском зале для семейных торжеств прошли шумно и беспорядочно. Невеста была хороша в своем шикарном белом платье, счастливо улыбалась, отвечала на поздравления и пожелания. Алексей тоже улыбался, но те, кто близко знал его, заметили, что ни в его улыбке, ни в его глазах не было глубинной внутренней радости, которая бывает обычно у счастливых молодоженов.

Дорогие подарки и деньги, которые по входившей в моду традиции собрали для молодоженов гости, он принял равнодушно. Зато ликовала невеста. Весь этот внешний блеск и шум довел ее до экстаза, и потому ласки ее в первую их брачную ночь были подобны извержению вулкана. Он ответил ей бурной мужской страстью.

А потом, успокоившись, вспомнил свою близость с Марией на летнем лугу у реки и признал себя побежденным в том давнем мысленном споре с литературным оппонентом, потому что в эти минуты он чувствовал себя и опустошенным, и равнодушным. Но отступления уже быть не могло. Оставалось принимать жизнь такой, какой она складывалась. А складывалась она из серых, будничных, однообразных дней.

Отдушину он находил только в учебе. Чем ближе подступала очередная зимняя сессия, тем больше уходил он в учебники, что вызывало у Людмилы приступы истерического негодования. Она объявила ему и бабе Поле, что беременна, что ей нужно как можно больше гулять на свежем воздухе, а он, вместо того, чтобы позаботиться о ней и будущем ребенке, каждую свободную минуту утыкается в книжку. Алексей терпеливо сносил ее упреки, вечерами выходил с ней на прогулки, а потом за счет сна наверстывал занятия. Теперь уже никакие силы не могли заставить его бросить институт.

Сессию он сдал хорошо, чему искренне порадовалась баба Поля, а жена ответила полным равнодушием.

Как ни старался Алексей поддерживать в семье мир и спокойствие, атмосфера в доме была нервной. Людмила становилась все нетерпимей и раздражительней. Баба Поля успокаивала его: это от беременности. Родит - и все изменится.

Но старушка глубоко ошибалась: причина была не в беременности. С каждым днем Людмила все больше убеждалась, что мечты о перевоспитании Алексея, которыми она тешила себя до свадьбы, рушатся...

Баба Поля вроде бы ни во что не вмешивалась. Она даже редко выходила из своей боковушки. Но ее влияние, ее незримое присутствие чувствовалось во всем. Те "дохлые принципы", как называла Людмила жизненную мораль бабки, сидели в Алексее так глубоко и прочно, что все ее старания искоренить их были напрасны. Будь она немного добрее, вдумчивей и терпеливей, может быть, и поняла бы, что влиять на мужа лучше исподволь, лаской, добрым словом. Но ни тем, ни другим она не обладала. Зато злоба, копившаяся в ее душе, непрерывно искала выхода. И, наконец, нашла...

Скандал разразился в один из метельных февральских вечеров под дикий вой ветра в печной трубе. Алексей смотрел телевизионную передачу, а Людмила лихорадочно перетряхивала ящики комода. Что она там искала, она и сама вряд ли могла бы объяснить. В одном из нижних ящиков хранила свои вещи баба Поля, так они договорились на семейном совете еще до свадьбы. Людмила выдернула и этот ящик, быстро выкинула содержимое на пол, когда добралась до дна, взвизгнула, словно ее укусила змея.

Алексей оторопело посмотрел на жену. В руках она держала его портрет. Перевернула и прочитала надпись.

- Так вот ты как... - закричала она и с ненавистью швырнула на пол Маринин подарок.

Звон разбитого стекла и крик услышала в боковушке и баба Поля. Пospешила в комнату к молодым. Увидев разбросанные вещи, поняла, что произошло, и попыталась утихомирить разбушевавшуюся невестку, объясняя, что Алексей тут ни при чем, это она сняла и спрятала портрет, как память о его двадцатипятилети.

Тут бы Людмиле и остановиться, сдержаться, может быть, все и успокоилось бы, как это бывало прежде. Но ее уже прорвало и понесло, как закусившую удила лошадь. Не остановить. В ней клокотала ненависть. А ненавидела она Марию так, как можно ненавидеть только своих смертных врагов. Ненавидела в ней все: красоту, талант, интеллигентность и выдержку. Потому и закричала в полный голос, не выбирая слов и выражений.

- Значит и ты, старая карга, с ним заодно. Не можете забыть этой шлюхи...

Алексей вскочил с дивана.

- Еще одно грязное слово о бабуле или той женщине, и я прибью тебя, - процедил он сквозь зубы. Лицо его, искаженное гневом, было страшно в эти минуты. Таким его баба Поля еще никогда не видела. И она, маленькая, тщедуш-

ная старушка, кинулась между ними, заслонив собою невестку.

- Подожди, Алеша, успокойся, - умоляюще взглянула она на внука. - Давайте разберемся. Портрет убрала я, значит, я и виновата, что ж тебе, девонька, на него-то кричать?

Но Людмила не могла и не хотела остановиться. Какой там здравый смысл. Ею овладело одно только желание - как можно сильнее уязвить их обоих. Во власть этому желанию она готова была бросить свою тайну, свою честь и свое будущее, за которое так рьяно боролась.

- Вы... вы спелись, - кричала она в бешенстве, - вы оба против меня. Не можете забыть эту шлюху...

Алексей рванулся было к ней, но баба Поля задержала его.

- Подожди, Алеша, дай ей выкричаться.

- Выкричаться?.. - уже потише произнесла Людмила. - Нет, кричать я не буду. Я скажу все... все... У меня его ребенок в брюхе, а он ее не может забыть. По ночам меня обнимает, а во сне шепчет: "Машутка моя.." Мне его придушить хотелось в такие минуты, но я все молчала.

- Во сне человек над собой не властен, - сказала баба Поля. - А уж если и вырвалось у него во сне, так тебе ли обижаться? Ты же сама разбила его счастье. Теперь получаешь возмездие.

- Что?.. Она?.. - Он не договорил, потому что в следующую секунду произошло то, что

потрясло его больше, чем последние слова старухи. Баба Поля упала ему в ноги и, обливаясь слезами, запричитала:

- Лешик, внучек родной, казни меня, я... я во всем виновата... Я догадалась, почему заболела Машенька, но не сказала тебе ничего. Она же на следующий день была нормальная, как всегда шутила, улыбалась, и я промолчала. Если б я знала, что так обернется... Я, я во всем виновата, внучек... Нет мне прощения... - Она обвила его ноги руками и запричитала с новой силой. - Казнить меня, старую, мало... Нет мне прощения и никогда не будет.

Он поднял старуху с пола, посадил на диван. Сам сел рядом.

- Бабуленька, успокойся, ради бога. Не надо, не унижайся так ни передо мной, ни перед ней. Ты скажи спокойно, что сделала эта женщина?

- Чего у нее выпытываешь, она толком ничего не знает. Только и видела меня на крыльце в тот день. Ты у меня спроси, я скажу. Мне теперь уже все равно.

Она отошла от комода, прислонилась спиной к буфету.

- Да, это я разбила вашу свадьбу, - с мстительной злобой начала она. - Я... я... и не раскаиваюсь, сейчас тем более. Моя жизнь сломана, так пусть и тебе радости не будет. Я долго караулила, чтобы поймать ее одну. Вы же последние дни не расставались уже ни днем, ни ночью. Эдакие два голубочка, не замечающие

никого и ничего вокруг. И все-таки мне удалось ее выкараулить. Ты пошел на экзамен один, эта старая карга - в огороде, значит она одна в доме. О, как я перед ней унижалась, дрожь бьет, как вспомню.

- Что же ты ей сказала? - зловеще спросил Алексей, прижимая к себе все еще всхлипывающую бабу Полю.

- Сказала, что пока она была в Ленинграде, меня выписали из больницы, ты привез меня домой, уложил в постель, я из благодарности поцеловала тебя, но ты понял это по-своему, как призыв, и быстренько сделал свое мужское дело. Я сопротивляться не могла, у меня же нога еще была в гипсе, да не очень и старалась, потому что люблю тебя давно. Мы же пять лет дружили. Думала, раз такое случилось, теперь уже поженимся. Но она вернулась, и ты снова переметнулся к ней. Теперь вы к свадьбе готовитесь, - говорила я, - а мне, беременной, хоть вешайся. Если вы поженитесь, - пригрозила я, - в ту же ночь я повешусь в вашем дворе. Я умоляла ее уехать, тогда ты, узнав правду, женишься на мне, потому что ты добрый и честный парень. Она пообещала уехать, хоть и призналась, что и у нее будет ребенок. Она ведь стелилась под тебя, как могла, чтобы скорее окрутить...

- Маша, прости меня, - вместе с хрипом вырвалось у Алексея. - А ты... - Он шагнул к Людмиле, но баба Поля повисла у него на руке.

- Алешенька, не надо ее трогать, пожалей свое дитя, которое она носит.

- Не бойся, бабуля, я об нее рук не замараю, не оскверню своей памяти о Маше. Бедная моя Машутка, что же ты вынесла, вытерпела от этой женщины. И как у тебя хватило сил после этого еще мне улыбаться?...

- А ты... - он сделал еще шаг к Людмиле, - уходи из этого дома. Живи себе, как знаешь, только не попадайся мне на глаза.

- Выгоняешь? - прошипела Людмила. Глаза ее сузились, все лицо ее дышало ненавистью. - Пользуешься тем, что у меня теперь нет своего угла. С пузом на мороз выгоняешь. Убить боишься, в тюрьму посадят. А на морозе сдохну - и не замарался, и руки свободны. Не дожدهшься...

- Тогда уйду я...

Он выскочил в сени, схватил полушубок и шапку.

- Куда ты, Лешенька? - вскрикнула баба Поля.

- К кому-нибудь из друзей, - ответил он, хватаясь за щеколду входной двери. - Я не покину тебя, бабуленька, не бойся. Завтра заеду, поговорим. А сейчас мне надо побыть одному.

Последние слова его подхватил ворвавшийся в сени ветер и закружил их, завывая - у-у-у...

Он брел по улице навстречу вьюге, не чувствуя ни холода, ни ветра, швырявшего ему в лицо

жесткие, острые снежинки, и думал, к кому бы зайти...

Было уже около десяти, когда он, весь заснеженный и заиндевелый, позвонил в квартиру Локтева. Открыл сам Василий.

- Лешка! - удивился тот. - Ты откуда такой?

- Из дому, - ответил Алексей, не решаясь переступить порог. - Приютишь на одну ночь?

- Заходи, заходи... Нина, - позвал он жену.

- Нина, поставь чайник. Этого замороженного отогреть надо.

Алексей вошел, захлопнул дверь. Но продолжал в нерешительности стоять в прихожей.

- Ты что очумелый какой-то? - встревоженно спросил Василий. - Нин, ты только посмотри на этого медведя из берлоги.

- Раздевайтесь, Алеша, проходите, - захлопотала хозяйка, - я быстро чайник согрею.

- Ребята, у вас водка есть? - спросил Алексей, сбрасывая, наконец, полушубок.

- Не держим, - ответил Василий, - но если надо, сейчас достану. У нас тут в соседнем подъезде бабка живет, у нее в любую минуту дня и ночи достать можно.

- Если можешь, принеси, - попросил Алексей, доставая из кармана кошелек. - Тут возьми, сколько надо.

- Пошел ты, знаешь куда, - рассвирепел Василий. - Не был бы таким очумелым, я б тебя сейчас с лестницы спустил. Да вижу, стряслось у тебя что-то. Нин, я к бабке Кате сбегая. Ты

пригляди за Лешкой, а то мне сдается, он не соображает, что говорит и что делает.

- Пойдемте, Алеша, на кухню, - Нина взяла его за рукав куртки. - Пойдемте, посидите со мной. Я там кое-что уже на завтра готовлю, а то утром все бегом. Пока Анютку в садик соберешь, уже самой бежать пора. Когда с вечера приготовлено, так утром и позавтракать успеваем. А так, только чашка чаю - и беги.

Она усадила его на табуретку, сама занялась сковородкой, на которой жарились котлеты. Алексей слушал ее неторопливую, чуть окающую, как у всех волжан, речь, смотрел на ее быстрые, ловкие руки, представил, что вот так же у себя на кухне мог бы любоваться Машей, и ему стало так нестерпимо горько, что он уронил голову на руки и застонал, как тяжело больной. Нина, впервые видевшая такое, растерялась, не зная, что сказать, как поступить. Услышав стук входной двери, поспешно выключила газ и выскочила в прихожую.

- Вася, что-то у него страшное приключилось, - зашептала она мужу. - Он стонет, как раненый зверь. Я даже испугалась.

- А где он? - таким же приглушенным голосом спросил Василий.

- На кухне.

- Ты уже управилась там?

- Котлеты готовы. Хотела еще вермишель на завтра сварить, да ладно, утром пораньше встану.

- Ты постели себе у Анютки и ложись. У меня-то завтра выходной, выплюсь.

- Вот тебе, Алешка, водка, - заходя на кухню, нарочито громко произнес Василий. - Только как пить будешь? Тебе же завтра на работу.

Алексей поднял голову. Василий поставил перед ним бутылку, подал стакан, положил на тарелку хлеб и котлеты.

- Может, сначала все-таки скажешь, что случилось?

- Я ушел из дому.

- Это я понял и без твоих слов. Но чтобы уйти вот так, на ночь глядя, причина нужна. Кто тебя так достал? Не бабуля же твоя?

Алексей потянулся к бутылке, хотел налить в стакан и только тут заметил, что она не откупорена. Василий быстро открыл ножом бутылку, плеснул немного в стакан, подвинул его Алексею.

- Налей целый, - попросил Румянцев.

- Ты что, совсем рехнулся? - воскликнул Локтев. - Не дам я тебе сразу столько. Выговоришь сначала, легче станет, тогда уж пей.

Алексей взял стакан, одним глотком опрокинул содержимое, поперхнулся, закашлялся, но закусывать не стал. Он хотел опьянеть, чтобы хоть на несколько часов забыть все, что услышал в этот вечер.

Василий сел напротив и молча ждал. Это молчание сильнее всяких слов подействовало на Румянцева. Он обмяк и заговорил.

- Ты помнишь записку, которую я тебе показывал на вокзале? - спросил он, глядя на товарища затуманенным взглядом. - Помнишь?

Василий все также молча кивнул.

- Это, оказывается, моя жена вынудила Машу уехать.

- Как? - не сдержался Василий.

- Сейчас все расскажу, только дай мне еще водки.

- Лешка, мне не жалко этого зелья, но ты же непьющий. Тебе худо будет. - Он налил еще с полстакана, и Алексей таким же залпом выпил.

- Не бойся, ничего со мной не будет. Чтобы меня свалить, много водки надо.

- Не геройствуй, - усмехнулся Василий. - Вон глаза уже совсем посоловели. Как завтра работать будешь?

- Что будет завтра, не знаю. А сегодня хочу напиться так, чтобы до беспамятства. Тогда не напился, когда ее, голубушку мою, потерял, так хоть теперь, когда узнал всю правду. Налей еще...

- Нет, - жестко сказал Василий, отодвигая бутылку. - Пока не выговоришься, не дам. Водкой боль не зальешь. А ты сейчас, как смертельно раненный медведь. И страшен, и бессилен.

- Ты прав, друг, я смертельно ранен. Эта женщина знала, чем меня убить можно. Для этого даже себя, своей чести не пощадила. Только есть ли у таких честь и женская гордость?

Медленно, едва ворочая отяжелевшим языком и с трудом подбирая слова, Алексей рассказал все, что произошло в его доме этим вечером.

- Мало того, что я потерял ее, - запинаясь, с паузами выдавливал он, - так я же в ее глазах еще и насильник. Представь, что она обо мне подумала...

Уже не спрашивая у Василия, он дрожащей рукой дотянулся до бутылки, налил себе целый стакан, залпом выпил и затих. Василий с опаской посматривал на него. Если этот крепыш свалится в беспамятстве, ему с ним не справиться, не перетащить будет в комнату. А кухня маленькая, еще расшибется, шуму наделает, Нину с дочкой напугает.

Пока Василий следил за обмякшим гостем, пока размышлял, как его все-таки перетащить в комнату, с Алексеем произошло то, что и должно было произойти с человеком непьющим после такого количества водки. Начался приступ жестокой тошноты. Он открыл глаза и попытался встать. Василий подхватил его и едва успел втолкнуть в ванную. Добрых полчаса ему выворачивало все внутренности. Когда тошнота, наконец, отступила, Василий заставил его умыться холодной водой и привел обратно на кухню.

- Ну, моли бога, что у тебя брюхо умнее головы, - сказал Локтев, убирая бутылку. - Не приняло столько зелья. А то как бы ты завтра отработал. Верный прогул. Позор: лучший водитель парка - пьяный в стельку.

Алексей хотел что-то возразить, но хозяин дома не дал ему говорить.

- Ладно, ладно, помолчи, герой. Есть ты сейчас все равно не сможешь, я подогрею чайник, выпьешь крепкого чаю, оклемаешься, тогда еще поговорим. А сейчас посиди тихо, Нина с Анюткой уже спят. Я пойду, уберу в ванной, чтобы они завтра ничего не заметили.

Когда Василий вернулся, Алексей сидел, прислонившись спиной к стене с закрытыми глазами.

- Леш, ты что, уснул?

- Нет, пытаюсь в себя придти. Ты не смеешься надо мной? Мужик, называется, стакана водки не вынес... И тебе столько хлопот наделал...

- Не стакана, а почти двух, - уточнил Василий. - Смешного в том ничего нету. Радуйся, что организм воспротивился. Я-то ладно, свои люди, сочтемся. А работать-то как? С такой женой вообще пьяницей можно стать.

- Не жена она мне больше, Вася. Видеть ее не могу. На ребенка я, конечно, платить буду исправно, ребенок не виноват. Но ее видеть не хочу.

- Вот выпей крепкого чаю, полегче станет.

- Теперь надо думать, как устраиваться дальше, - заговорил Василий, когда Алексей отодвинул пустую чашку. - Была бы у тебя государственная квартира, разменял бы как-нибудь и разбежались бы. А свой дом не разменяешь. Ее среди зимы на улицу не выставишь, да еще в положении. Тебе в общежитие уйти, бабулю

жалко, изведет старуху эта стерва, раньше времени в могилу отправит, ты себе потом этого не простишь.

Они помолчали. Все, на что еще был способен в этот вечер Алексей, это подумать, как завтра нормально отработать смену. Лечь бы сейчас и забыться, а завтра уж что-нибудь придумается. Но Василий словно и не собирался в эту ночь спать. Его голова усиленно работала в поисках варианта, как помочь Алексею.

Остановились на том, что Алексей пока переселит Людмилу в боковушку. Чтобы не видеть ее, будет вечерами и по выходным заниматься в библиотеке.

- Ты сказал, ей рожать в июне? - продолжал Локтев. - До июля потерпишь. А там надо будет или для нее, или для тебя какую-нибудь халупу искать. Может, к тому времени у нас что-нибудь проклюнется. Если тебе одному ее туда не переселить, давай, я приеду, помогу.

- Уж как-нибудь сам справлюсь. У меня послезавтра выходной, пока она будет на работе, я все устрою. А теперь дай мне где-нибудь приткнуться, я очень устал.

- Еще минутку и пойдем спать. Слушай, зачем откладывать до послезавтра? Давай, я завтра за тебя отработаю, а ты все и сделаешь. Выходной этот потом мне когда-нибудь отдашь.

- Что ты, Вася, отдыхай себе нормально. Спасибо тебе, друг. Но мне даже лучше завтра

поработать. Чуть-чуть успокоюсь. А одну ночь я как-нибудь у бабули в боковушке перекантуюсь.

Они перешли в комнату, и пока Василий раздвигал и застилал диван, Алексей думал о том, как подчас удивительно раскрываются люди. Слывет Василий в коллективе балагуром, пустомелей, у которого язык только во сне отдыхает. А у этого пустомели, оказывается, такая чуткая, такая добрая душа, дай бог другим такую...

Василий уснул быстро. А Алексей еще долго ворочался, пытаюсь представить, как там коротает ночь баба Поля. Что уж не спит она, в этом он был уверен.

Не спала в эту ночь и Людмила. Хоть и сказала она Алексею, что не уйдет из дому, но понимала: теперь оставаться здесь ей больше нельзя. Если б хоть бабу не оскорбляла. Та бы за нее заступилась. Не подумала, не сдержалась. Так у нее всегда, сначала скажет, сделает, а потом подумает. Думай не думай, а уходить придется. Какое теперь житье здесь? Но куда уйти? Ночь-другую можно переспать у Таньки. А дальше? Там мать - тоже не сахар, не выгонит, но даст понять, что загостилась. Ей же не расскажешь все. Остается - общежитие. Но там и для девчонок всегда мест не хватает. А тут мужняя баба, да еще с брюхом. Оно уже вон какое, никаким платьем не скроешь. Стучится там, шевелится румянцевский гаденыш... Завтра же надо

позвонить директору торго, чтобы койку в общежитии дал... Нет, позвонит она только для того, чтобы напроситься на прием. Обеденный перерыв не совпадает, можно сходить. По телефону много не наговоришь. А с глазу на глаз она так распишет ему свое положение, что не посмеет он ей отказать. Пока проверяет все, что услышит, она уже будет в общежитии. Попробуй, высели ее потом, беременную. Завтра, собираясь на работу, положит в сумку только самое необходимое, а вечером пошлет за вещами Таньку.

“Ну, Алешенька, ты меня еще вспомнишь...”
- подумала она, засыпая.

На следующий день Алексей вернулся домой сразу после смены. Баба Поля лежала у себя в боковушке и тревожно поджидала его. Обрадовалась, хотела подняться, но он уложил ее обратно, сказав, что на кухне справится и сам, а пока посидит с ней, поболтает.

- Я вчера, бабуленька, напиться хотел, - признался он. - Зашел к Локтеву. Ты знаешь его, он у меня в загсе свидетелем был, рыжий такой. Попросил у него водки. И двух стаканов не вынес, выворотило.

Ждал, что баба Поля отчитает его. Но она промолчала.

Рассказал, как решил временно квартирный вопрос.

- Так что будем мы опять с тобой вдвоем в комнате жить. Завтра днем все перетащу. А сегодня тут у тебя переночую. Не выгонишь?.. Пойду я, чего-нибудь пожую. Тебе чаю принести?

- Принеси, - обрадовалась старушка. - Очень пить хочется.

Уже давно миновал час, когда Людмила должна была вернуться с работы. Баба Поля забеспокоилась.

- Будет тебе, бабуленька, добрая душа, о такой дряни заботиться. Как она тебя вчера оскорбляла, а ты - все уж, кажется, и простила.

- Да разве в прощении дело, - возразила старуха. - Она ведь твое дитя носит, как не беспокоиться?

Около одиннадцати в дверь кто-то нетерпеливо постучал. Алексей открыл и увидел на крыльце Людмилину подружку - Татьяну. Рядом с ней стояли два огромных чемодана.

- Извините, Алексей Николаевич, - с легкой ухмылочкой произнесла девушка, - что я так поздно. Людмила Ивановна попросила меня завезти вам эти чемоданы, чтобы вы сложили ее вещи. Завтра я приеду сразу после работы, и мы с вами перевезем их ко мне на квартиру.

- А где сама Людмила Ивановна?

- Этого я вам не скажу. Она просила вас только передать, чтобы вы аккуратно сложили

хрусталь, который ей подарили на свадьбу. И то, что видеть она вас больше не желает...

- Это - взаимно, - усмехнулся он.

- Постарайтесь все собрать сегодня, чтобы мне завтра не ждать. А сейчас проводите меня до остановки. Уже поздно, и я боюсь.

Он занес чемоданы в сени, крикнул бабуле: "Я сейчас", - набросил полушубок и пошел с Татьяной к остановке. Ему повезло: он увидел автобус, идущий в Слободу, значит, ждать придется минут семь-десять.

- Кто это приходил? - спросила баба Поля, когда он вернулся.

- Татьяна, подружка Людмилы, - ответил он, - никак не могу вспомнить ее фамилию. Кажется, Иванова. Людмила чемоданы послала, чтобы мы ее вещи собрали.

- А где же она устроилась?

- Я тоже спросил, не сказала. Подаст на алименты, узнаем.

- Вот мы, бабуленька, и остались опять вдвоем, - сказал он, немного погодя. - Ты только не болей, ладно? А я уж как-нибудь постараюсь, чтобы тебе не так трудно жилось. - Он поцеловал старушку и пошел укладывать вещи своей бывшей жены.

Глава десятая

Июль, 1973. Шелтовск

- Что еще стряслось? - спросила баба Поля, заметив, что внук пришел с работы мрачнее обычного.

"Ну и физиономия у меня, - со злостью подумал о себе Алексей. - Ничего не скрыть. Не хотел ведь ничего говорить. Хватит, что сам уже на грани человеческой выносливости, еще и ее в гроб вгонять? Но заметила. Не промолчать. Слукавить?"

- Ничего особенного. Машина опять сломалась. - С наигранной небрежностью произнес он и самому противно стало: в голосе - одна фальшь.

Нет, старую не проведешь. И не тот у нее характер, чтобы отступить, если увидела, что внуку плохо.

- Ты мне мозги машиной не морочь, - сердито проворчала она. - Выкладывай, что случилось. Все равно по тебе вижу: что-то неладно. Не буду знать, мне еще хуже. А страшнее того, что уже пережито, быть не может.

- Может, - вырвалось у него. Спыхватился, да поздно. Слово обратно в рот не отправишь. Теперь придется выкладывать.

- Человеческой жестокости и подлости, видно, нет предела - глухо проговорил он. Людмила родила дочку и бросила ее в роддоме.

- Как это бросила? - не поняла старуха.

- Как бросают своих детей. Когда-то их подкидывали на крылечки богатым людям или оставляли под забором с записочкой в пеленках. Теперь все проще. Подкидывают государству. Написала заявление или объяснение, не знаю, как это называется, что она, имярек, отказывается от своего ребенка, выписывается из роддома и уходит. Она свободна.

- А дите?

- Продержат месяц-другой в роддоме или в больнице, потом отправят в детский дом. У нас в городе он почему-то называется домом малютки. Наверно, чтобы не так жестоко звучало.

- Это при живых-то нормальных родителях - в детский дом? - баба Поля едва сдерживала клокочущее в ней возмущение. - Да вы что, молодые, совсем уже ополоумели? Господи, да что же это на свете делается? Куда у людей мозги-то подевались? Ну, у пьяниц, понимаю, надо отбирать, чтобы не калечили детей. Если б Люську в свое время отобрали у ее матери, может, она и не выросла бы такая. Мать-кукушка... Ей свое дите не жалко. А ты-то что, отец родной? И ты готов от своего ребенка отказаться?

- Не бреди мне душу, бабуля. Прошу тебя, не надо. Мне и так впору в петлю лезть...

- На это большого ума не требуется, - перебила его баба Поля. - Ты поумнее что-нибудь придумай.

- Легко сказать, придумай... Какие уж мысли, если стыд, боль, жалость свет застилают...

- И кого тебе жалко?

- И тебя, и себя, и ту малышку, что моей дочерью зовется. Ей десять дней от роду. Что я с ней делать буду, если и возьму? Тушеной картошкой или щами младенца не накормишь, даже обычным молоком не напоишь. Ему материнское нужно.

- Материнское... - передразнила его старуха.

- Это в детдоме ей материнское молоко в бутылочке с соской подадут? Об этом подумал? Пока в роддоме, может, кто-нибудь из женщин и накормит грудью, если молоко остается. А в детдом сдадут - там уж манная каша да кефир. Так что, отец дорогой, готовься забирать свое дитя домой. Выкормим, выходим, пока я жива. Твоя ведь кровинушка...

Она пошла на кухню готовить ужин и продолжала ворчать: "Ишь, чего выдумали - в детский дом. Дите малое, бедное, при живых родителях - сирота..."

Алексей пошел за ней, остановился в дверях.

- Ты не ворчи, а лучше объясни, что делать, - примирительно произнес он. - Ребенок - не кукла, его на диван не посадишь, как игрушку.

- С этого и начинал бы, - отозвалась она также примирительно, - а то - в детский дом... Нужно ехать в магазин, закупить пеленок, распашонок.

Кое-что я сама приготовила. Собиралась Люське подарить. Что с того, думала, что вы по разным углам разбежались, дите-то общее. Могу я о нем позаботиться. Так и лежит все в комод... Но того, что есть, мало. Нужны одеяльца. Тебя я когда-то в самодельном, лоскутном носила. Могу, конечно, и сейчас такое сшить. Но сегодня в такие детей не заворачивают. Атласные покупают. И пеленки кружевные, расшитые. Подороже, зато красиво.

- Разве в цене дело?

- Я тоже думаю, что для дочки ты денег не пожалеешь. Хорошо бы и коляску купить. Но это все - потом. А завтра мы с тобой съездим в роддом, посмотрим на дите наше, узнаем, когда нам ее отдадут и что для этого нужно. Вдруг какие-то документы потребуют.

- Думаю, что никаких документов, кроме моего паспорта, не потребуется. Мы же не разведены.

- Как назовешь дочку?

- Если ты не будешь возражать, то Полей. Апполинарией, - уточнил он.

- Спасибо тебе, внучек, - просияла старуха. - Разве я могу не принять от тебя такой подарок. Умру, останется в ней память обо мне...

Сели ужинать. Но баба Поля и есть спокойно не могла. Она все еще жила всем только что услышанным. Ее интересовали все новые и новые

подробности. Вопросы сыпались из нее, как монеты из копилки.

- Как ты все узнал?

- Из роддома позвонили в парк, через диспетчера сообщили мне.

- Так они что, просили придти, али как?

- Мне только передали, что моя бывшая жена оставила ребенка в роддоме и ушла. Вот и все.

- А как они узнали, где ты работаешь?

- Бабуля, милая, - взмолился Алексей, откладывая вилку, - ты допрашиваешь меня, как заправский следователь. Ну откуда мне знать, как они узнавали... Я могу только предполагать, по какому сценарию развивались там события в последний день. Мать отказывается от ребенка. Врач пытается выяснить, почему? Следует рассказ бедной женщины, что муж, такой-сякой, выгнал ее из дому, ей и жить негде, и денег нету, и вообще она ничего не хочет знать больше об этой семье. Если им, врачам, так интересно, они могут позвонить ему на работу. Он - таксист. Из жалости к ребенку врач хватается за эту спасительную соломинку, авось клюнет, авось разжалобленный папаша не даст отправить свое чадо в детский дом.

- Это - как представляется мне, - закончил он. - Может, все было по-другому. Выяснять неохота. Противно.

- Ну и бабы пошли, - восклицает старуха и тут же опять спрашивает, - из какого роддома звонили?

- Почему-то из областного. Наверно, роды тяжелые были, туда и отправили.

- Завтра все и узнаем. Поговорим с врачами.

- А после работы не поздно туда ехать?

- На свое дитя взглянуть ни в какое время не поздно. Посмотрим, посоветуемся, а там и за дело...

Утром, перед сменой, к Алексею подошел Локтев. На лице - ни смешинки. Кажется, даже веснушки его посерьезнели и чем-то озабочены. Прямо не узнать рыжего балагура. "А у него что стряслось?" - подумал Алексей, глядя на друга.

- Леш, это правда? - чуть слышно спросил Василий.

- Если ты о моей бывшей жене, то правда.

- Таких баб душил бы собственными руками... - прошипел Локтев и добавил несколько непечатных словечек. - Извини, знаю, не любишь матюгов. Но как тут по-другому скажешь? Что делать-то собираешься?

- Как только врачи разрешат, возьму дочку домой. Не в детдоме же ей воспитываться при живом отце.

- Молодец, Лешка, - веснушки на лице Локтева запрыгали, засияли от восторга. - Ну и молодец! Не испугался с младенцем остаться.

- Один, может быть, и струсил бы, - откровенно признался Алексей. - Баба Поля обещает помочь. Она и настояла, чтобы забрать.

Началась смена. Они разъехались.

Вечером, как и договаривались с бабой Полей, он сразу поехал в роддом. Она уже ждала его во дворе на лавочке.

- И давно ждешь? - поинтересовался он.

- А я специально приехала пораньше, - ответила старуха, - чтобы врача застать. Уже поговорила. Роды были нормальные. Сюда она попала случайно: тем днем областной роддом принимал всех рожениц города. Дежурный по графику, что ли. Через недельку, самое большее через десять дней обещают отдать нам Полюшку.

- Я чувствую, ты уже целую лекцию прослушала, - улыбнулся Алексей.

- Прослушала. И тебе советую запоминать все, что будут говорить. А теперь пойдем, они обещали показать тебе дите.

Она не стала посвящать его целиком в свой разговор с врачом. Зачем? Зачем ему знать, например, как она убеждала своего собеседника, что внука нужно сначала приручить к девочке, подготовить его к будущей роли. В обычной семье это происходит само собой, без видимых усилий и проявлений. Свою любовь к жене муж, сам того не замечая, переносит и на ребенка. А тут предстоит преодолеть ненависть к женщине, родившей это дитя.

Вошли в здание. Дежурная в справочном окошечке, предупрежденная о необычном случае, сразу позвонила куда-то, сообщила, что пришел отец девочки Румянцевой.

Вынесли белый, продолговатый сверток, похожий на кокон. Он протянул обе руки, сестра положила ему на ладони этот кокон. Крошечное розовое существо с закрытыми глазами лежало у него на руках и чмокало губами. Он прижал это существо к себе и почувствовал, как гулко застучало его сердце, как внутри у него что-то затрепетало. Это же его дитя, его кровинушка. Никому он не отдаст этот розовый комочек, эту частичку самого себя. Как бы ему ни было трудно, он вырастит ее сам.

Изучая ребенка, Алексей не заметил, как внимательно следят за ним три женщины. Дежурная в окошечке - с нескрываемым любопытством, еще бы - отец-одиночка, такое не часто увидишь; сестра - с настороженностью: как бы этот молодой папа не сделал чего-то недозволенного. Баба Поля - с любовью и облегчением. Она видела, как посветлело его лицо, как улыбка коснулась его губ и засветились глаза. Это был ее прежний Лешик, но еще более нежный и ласковый.

Тем временем девочка открыла глаза, и он увидел, что они такие же, как у него, большие и серые. Очертания лба, глазных впадин, нос, - все его, Алексея. Девочка будет похожа на него. Новый прилив нежности наполнил его душу: его дочка, его маленькая... И как он только мог подумать, что ей придется жить в детском доме?

Он хотел поцеловать глаза дочки, но сестра предупредила:

- К ней пока нельзя прикасаться. Полюбовались и хватит. Ей пора ужинать.

- А чем вы ее кормите?

- Специальным кефиром, всякими молочными смесями. Один раз в день она получает материнское молоко. Есть у нас мамыши, у которых остается. Они его сцеживают для таких детишек.

- А их у вас, таких, много?

- На сегодняшний день - трое. Бывает и больше. В последнее время у многих женщин не хватает молока. Приходится подкармливать ребенка с первых минут его жизни.

- Я не это имел в виду. Детей, брошенных родительницами, у вас много?

- Нет. Одна ваша девочка. Не каждый же день бросают детей. Но случается и по двое сразу. Но вы же свою не оставляете? Жалко тех, что отсюда - прямо в дом малютки.

- Когда я смогу ее взять?

- Это как врач решит. Думаю, скоро. Девочка родилась крепенькая, на три с половиной килограмма. Это прекрасный вес. Развивается нормально. С бутылочками расправляется отлично. И что самое удивительное, спокойная. У таких мам обычно малыши рождаются нервные, капризные. А она почти не подает голоса. Так что скоро получите свою дочку, - улыбнулась сестра. - Как назовете?

- Полей. Мне можно еще к ней придти?

- Конечно, конечно, - скороговоркой ответила сестра и скрылась за дверью.

- Пойдем и мы, - позвала баба Поля. - Пойдем, внучек.

- Сколько же их развелось, матерей-кукушек? - произнес он, когда они вышли во двор.

- Бросают-то чаще молоденькие девчонки, запутавшиеся в жизни, - сквозь беспорядочные мысли донесся до него глуховатый голос бабы Поли. - Мне детишек их жалко, но и их самих тоже. Боятся родителей, боятся трудностей и пуще того - дурной славы. Кто ее шестнадцатисемнадцатилетнюю потом замуж с дитем возьмет... А вот что Люську натолкнуло на это - ума не приложу. Ей-то чего прятаться или бояться, замужней бабе... Алименты обеспечены, людская молва не осудит... Наоборот, еще и пожалеет...

Алексей над этим тоже думал. Но в отличие от бабы Поли, ответ он нашел сразу: таким диким, бесчеловечным способом Людмила отомстила ему за любовь к Марии и развязала себе руки. Сама она еще попробует устроить свою жизнь, а вот он пусть помается с дитем...

- Ну что ж, бабуленька, дала мне почувствовать, что такое отцовство, - сказал он, когда они пришли домой, - так теперь помогай, учи меня премудростям воспитания. Поля-маленькая должна вырасти так же, как все дети, ничем не обделенная.

- Что бы мы для нее ни делали, как бы ни старались, она будет обделена главным - материнской лаской, - горестно подытожила бабка. - Никакие наши с тобой заботы не заменят ей ма-

тери. Но тут уж ничего не поделаешь. Поэтому будем растить ее в добре, любви и строгости.

На следующий день он опять собирался съездить в роддом, взглянуть на девочку, а если не дадут, то хоть справиться, как она себя чувствует. О том, что это можно сделать по телефону, он как-то не сообразил.

Только приехал в гараж, к нему - Локтев.

- Леш, сдашь вырчку, зайди в диспетчерскую.

- А что там? - насторожился Алексей.

- Зайди, увидишь. Трудно тебе, что ли?

- Боюсь я этих вызовов, - признался Румянцев. - Как бы опять какой-нибудь пакости не услышать.

- Не бойся, не диспетчерша тебя приглашает, а я.

- А тут сказать нельзя?

- Нельзя. Увидишь, все поймешь. - Он пошел, оставив Алексея в тревожном раздумьи. Пройдя шагов десять, оглянулся и крикнул, - поторопись, мы ждем тебя.

"Кто это мы? - недоумевал Алексей. - Что за удовольствие мучить людей загадками?"

В диспетчерской он увидел несколько человек из бригады. В углу стояло что-то большое, накрытое чехлом от машины. Никто не шумел, не балагурил.

- Леша, - первым не выдержал торжественного молчания Локтев, - поздравляем тебя с доч-

кой. Желаем, чтобы выросла она большая и красивая. А пока она еще ничего не понимает, только спит и мочит пеленки, дарим ей вот это, - он сбросил чехол, и Алексей увидел темно-вишневую коляску, в которой лежали большой сверток и кукла. - Это ей от нашей бригады и от дирекции парка тоже. Принимай. Молодец, что не отказался от дочки, поддержал достоинство мужчин.

- Ребята, что вы, - Алексей растерянно посмотрел на сидящих друзей. - Такие подарки! Спасибо большое и от меня, и от Поли-маленькой. Мы на днях собирались с моей бабулей все это купить. Спасибо, я, право...

- Принимай, принимай, - зашумели шоферы. - Накупаешься еще... Забирай, не тебе ведь все это, а дочке...

- Как я со всем этим домой доберусь? - развел руками Румянцев.

- До вокзала я с тобой дойду, - успокоил Локтев. - У "тройки" там конечная. Помогу затащить в автобус. А при выходе попросишь кого-нибудь из пассажиров. Помогут выгрузиться.

Они вышли из парка вместе. Василий катил коляску. Куклу завернули в газету, чтобы не привлекала внимание.

- Ты, Леш, того, если какая помощь женская нужна, не стесняйся, говори мне. Нина моя всегда поможет.

Алексей благодарно посмотрел на Локтева.

- Спасибо, Вася, и тебе, и Нине, но у меня же бабуля есть. Пока она жива, я с Полей горя знать не буду. А там уж как судьба сложится.

- К тому времени, может, еще женишься.

- Нет, - жестко отрезал Алексей. - Хватит, нажился женатым. Сыт по горло. Буду растить дочку и радоваться, глядя на нее.

- Что уж ты так? Не все же бабы такие стервы, как ее мать. Может, и хорошую встретишь. Мужик ты видный, на тебя слабый пол заглядывается. Захочешь, так слетятся, как мухи на мед.

- Нет, Вася, была одна, не уберег. Больше такой не будет.

- Извини, друг, понимаю, нехорошо в душу лезть, но все равно спрошу: ничего не знаешь, где она? Почти два года уже прошло, а я все вижу ее на твоём дне рождения.

- Пытался узнать. Правда, никому, даже бабуле, не признался в этом. Нынче весной, когда немного отошел от "откровений" своей бывшей жены, написал в Академию художеств, где училась Маша, и в адресное бюро Киева. Из Ленинграда сообщили, что она сдала зимнюю сессию за четвертый курс и по семейным обстоятельствам забрала документы. Киевский ответ был еще короче: в городе такая не значится. Может, в другой какой город уехала, ведь свою квартиру она на время учебы сдала в аренду. Может, замуж вышла... След потерян...

Алексей перевел дыхание, стараясь справиться с нахлынувшими воспоминаниями.

- Поздно схватился. Сразу надо было искать, когда уехала. Но тогда я был слишком потрясен и заиклен. Только один вопрос мучил меня: почему? Теперь поумнел, да время ушло...

- Вся моя любовь, Вася, - продолжал он вполголоса, - все мое счастье осталось в тех трех месяцах, что она была здесь. Не знаю, за что судьба наградила меня таким чувством, но мне остается только благодарить ее, что она дала его испытать. Короткое это было счастье, но какое... - Он попытался найти подходящее слово, но, не найдя его, только рукой махнул. - Не уберег. Тюлень лопоухий, как зовет меня бабуля. Тюлень и есть...

- А эта стерва куда мотнулась?

- Не знаю и знать не хочу.

- Напрасно. Тебе по закону с нее алименты положены, - сказал Василий и осекся, увидев, как изменяется лицо Алексея. - Вижу, вижу, ты меня сейчас пришибить готов. И поделом. Глупость сморозил. Извини, ради бога. Негоже нам, мужикам, на такое размениваться. Прости, пожалуйста. Не подумавши ляпнул. Не зря, видать, меня балаболкой зовут... Ну, простил?

Он посмотрел на Алексея с таким искренним раскаянием, с таким грустно-умоляющим видом, что тот невольно улыбнулся.

- Простил, значит. Спасибо.

Несколько шагов прошли молча.

- Просьба у меня к тебе, Леш, есть, - снова заговорил Локтев. - Когда будешь забирать доч-

ку из роддома, скажи мне. Хочу взглянуть на вас там. Не бойся, ребенка не сглажу, у меня глаза хоть и зеленые, но колдовскими чарами не обладаю.

- И правда, зеленые, - рассмеялся Алексей, посмотрев на товарища. - Я как-то раньше не замечал.

- Редкие глаза, - хмыкнул Василий. - За них меня Нинка и полюбила. Ну так скажешь?

- Скажу, - пообещал Алексей. - Заранее скажу, чтобы ты в случае чего подмениться мог. Я на тот день выходной буду просить...

Баба Поля увидела в окно внука с заполненной коляской, выбежала на крыльцо.

- Ты что раньше времени дите забрал? У нас еще ничего не готово.

- Успокойся, бабуленька, это только коляска. Ребята из нашей бригады подарили Поле-маленькой. И впридачу то, что лежит в коляске.

Они втащили ее в дом. Алексей развязал первый сверток.

- Это еще не скоро потребуется, - усмехнулась баба Поля, бережно беря куклу. - Пока нужны погремушки, всякие яркие колечки. А эту красавицу можно посадить на комод. Или вообще ее куда-нибудь убрать?

- Как хочешь, - откликнулся внук, разворачивая второй сверток. Там оказалось детское приданое для девочки.

- Ну, Лешик, молиться тебе надо на своих друзей, - воскликнула баба Поля, притронувшись к этому бело-розовому чуду. - Такие подарки!

- И на директора - тоже, - подхватил он. - Я даже не знаю, что - от бригады, а что - от дирекции...

Полю-маленькую, как и обещали, выписали через неделю. Узнал об этом Алексей за два дня. Попросил на этот день выходной, сказал Локтеву. Тот сверкнул своими хитрющими зелеными глазами, и уточнил: "Значит, к двенадцати?"

Ни на одно свидание в жизни Алексей не собирался так, как в этот день. Надел свой лучший костюм, даже галстук повязал. Несколько раз проверил пакет, не забыли ли что из детского. Баба Поля по этому случаю покрыла голову белой кружевной косынкой, которую она сплела и припрятала тайком себе на похороны. Приехали в роддом на пятнадцать минут раньше. Старуха передала дежурной в окошечко сверток. Алексей, оставшийся на крыльце, оглядывался по сторонам, искал взглядом Локтева. Но того нигде не было.

Наконец, баба Поля позвала его. Дежурная тут же позвонила: "Пришел". Выбежала сестра с пачкой бумаг, начала объяснять Алексею: это - для регистрации ребенка в загсе, это - отношение в детскую консультацию, чтобы сразу поставили на учет и дали направление в молочную

кухню. А это - она от себя сделала молодому папе памятку, чтобы ничего не забыл, сколько раз в день кормить, когда купать, когда носить в консультацию, какие прививки нужно сделать и так далее. Внимательно прочитает, разберется.

Вынесли ребенка. Розовый кокон, украшенный белыми воздушными кружевами. Алексей бережно принял дочку. Проводить Полю-маленькую вышли все свободные в эти минуты врачи и сестры отделения. Поздравляли Алексея, желали ему и дочке всех возможных и невозможных благ. Бабе Поле вручили несколько бутылочек: питание на сутки, пока отец оформит все в молочной кухне.

Алексей чувствовал себя не очень уютно под прицелом стольких глаз, но улыбался всем приветливо и благодарно. попрощавшись, вышел на крыльцо. У самого подъезда стояла серая "волга". Он уже собирался обогнуть ее, они с бабой Полей договорились ехать на автобусе, но открылась дверца, из нее высунулась рыжая голова.

- Что, своих не узнаешь? - упрекнул Локтев.
- Садись, счастливый папаша, - пригласил он, открывая заднюю дверцу. - И бабулю сади.

- Ты откуда? Что за машина? - еле выговорил опешивший от такой неожиданности Алексей.

- Из гаража, - невозмутимо отпарировал Василий. - Посмотри на номера, поймешь, что за машина. Собственной у меня пока нет.

Алексей сделал шаг в сторону и окончательно растерялся. Это была машина директора парка.

Василий был чрезвычайно доволен произведенным эффектом. Его веснушчатая физиономия буквально сияла.

- Объясни, - сказал Румянцев, садясь на заднее сидение. - А то у меня что-то мозги набекрень. Ничего не понимаю.

- А тут и понимать нечего. Я с директором договорился, что дочку твою мы доставим домой на машине. Она все-таки дочь таксиста. Шофер директорский в отпуске, поэтому за рулем - я. Или мне не доверяешь? - он взглянул в смотровое зеркало, увидел Алексея, подмигнул ему и, пропев "Поехали", - осторожно тронул машину с места.

- Жаль, что я не догадался еще и фотографа пригласить, - сокрушался Василий по дороге. - Ты даже представить себе не можешь, Леш, как ты выглядел, когда спускался с крыльца с этим розовым сверточком. Такие кадры были бы...- Ну, ничего, наверстаем, когда будешь в загсе регистрировать дочку...

Подъехав к дому Алексея, Локтев спросил:

"Тебе сегодня еще надо в город? Тогда оставляй дите бабуле и поехали."

- А может, Вася, пообедаем у нас сначала? - спросил Алексей.

- Обедать будешь, когда вернешься, не ото-
щаешь. Ты - не пьешь, а мне нельзя, я за рулем.
Какой уж праздничный обед. Говори, куда тебе
надо, и поехали. Машина в моем распоряжении
до трех.

- В детскую консультацию и молочную кух-
ню мне надо. Бабуля, я тогда поеду, чтобы бы-
стрее все оформить. - Он внес дочку в дом,
положил в коляску.

- Езжай, езжай, - напутствовала его баба
Поля.

Соседки, видевшие Алексея с ребенком, по-
спешили к Власьевне, узнать, не сошелся ли он
снова с Люськой.

Баба Поля без особых подробностей сказала,
что Поля-маленькая будет воспитываться у них.

В этот вечер Алексей долго сидел перед ко-
ляской и не сводил глаз со своей Полюшки.
Мысли его текли лениво и безалаберно. Если б
его спросили в тот момент, о чем он думал, он,
наверняка, передернул бы плечами от удивления
и ответил бы неопределенно: "Так, ни о чем". И
это была бы сущая правда. В этот вечер он не
думал ни о прошлом, ни о будущем. Ему не хо-
телось ни вспоминать, ни загадывать. В те мину-
ты ему было уютно и покойно в настоящем...

Глава одиннадцатая

Июль, 1986. Бровары - Киев

Мария вышла на крыльцо, негромко позвала: "Полинька..." Но Поля так ушла в свои мысли о только что прочитанных письмах, что ничего не слышала. Женщина спустилась в сад, подошла к столу. Письма лежали, аккуратно перевязанные ленточкой. "Неужели не стала читать? - подумала она. - Странно". Но расспрашивать не стала. Подошла к девочке, слегка тронула ее за плечо.

- Пойдем, деточка, покушаем. Или сюда принести?

- Что вы, Мария Федоровна, - очнулась Поля, сбрасывая навалившиеся мысли. - Зачем сюда? На кухне пообедаем.

Она поднялась, взяла за ленточку письма. Прошла несколько шагов, остановилась, посмотрела на Гойду своими ясными серыми глазами.

- Мария Федоровна, - в голосе ее звучали не то просьба, не то вопрос, а, скорее всего, - все вместе. - Я не знаю, как вас просить... Если вы доверили это мне, - она кивнула на письма, - разрешите, я познакомлю с ними папу. Вашу исповедь куда важнее знать ему, чем мне...

- Исповедь, говоришь, - улыбнулась Гойда. - Как точно ты это определила. Писала, словно

исповедывалась перед ним. Но захочет ли он все это читать?

- Захочет, захочет, - горячо заговорила Поля.
- Я знала, что он вас вспоминает. Это мне бабушка говорила. По ночам зовет вас: "Машутка моя..."

Гойда слегка нахмурилась: "В такие детали можно было девочку и не посвящать. - Но тут же сама себя упрекнула. - А я-то разве не так поступила?... Еще хуже..."

- Но вы бы видели, - продолжала Поля, - что с ним вчера было. Он вообще очень эмоциональный, а тут - шок.

- Давай, все-таки сначала пообедаем, а потом поговорим.

Пока Поля сидела под сенью сирени с письмами, Мария успела сходить до ближайшего магазина, купила творог, молоко, свежий хлеб, а у торгующей возле магазина старушки взяла вишни и помидоры. Когда она уходила за покупками, Поля не видела, но сейчас заметила, что на столе немало лакомств.

Ели торопливо, молча, стараясь поскорее освободиться. За обедом Поля только спросила:

- Мария Федоровна, а мне можно посмотреть картины о севере?

"Значит, все-таки прочитала," - отметила про себя Мария, а вслух сказала:

- Их наш музей изобразительных искусств купил. Туда мы сегодня уже не успеем. Но оста-

лись этюды, заготовки к ним. Вишни уничтожим, и я тебе их покажу.

Когда поднялись, Поля предложила:

- Давайте вместе посуду поскорее уберем и будем свободны.

- Не умрет посуда и до вечера. Нам бы с тобой наговориться, насмотреться друг на друга. Ты же мне еще ничего не рассказала о папе. Как вы живете? Как он выглядит? Где работает? Однако, со своими вопросами я опять отвлеклась. Я же обещала тебе показать картины. Пойдем.

Они вошли в просторную комнату, единственную в этом небольшом домике. Мария задернула темные шторы, и комната сразу наполнилась солнечным светом.

Несколько картин висели на стенах, остальные, повернутые изображением к стене, стояли у дивана.

Поля скользнула взглядом по стенам.

- Это же берег Шелтовы, - радостно воскликнула она. - В излучине, у железнодорожного моста. А там, наверху - домик бабы Поли.

- Как мне приятно, что ты сразу узнала родные места, - обрадовалась и Гойда. Это был тот самый первый этюд, сделанный ею в Шелтовске. Он был дорог Марии не только тем, что привел в восторг Алексея, но еще более тем, что тогда она слышала его первое признание. Однако девочке она сообщила только, что этот

этюд является прообразом одной из картин триптиха.

- Мы сюда часто приходим с папой, - рассказывала Поля. - Чаше, правда, зимой, на лыжах по реке. Но бывали и летом. И на лодке, и автобусом.

- А вы разве уже не живете там?

- Нет, мне было года два, наверно, когда папе дали квартиру. Об этом доме я знаю только по рассказам. Бабушка очень жалела свой родовой, как она называла, дом. Папа показывал мне и монастырь в Слободе, и церковь на слободском кладбище.

- А церковь еще стоит?

- Стоит. Только ободранная ужасно. Окна досками заколочены. На крыше березки растут. Папа сказал, что она скоро рухнет. Мы туда иногда ходим на могилу бабушки Лизы, папиной мамы. В году мы только один раз уезжаем далеко, в его отпуск - по туристическим путевкам. А в остальное время по выходным чаще всего за город выбираемся. Несколько раз в верховье Шелтовы на лодке ездили. Там такие места красивые.

"По нашим памятным местам ее возит", - опять отметила Мария.

- Извини, деточка, за больной вопрос. Давно от вас мама ушла?

- Папа расстался с Людмилой Ивановной еще до моего рождения, - вздохнула Поля, давая понять, что говорит об этом только по необходимости.

ти, из долга вежливости, а тема эта ей глубоко неприятна. Гойда поняла и вопросов больше не задавала. Но девочка сама решила, что рассказать надо все до конца, иначе непонятно, и ей самой будет трудно говорить о том главном, ради чего она здесь. Поэтому продолжила рассказ о себе.

- Меня с пеленок воспитывали бабушка и папа, потому что Людмила Ивановна оставила меня в роддоме и уехала. Я ее совсем не знаю. Всех подробностей их совместной жизни я тоже, наверно, не знаю. Их вам расскажет папа.

- Мария Федоровна, - Поля взяла художницу за руку, - я ведь вас и нашла сегодня для того, чтобы просить вас, умолять вас ехать с нами. Сколько можно папе быть одному. Ведь десять дней назад ему уже сорок исполнилось. Вернитесь к нему, он вас так любит. А вы, я это в письмах прочитала, вы его тоже не забыли. Поедем с нами, вам будет хорошо у нас. А если сейчас не можете, я понимаю, надо собраться, то, пожалуйста, поедemте со мной на вокзал. Встретьтесь с папой... А там уж сами решайте...

Мария посмотрела в глаза девочки. Они умоляли и ждали ответа.

- Хорошо, - сказала она. - На вокзал я с тобой поеду. Обещаю. А сейчас, давай, посмотрим картины, ты же хотела видеть пейзажи севера.

Марии нужны были эти спасительные минуты, чтобы собраться с мыслями. Она подвела

Полю к дивану и начала переворачивать листы картона и холсты, натянутые на узенькие деревянные рамочки.

- Ой, это же наш монастырь, - воскликнула Поля, заметив купол собора. - Как красиво. Я ни разу не видела его таким.

- Просто вы не бывали там вечером, когда садится солнце.

- Он тоже вошел в триптих?

- Да, и вот это. - Она выставила третью работу. Время сенокоса. На дальнем плане лес. Большой луг. Стога. У самого последнего, что ближе к лесу, копошатся люди, охорашивают его граблями, подбирают последние клочья сена. Чем-то очень знакомым и родным повеяло на Полю с этих полотен.

- Это все масло, - сказала девочка. - Я немного представляю, что такое - масло, акварель, уголь. Но на выставке в подписи к папиному портрету стоит какое-то непонятное слово - мелорельеф. Что это такое?

Мария открыла шкаф, достала оттуда большой черный лист. Положила его на диван.

- Ты знаешь, что такое станковая графика? - спросила она.

- Это когда на белом листе черное изображение, сделанное штрихами?

- Примерно. Это достаточно сложное искусство. Художник сначала специальным резцом наносит рисунок на доску, на линолеум, бывает,

даже на металл, а потом уже с нее делает оттиски на бумаге. А это, - она показала на черный лист, - новейшее изобретение. С него я тончайшим инструментом буду снимать этот черный слой так, как это мне нужно по рисунку, и получу необходимое изображение. Именно так выполнен портрет папы. А сделан он с небольшого эскиза.

Она снова открыла шкаф, убрала черный лист, а вынула небольшую папку. Там было десятка два рисунков. Она подала девочке один из них, и та сразу поняла: то же самое, что хранится у нее дома.

- А это узнаешь? - она подала ей еще один рисунок.

- Это тоже папа. Загорает где-то на поляне, - ответила Поля. - А украинские пейзажи у вас есть?

- Есть, деточка, только их я покажу тебе как-нибудь в другой раз. А сейчас давай поговорим. Время бежит очень быстро, не успеем оглянуться, надо на вокзал ехать. И мы ничегошеньки не успеем с тобой обсудить.

Гойда откинулась к спинке дивана, а Поля села вполоборота, чтобы видеть лицо художницы.

- Ты не представляешь, - начала Мария, не спеша выговаривая слова, - сколько радости ты мне доставила тем, что ты здесь. Первые минуты - не в счет. Надеюсь, за них ты меня уже

простила. Я как будто снова побывала у вас в Шелтовске, окунулась в те самые счастливые дни моей жизни. Я очень любила твоего папу. Не пугайся того, что я сказала - любила. Я и сейчас люблю его, но того, давнего, двадцатипятилетнего, так же, как и он любит меня ту, давнишнюю. Это скорее уже не любовь, а память о любви. Прошло пятнадцать лет. Ты уверена, что папа, увидев меня на вокзале, не шарахнется в ужасе?

- Уверена, - твердо сказала Поля. - Вы такая же прекрасная, какой мне описывала вас бабушка.

- Не надо мне льстить, деточка, - вздохнула Мария. - Есть зеркала. Знаешь песенку, которую поет Валентина Толкунова, "А время идет"? Там есть такая строчка: "Помоложе были раньше зеркала". Это и меня касается. Но дело не только во внешности. Мы пятнадцать лет жили каждый в своем мире. Соответственно складывались привычки, характер. Ведь нам с папой по существу надо начинать все сначала. Даже тогда, в юности, когда все познается и решается быстрее, потому что эмоции довлеют над разумом, нам потребовались три месяца, чтобы понять, что мы нужны друг другу. А ты хочешь, чтобы я сегодня села с вами в поезд, а послезавтра в Москве вышла женою твоего папы. Для этого, Полинька, нужен определенный настрой души и сердца. А у меня сегодня, признаюсь тебе, такой разброд в душе, какой был, когда я уез-

жала из Шелтовска. Только тогда горе застигло мне глаза, а сейчас - радость.

- А кроме нас с папой, - продолжала она все так же не спеша, - есть еще ты. До сих пор вас было двое. Вы отлично понимали друг друга, может быть, даже с полуслова, с одного взгляда. Папа жил только тобою, только для тебя. То, что у него в душе таилось, - не в счет, главной была ты. И вот появляется женщина, которую ты совсем не знаешь. А папа должен делить свое сердце надвое. Малейшая размолвка у нас с тобой, ему - душевная боль.

- Вы хотите сказать, что я помешаю вашему счастью? - спросила Поля, едва сдерживая набегающие слезы.

- Что ты, что ты, деточка, - спохватилась Мария. - Я только хотела сказать, что прежде, чем сходиться нам втроем под одной крышей, мы еще с тобой должны подружиться, изучить и понять друг друга, настроиться на одну волну. Поэтому я предлагаю тебе, именно тебе, а не папе, такой план: ты на вокзале после нашей с ним встречи попросишь его, чтобы он разрешил тебе остаться здесь до конца каникул. Я понимаю, вы никогда еще не расставались, и это тебе страшно. Но это было бы очень хорошо не только для нас с тобой, но и для папы тоже. Он мог бы на досуге, один, без тебя, все обдумать.

- И прочитать письма, - вставила Поля.

- И письма тоже, - согласилась Гойда. - Хотя не знаю, как их ему вручить.

- Позвольте это сделать мне, - попросила девочка. - Я найду минутку и положу их в чемодан. Он потом обнаружит их и прочитает.

- Вы сказали, что папа разделит сердце надвое, - продолжала Поля. - А у меня оно уже раздвоилось. Я бы и здесь с удовольствием осталась, я ведь хорошо понимаю, что нам с вами друг к другу привыкнуть надо, да и в сборах помогу. Вы не смотрите, что я худенькая. Я - в папу, сильная. Но вот за него я боюсь. Он никогда еще не оставался один. Работа у него адская, все - на нервах, вечером приходит, как вымочаленный лимон. Тут уж мне его не только кормить приходится, но и разряжать от лишней отрицательной энергии.

- А кем он сейчас работает?

- Главным инженером самой большой автоколонны в городе.

- И как же ты его разряжаешь?

- В зависимости от обстоятельств. То на пианино поиграю, я в музыкальной школе еще учусь, то книжку интересную подсуну, а то просто сижу и слушаю, пока он не выговорится. А тут ему целый месяц придется молчать. Нервы выдержат?

- Будем надеяться, что выдержат. Не неврасценик же он у тебя. Постараемся ему почаще писать, чтобы он чувствовал наше присутствие. Днем мы с тобой будем изучать Киев, а вечером - друг друга. Дел у нас будет тьма тьмушая.

Переезд - это всегда масса хлопот. Вещи и картины отправим багажом, малой скоростью, а с собой - только самое необходимое.

- Однако мы с тобой так раскудахтались, - улыбнулась Мария, - словно целую корзину яиц снесли. Не слишком ли поторопились? Что нам с тобой еще наш самый главный человек скажет?

- Вот увидите, как он обрадуется и будет уговаривать вас ехать с нами сразу. - Поля посмотрела на часы. - Мария Федоровна, а нам пора собираться. Папа, наверно, уже на вокзале. Я же написала, что приеду прямо к поезду. А в Броварах даже не посмотрела, когда уходят автобусы.

- Какие там автобусы? - засуетилась Мария. - Мы сейчас такси схватим. Я только переоденусь.

- Дайте мне, пожалуйста, какой-нибудь пакет или сумку, - попросила Поля. - Пока вы переодеваетесь, я заверну письма.

- Мария нашла ей полиэтиленовый пакет с ручками, положила на стол рядом с газетой, а сама открыла шкаф, чтобы переодеться. Справившись с пакетом, Поля увидела ее уже в строгом черном платье, поправляющую прическу. Платье хоть и шло к ее седым волосам, но заметно старило. Гойда перехватила в зеркале неодобрительный взгляд девочки и смущенно призналась:

- У меня здесь ничего другого нет. Или в этом ехать, или в спортивном костюме.

- Переодевайтесь в спортивный, - сказала девочка и вышла на веранду.

Еще несколько минут ушло на переодевание. Мария появилась в синих спортивных брюках и темно-вишневой водолазке.

- Как здорово, - просияла Поля. - Кажется, такой вас впервые увидел папа.

- Только тогда у меня были черные волосы.

- А вам даже к лицу седые, - попыталась она успокоить художницу. - Честное слово, я не лгу. К тому же это теперь так модно. Не знаю, как у вас в Киеве, а у нас многие женщины специально красятся под седину...

От дачи Марии до центра городка было довольно далеко, но такси они поймали сразу. "В Киев, на вокзал," - скороговоркой бросила Поля водителю и села рядом с Марией на заднее сиденье. Гойда обняла ее. Поля прижалась к ней. Никогда не знавшая материнской ласки, девочка вдруг ощутила, как же это приятно, когда тебя обнимает нежная женская рука. Жесткий комок подкатил к горлу, она попыталась протолкнуть его обратно, но не справилась и заплакала.

- Что ты, деточка? - Мария гладила ее светлую головку. - Не надо, доченька... Можно, я буду так называть тебя?

Поля кивнула.

- Тебя мне само небо послало вместо моей Полинки. Не надо сейчас плакать. Проводим папу, тогда нарежемся вдоволь. А сейчас не надо. Он еще подумает, что я тебя обидела.

Последние слова подействовали на Полю сильнее всех уговоров. Она должна приехать на вокзал радостная, сияющая, а не зареванная. Последний раз осторожно шмыгнула носом, достала из кармана зеркальце и носовой платок, вытерла глаза, посмотрелась, поправила волосы.

Такси мчалось по шоссе с такой скоростью, что за стеклом даже посвистывал воздух.

Мария держала в руке приготовленный червонец, когда они подкатили к вокзалу, сразу подала его водителю и, не ожидая сдачи, взяв Полю за руку, быстро зашагала на перрон.

Остановились у табло, где уже светилась строчка: "Киев-Москва".

- Мария Федоровна, вы не обидитесь, - спросила Поля, - если я еще раз проявлю инициативу? Обещаю, что это в последний раз. Больше никогда не буду вмешиваться в ваши с папой дела. Но сейчас это очень надо. Вы останетесь здесь. Папа, наверно, на платформе. Я подготавливаю его к встрече с вами. Вчера, когда он увидел вашу фамилию, ему было очень плохо. У него был такой нервный шок, что я уже собиралась обратиться к врачам. Как бы сегодня не повторилось то же самое. Тогда будет испорчена

встреча, и мне придется уезжать с ним. Мы сейчас придем сюда, вы только никуда не уходите. Пожалуйста, - в глазах Поля было столько тревоги и мольбы, что Мария даже улыбнулась.

- Иди, иди, деточка, я подожду вас здесь. Только уж смотри за папой внимательно. Теперь он нужен не одной тебе, мне - тоже.

Поля стремглав помчалась по платформе. Отца она увидела издалека. Наскочила на него, хотела поцеловать, но он сделал недовольное лицо, даже попытался отвернуться, что означало высшую степень его недовольства.

- Пап, папочка, я виновата, - строчила Поля, как из пулемета, чтобы сократить время объяснений, - можешь меня наказывать, как сочтешь нужным, любое наказание приму, только не сейчас. - Она взяла его за рукав куртки, заговорила медленнее, глядя ему в глаза. - Собери все свое мужество, пап, и иди к световому табло. Там ждет Мария Федоровна. Она тебя тоже не забыла. Она очень любит тебя. Только не беги, подумай о себе, обо мне, о ней...

- Да, еще, - Поля удержала его, - ты можешь не узнать ее... - Девочка запнулась, не зная, как сказать ему главное.

- Что с ней? - вырвалось у Румянцева.

- Она совсем седая. Такая же красивая, как была, только белая, как лунь. В прошлом году у нее умерла дочка. Твоя дочка. Смотри, не по-

рань ее каким-нибудь нечаянным вопросом. Девочку, как и меня, звали Полей. А теперь иди. Я чуть попозже подойду к вам.

Она подтолкнула его. И он пошел. Сначала медленно, словно неуверенно, потом ускоряя шаг, наконец, побежал. Поля наблюдала за ним до тех пор, пока можно было различить его фигуру среди заполнявших платформу людей.

“Мария, Маша, Машутка... - стучало в мозгу. - Седая, бедная моя...”

В конце платформы он приостановился, чтобы перевести дух и собраться с мыслями. Увидел, как от опоры табло отделилась высокая стройная женщина в спортивном костюме, шагнула ему навстречу, потом остановилась в нерешительности и протянула к нему руки.

Он рванул к ней и тоже остановился в полшаге. На него смотрели большие черные глаза, смотрели внимательно, вопрошающе. “Что, не узнаешь меня?” - спрашивали эти глаза.

- Маша, - закричал он так, что оглянулись прохожие. - Маша, родная моя. - Схватил ее протянутые руки и припал к ним губами.

- Здравствуй, Алеша, - услышал он над своей головой такой знакомый грудной голос. - Здравствуй, мой единственный, мой самый родной человек.

Он поднял голову. Они обнялись и застыли безмолвные. Груз лет, прожитых порознь, сва-

лился с их плеч. Они, потрясенные этим, стояли на виду у тысячи глаз, не замечая никого и ничего.

- Алеша, - первая заговорила Мария, отстраняясь от него, - Алеша, какие минуты подарила нам твоя Поля! Ради этого стоило жить. Даже тогда, когда, казалось, жить уже невозможно.

Он все молчал. Потом снова привлек ее к себе, и, как когда-то на шелтовском вокзале, заговорил нервно, прерывисто:

- Маша, мы не расстанемся больше? Скажи, дорогая, не расстанемся? Потерять тебя второй раз... Нет, этого я уже не вынесу. Маша, ты поедешь с нами? Если в твоей душе осталась хоть малая капля памяти о наших счастливых днях, поехали с нами. Я знаю, я очень виноват перед тобой: не сумел оградить тебя от лжи и коварства той женщины, не сумел уберечь от страданий. Эту вину я вряд ли когда-нибудь смогу искупить. Но одно могу сказать тебе, как на духу: ты была первой и единственной любимой женщиной в моей жизни. Я очень люблю тебя, Маша. Родная моя, поедем с нами, прошу, умоляю, поедем...

- Ну что ты, папочка! - раздался сзади голос Поли. - Разве можно так с наскака - поедем, поедем. До твоего поезда - полчаса. У Марии Федоровны - ни билета, ни вещей. Даже платья с собой нету. А ты - поедем.

Поля вышла из-за спины отца, чтобы ее видели оба. Они отстранились друг от друга и смотрели на нее. Мария - с восхищением, отец - с удивлением, словно впервые увидел свое собственное дитя. Появление дочки подействовало на него отрезвляюще. "Опять, как вчера, я забыл про нее... Но она же сама, сама устроила нам эту встречу..."

В руках у Поли была все та же голубая полиэтиленовая сумка. Пока отец шел по платформе, она быстро открыла чемодан, сунула туда сверток с письмами, а из чемодана вынула несколько своих вещей и туалетные принадлежности. Чемодан оставила на попечение старушки, которая тоже ехала до Москвы, и помчалась к своим великовозрастным детям, как она окрестила Марию и отца.

- У нас с Марией Федоровной другой план, - объявила Поля. - Если ты потерпишь месяц без меня, то я останусь здесь, мы с Марией Федоровной подружимся, узнаем друг друга, привыкнем, а к началу учебного года обе приедем к тебе. Навсегда, понимаешь. И было бы совсем здорово, если б ты встретил нас тогда в Москве. Мы же будем с вещами.

Последнее Поля добавила уже от себя, но, ища поддержки, посмотрела на Марию.

- Правда, Алеша, пусть она этот месяц останется здесь. Нам всем предстоит новая, незнако-

мая жизнь. К ней нужно подготовиться, внутренне настроиться. А нам с Полей нужно еще и привыкнуть друг к другу. Это совсем не просто. За месяц я кое-что улажу здесь. Соберемся. И ты нас в Москве встретишь. Это она хорошо придумала.

- Ну и дочка у меня выросла, - шутливо вздохнул Румянцев. - Все уже решает за меня сама.

- Первый и последний раз, - пообещала Поля.
- Что с тобой делать, если ты сам не способен схватить свое счастье за хвост.

Она победно посмотрела на обоих.

- Милые мои родители, скоро подадут состав, пойдемте на платформу, я чемодан оставила какой-то бабушке.

Она зашагала вперед, давая им возможность поговорить вдвоем.

- Ты слышала, как она назвала нас? - спросил Алексей. - Принимаешь ее в дочки?

- Алешенька, меня бы она приняла в матери. Это куда важнее. А мне ее само небо послало. Ведь моя дочушка умерла полтора года назад. Не уберегла я, Алеша, твою Полинку. - Мария заплакала горько, безутешно. - Это ведь был твой ребенок.

- Маша, не надо, я знаю. Все знаю.

- Поля предупредила?

- Предупредила. Но я и раньше знал. Та женщина, стараясь сделать мне как можно больнее, передала и последние твои слова: "У меня тоже будет ребенок..." Так ты сказала?

- Что-то не помню такого, Алеша. Я ведь тогда еще ничего по-настоящему не знала. Да и не сказала бы я ей этого. Не доставила бы такого удовольствия. Но какое это теперь имеет значение. Я хорошо помню слова бабы Поли, которые она сказала мне в день твоего двадцатипятилетия: "Он - в деда... И таким же однолюбом будет..." Как жаль, что ее уже нет в живых. Сколько бы ей сейчас было?

- Она была ровесницей века. Восемьдесят шесть. Она тебя называла Машенькой. А мне было ближе - Машутка. Я так виноват перед тобой. Прости, если можешь. - Он осторожно приподнял за подбородок ее лицо, заглянул в глаза. - Прости меня. И за ту Полю, и за все горе, что я тебе причинил. - Она уже не плакала, но бусинки слез застыли на ее щеках. Он достал платок и вытер ей лицо. Потом пальцами прикоснулся к ее седым волосам.

- Начнем все сначала. Только одну сложность мне нужно преодолеть.

- Женщина? - спросила она с улыбкой.

- Да, та женщина, ее мать. Она мне в свое время не дала развода. Я не очень тогда и настаивал. Зачем он мне, думал, этот развод, если я второй раз уже никогда не женюсь, потому что никакая женщина не сможет мне заменить тебя. Так я и живу с тем штампом в паспорте. В семьдесят седьмом, когда меняли паспорта, мне его опять поставили, я даже не сразу обратил на это внимание. Теперь этой женщины нет в городе.

Но пока ты приедешь, я постараюсь узнать у юристов, как это оформить.

- Нужно ли, Алешенька?

- Нужно. Теперь тем более. Помнишь наш разговор о любовницах? Я не могу допустить, чтобы хоть малейшая тень коснулась тебя. А кроме того, терять тебя еще раз я не намерен. Если б ты тогда не откладывала с формальностями, то и сбежать от меня не смогла бы.

- Пойдем на платформу, - попросил он, вспомнив о дочке. - Поля деликатно нас покинула, но нехорошо оставлять ее одну надолго. Девочка все-таки. Мало ли какое хулиганье пристанет.

- Слушай, Алеша, как это ты умудрился произвести на свет от разных женщин двух совершенно одинаковых девчонок? Моя Поля тоже была твоей копией.

Он улыбнулся.

- Наверно, слишком много от себя передал вам в те минуты. Я ведь и с той женщиной намеревался создать нормальную семью. Возможно, и прожил бы с ней без любви, но спокойно, если б она не сорвалась. Я расскажу тебе когда-нибудь все, только не сейчас. У нас сегодня так мало времени. Я еще не насмотрелся на тебя, не надышался тобою, а уже надо расставаться. Как я буду вас ждать, Машутка. Если сможете, приезжайте раньше, не тяните до конца августа...

- Если мы с Полей подружимся, то теперь у тебя будет семья, о которой ты мечтал. Только...

- она замялась. В ее глазах он прочел глубокое, невысказанное страдание.

- Только - что? - встревоженно спросил он.

- Неловко мне будет рядом с вами. Я так постарела.

- Маша, родная, что ты говоришь! Ты - старая? Ты прекрасна, как и раньше. А седина... Будь я брюнетом, давно бы уже тоже был белый. В твоей седине виноват я. Эту вину я никогда с себя не сниму. Мы любим друг друга, так какое дело людям до нас. Я постараюсь, Машутка, чтобы ты была счастлива. И если горе нельзя вычеркнуть из души навсегда, то хоть постараюсь, чтобы ты реже о нем вспоминала.

- Пойдем на платформу, кажется, состав подают. - Она посмотрела на часы. - Еще двадцать минут до отхода. Но девочка, наверно, волнуется.

И опять, как когда-то на шелтовском вокзале, она взяла его под руку, прижалась к его плечу.

- О чем я сегодня только ни думал, прочитав ее записку. Но то, что она отправится тебя искать, - в голову не пришло. Ночью, вспоминая прошлое, я сам уже строил планы, как найду тебя, чтобы только узнать, как ты живешь. Но на это ушло бы так много времени.

- Вон, смотри, машет наша красавица, - обрадовалась Мария, заметив Полю. - Сколько

волнений выпало ей сегодня. Бедный ребенок. И все ради нас с тобой, Алеша...

Они ускорили шаг.

- Я уж думала, вы решили меня здесь бросить, - укорила их Поля. - Уехать бы от вас, но у меня даже билета нет. Мария Федоровна, мы только положим на место папины вещи и сразу выйдем. Хорошо?

- Папа, - зашептала Поля, как только они вошли в вагон. - У тебя есть немножко свободных денег? Дай мне хоть десять-двадцать рублей. Если мне оставаться здесь, надо будет кое-что купить из необходимого. А карманных очень мало.

Он вытащил из куртки бумажник, вынул две двадцатипятирублевки.

- Хватит?

- Одной хватит

- Бери обе. Пригодятся. Билет у меня до Шелтовска. На остальное хватит. - Он показал ей две таких же бумажки. - А покупки без тебя я делать не буду. Когда вместе приедете в Москву, тогда и походим по магазинам.

- Пойдем, неловко, оставили ее одну.

- Ничего, еще минутку. Тебя же мы оставляли.

- Я - твоя дочь. Меня можно.

- А она - моя жена. Я боюсь сказать - твоя мать. Это слишком ответственно. Ты сможешь к ней привыкнуть? - В купе еще никого не было, он взял ее голову в свои ладони. - Устраивать

свое счастье ценой твоих страданий я не хочу и не смогу. Если б пришлось выбирать, то, как бы я ее ни любил, я выбрал бы тебя. А если мы поженимся, это уже на всю жизнь. Ты об этом подумала, когда пошла ее искать?

- Подумала. Во-первых, она очень добрая, ласковая. Я постараюсь ее полюбить. Знаешь, как я завидовала всем ребятам, у которых есть мамы. Я тебе только никогда в том не признавалась. Мне всегда хотелось кого-нибудь так называть. Конечно, сразу у меня не получится. Но со временем... А во-вторых, еще несколько лет, и я у тебя буду отрезанным ломтем. Жить-то с ней тебе. И всю оставшуюся жизнь. Так что думать надо тебе, а не мне. А сейчас пойдем к ней, видишь, она нервничает, ходит по платформе.

- Машенька, прости нас за задержку, - поспешил извиниться Алексей. - Утрясали с Полей хозяйственные дела. Я не привык оставаться один. То баба Поля обо мне заботилась, а теперь уже дочка подросла, мы все с ней решаем.

- Кстати, папа, приедешь домой, сходи в выходной на могилу бабы Поли. Там, наверно, все заросло и цветов не видно. А заодно и скажешь ей, что Мария Федоровна нашлась, пусть она не чувствует себя больше виноватой.

- Что-то я, Алеша, ничего не поняла из этого наказа, - улыбнулась Мария.

- Мы, приезжая на кладбище, разговариваем с бабой Полей, как с живой. Вот и наказывает

мне дочь, чтобы я сообщил нашей бабуле радостную весть. А насчет вины - это длинная история. Ее Поля тебе расскажет, если знает подробности, или я потом расскажу. Весь остаток своей жизни после твоего отъезда она казнилась, считая себя виноватой в моей неудавшейся жизни.

- Как все-таки несправедливо все, - продолжал он. - Только встретил тебя, и снова - расставание. Мало этого, Машенька, ты еще и дочку у меня забираешь.

- Папа, как не стыдно! Один месяц всего и потерпеть. Ты, как приедешь в Шелтовск, сразу телеграмму нам дай.

- Куда? На деревню дедушке?

- Ой, правда, как это я не подумала. - Она достала из кармана блокнотик и ручку, вырвала листок. - Мария Федоровна, черкните адрес нашему великовозрастному ребенку.

Мария быстро записала адрес дачи.

- Как только получим телеграмму, так напишем тебе, как идут сборы.

- Напишем, Алеша, обязательно, - подтвердила Мария. - Причем напишем обе, пришем в разных конвертах, чтобы ты получил информацию от каждой из нас в отдельности.

- Как здорово, - совсем по-детски восхитилась Поля. - Да, пап, - она снова вытащила блокнотик, что-то быстро записала, вырвала листок и подала ему. - У меня еще не все учебники для седьмого. Купи мне, пожалуйста. Я там записа-

ла, какие надо. А то перед самым учебным годом их можно не найти.

- Что тебе еще нужно сделать? - спросил он с улыбкой. - А то уеду, вдогонку не крикнешь, что забыла.

- Кажется, все. - Поля наморщила нос, вспоминая, что еще хотела сказать отцу. - Ты, пап, по утрам не забывай завтракать. А то, знаю, проспишь и умчишься голодный. Он, Мария Федоровна, по утрам поспать любит....

- Так ты уж будь честной, скажи, почему я по утрам тяжело встаю...

- Долго читает. Зато утром, как прокараулю, так ушел голодный. Трудная у вас будет обязанность, успеть его по утрам завтраком накормить.

- Что-то по мне не заметно, что я недоедаю. Как, Маша?

- С тех времен, кажется, даже поплотнее стал.

- А вы, Мария Федоровна, на его внешность не смотрите. У него желудок уже барахлит. А меня он не слушает насчет диеты. Может, потом вас послушает.

- Диета не поможет, - уверенно возразил он. - Нервы придут в порядок, и желудок поправится. Правда, Маша?

Она кивнула. "До отхода поезда Киев-Москва..." - несло над вокзалом.

- Осталось пять минут, - пропела Поля. - Ну, папочка, до скорой встречи. - Она поднялась на

цыпочки, обняла его, он поцеловал ее в лоб, в нос, в губы. - Спасибо тебе, дочушка, спасибо за все.

- А как наказание? - лукаво улыбнулась она.

- Отменяется.

- Тогда до встречи через месяц. - Она отошла, давая возможность им проститься.

- Маша, Машутка моя, я буду ждать. Приезжайте скорее. Господи, неужели ко мне возвращается жизнь?

- Целуйтесь скорее, - кричит Поля, - поезд трогается.

Он вскакивает на подножку уже на ходу. Поднимается в тамбур. Мария и Поля, взявшись за руки, идут за вагоном, потом начинают бежать. По лицу Марии текут слезы, она только машет ему. А Поля кричит, что есть мочи: "Мы скоро приедем, папочка, мы скоро..."

Содержание

Глава первая.....	5
Глава вторая.....	18
Глава третья.....	50
Глава четвертая.....	82
Глава пятая.....	93
Глава шестая.....	134
Глава седьмая.....	164
Глава восьмая.....	200
Глава девятая.....	215
Глава десятая.....	238
Глава одиннадцатая.....	257

**Автор выражает
сердечную благодарность
руководству ОАО
«Вологдаэлектротранс»,
ОАО «Жаско»,
ООО ПФ «Полиграфист»,
ООО «Росполь-Л»
за содействие в издании данной книги.**